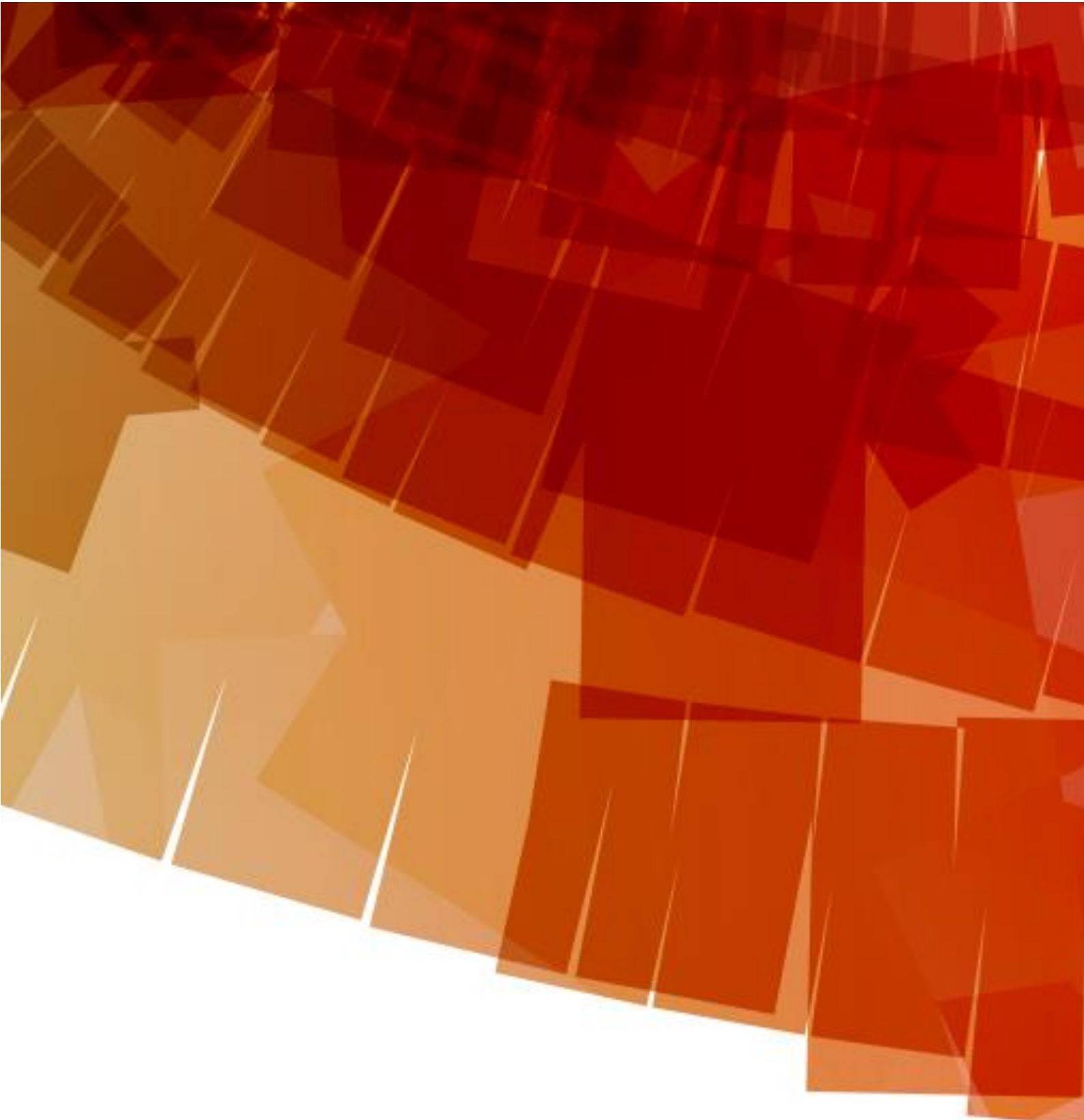

ПРАКСИОЛОГИЯ

16+

«Праксиология» «Praxeology»

Редакционный совет / Editorial Board:

Суровцева Екатерина Владимировна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Главный редактор

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-Chief

Ананченкова Полина Игоревна, кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко

Ananchenkova Polina Igorevna, Candidate of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Economics and Sociology of Health at the National Research Institute of Public Health named after N.A. Semashko

Афанасьев Максим Владимирович кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева;

Afanasyev Maxim Vladimirovich, PhD in Law, Associate Professor, Lebedev Russian State University of Justice;

Бочкарева Екатерина Дмитриевна, кандидат педагогических наук, Московский государственный институт культуры;

Bochkareva Ekaterina Dmitrievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Moscow State Institute of Culture;

Журавлева Евгения Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева

Zhuravleva Evgeniya Aleksandrovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, D.I. Mendeleev Russian University of Chemical Technology

Кудринская Ирина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Kudrinskaya Irina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Куницына Светлана Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник, Военный университет им. князя Александра Невского;

Kunitsyna Svetlana Mikhailovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Researcher, Prince Alexander Nevsky Military University;

Лукина Анастасия Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент, начальник департамента психологии, Московский городской педагогический университет;

Lukina Anastasia Sergeevna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Psychology, Moscow City Pedagogical University;

Неверов Александр Викторович, кандидат социологических наук,

доцент, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы;

Neverov Alexander Viktorovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Резаков Максим Равильевич, кандидат политических наук, доцент Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева;

Rezakov Maxim Ravilevich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev;

Сухонос Александр Петрович, кандидат психологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет

Sukhonosov Alexander Petrovich, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow City Pedagogical University

Трушкова Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет;

Trushkova Svetlana Viktorovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Moscow Automobile and Road Engineering State Technical University;

Чурин Владимир Владимирович, кандидат философских наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ.

Churin Vladimir Vladimirovich, PhD, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

1. ФИЛАНОВСКАЯ-ЗЕНКОВА И.Д. ИЗУЧЕНИЕ АРТИКЛЕЙ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА РУССКОГОВОРЯЩИМИ СТУДЕНТАМИ ВУЗОВ. ТРУДНОСТИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	5
2. БОЯРКИН Н.А. КУЛЬТУРНЫЕ И ЦИФРОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	13
3. БОЯРКИН Н.А. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»	21
4. БОЛОТОВ Д.Д. ПРИНЦИПЫ БАХАИ В ФИЛОСОФИИ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА: ВОСТОК И ЗАПАД – ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ	27
5. БУЗИК М.С. ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В МАРИИНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ ПРИНЦА П.Г. ОЛЬДЕНБУРГСКОГО В ПАВЛОВСКЕ (1864–1917 ГГ.).....	32
6. БУЗИК М.С. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ МАРИИНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ ПРИНЦА П.Г. ОЛЬДЕНБУРГСКОГО В ПАВЛОВСКЕ (1864–1917 ГГ.).....	37
7. ИСАЕВА С., ОМУРЗАКОВ Б.К ОСОЗНАННОСТЬ И ТРЕВОЖНОСТЬ У СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.. ..	41
8. БАВРИН А.В. О ТРЕБОВАНИЯХ К ПРИЗНАКУ СРАВНЕНИЯ В КОНТРАСТИВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	47
9. БАВРИН А.В. ОСОБЕННОСТИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ КАК МАТЕРИАЛА КОНТРАСТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	51
10.КИРСАНОВА Е.В. ИНТЕГРАЦИЯ ТЕХНИК КПТ, МАЙНДФУЛНЕСС И МЕТОДА ФЕЛЬДЕНКРАЙЗА В ПРОГРАММЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПРИ ТРЕВОГЕ И СТРЕССЕ	55
11.КАСИМОВА Р.И., КАСИМОВА М-А.К., КУЗЬМИН АГА К.К. ЕДИНСТВО И БРАТСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПОСЛАНИЯХ БАХАУЛЛЫ К МОНАРХАМ ЕВРОПЫ И ПАПЕ РИМСКОМУ	61
12.ГЕРАЩЕНКО Ю.Г. ЛИЧНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ С МОТИВАЦИЕЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ СОСТОЯНИЕМ СОТРУДНИКОВ	66
13.КОТЕЛЬНИКОВА С.О. РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ТРУДНОСТЯМИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ	77
14.ЗУЕВА Т.Р. МЕЖПОКОЛЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РАСШИРЕННОЙ СЕМЬЕ: ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ	84
15.СИМКИНА Т.А. ФЕОФАН ГРЕК И «КРУГ ФЕОФАНА»: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ В НОВГОРОДСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ XIV ВЕКА	90

16.РЕШЕТОВА Е.И. КОМПЛЕКС КОРРЕКЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	97
17.ПАВЛОВА А.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ КОНЦЕПЦИЮ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК С.С. ХОРУЖЕГО	103
18.КОШМАН А. МОБИЛИЗАЦИЯ И ВОЕННЫЕ СУДЬБЫ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА НАУМОВКИ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ И БЛИЗЛЕЖАЩИХ СЕЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	109
19.ГЕРДОВИЧ Е.Б. ПОСТАТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ВОПРОСЫ ДИАГНОСТИКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ	117
20.ТРИШИН Г.А. ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ГЕНЕАЛОГИИ У ШКОЛЬНИКОВ	122
21.ГОРЬКАВАЯ И.А. ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА НА ПРОЕКТИРОВАНИЕ АЙДЕНТИКИ ИСТОРИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ТВОРЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ.....	127
22.СТЕПАНОВА А.А. МАССОВЫЙ ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ БЕГ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И СЕУЛЕ: РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ И РЕКРЕАЦИОННАЯ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ	133
23.ПУЛЬМАНОВСКАЯ Е.И. ИССЛЕДОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ОБРАЩЕНИЮ В ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ СЛУЖБУ ВУЗА.....	140

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

24.ГАГАРИНА М.Д. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	146
25.ПУЗИН И.Н., ШЕСТОВ А.В., ЛАТАРИЯ И.С., ПАВЛОВА А.С. ЭКОНОМИКА СТРОИТЕЛЬСТВА В ЗЕРКАЛЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: УЧЕТНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ И АУДИТОРСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ЦЕН НА МАТЕРИАЛЫ	154
26.ПУЗИН И.Н., ШЕСТОВ А.В., ЛАТАРИЯ И.С., ПАВЛОВА А.С. ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕТА, СТАТИСТИКИ И АУДИТА МАТЕРИАЛЬНЫХ ПОТОКОВ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ	161
27.ИВАНОВ Е.А. НАЛОГОВАЯ ЛЬГОТА И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ НАЛОГОВАЯ СТАВКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ В ДОКТРИНЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ	169
28.МАТЮХИНА Ю.А. СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО СКОРИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКОВ.....	175
29.ИВАНОВ Е.А. ПРОБЛЕМА ВЗЫСКАНИЯ ДИВИДЕНДОВ ПРИ УТРАТЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ: АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ДЕЛУ «РУСАЛ» (ДЕЛО № А21-6785/2023).....	182
30.ЕГОРОВ В.А. О ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ.....	186

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**Филановская-Зенкова И.Д.**

старший преподаватель

кафедра романо-германских языков

ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического
развития Российской Федерации»,
e-mail: dafi@inbox.ru**Filanovskaya-Zenkova I.D.**

Senior Lecturer

Department of Romance and Germanic Languages

All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian
Federation**ИЗУЧЕНИЕ АРТИКЛЕЙ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА РУССКОГОВОРЯЩИМИ СТУДЕНТАМИ
ВУЗОВ. ТРУДНОСТИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается проблема усвоения системы артиклей испанского языка русскоговорящими студентами вузов. Отсутствие категории артикля в русском языке обуславливает возникновение стойкой межъязыковой интерференции, которая проявляется в виде ошибок при употреблении определённого и неопределённого артиклей, их опущении или неверном согласовании с существительным по роду и числу. На основе контрастивного анализа испанского и русского языков выявляются типичные трудности, с которыми сталкиваются русскоязычные обучающиеся, и предлагаются пути их преодоления: поэтапное введение артикля, использование наглядных контрастивных таблиц, активное применение коммуникативных упражнений и аудиовизуальных средств. Статья адресована преподавателям испанского языка как иностранного, студентам лингвистических направлений и специалистам в области романской филологии.

Ключевые слова: артикль, испанский язык, русский язык, межъязыковая интерференция, категория определённости/неопределённости, контрастивный анализ, методика преподавания, русскоговорящие студенты.

**STUDYING SPANISH ARTICLES BY RUSSIAN-SPEAKING UNIVERSITY STUDENTS.
DIFFICULTIES AND SOLUTIONS**

Abstract. This article examines the problem of mastering the Spanish article system by Russian-speaking university students. The absence of the article category in Russian leads to persistent interlingual interference, manifested in errors in the use of definite and indefinite articles, their omission, or incorrect agreement with nouns in gender and number. Using a contrastive analysis of Spanish and Russian, the article identifies typical difficulties faced by Russian-speaking students and suggests ways to overcome them: a gradual introduction of the article, the use of visual contrastive tables, and the active use of communicative exercises and audiovisual tools. This article is addressed to teachers of Spanish as a foreign language, students of linguistics, and specialists in Romance philology.

Keywords: article, Spanish, Russian, interlanguage interference, category of certainty/uncertainty, contrastive analysis, teaching methods, Russian-speaking students.

Введение

Современная лингводидактика всё больше внимания уделяет проблемам усвоения иностранных языков в условиях искусственного билингвизма. Особое место в ряду таких проблем занимает освоение грамматических категорий, отсутствующих в родном языке обучающихся. Одной из наиболее сложных для русскоговорящих студентов, приступающих к изучению испанского языка, является категория артикля. Испанский язык как один из наиболее распространённых языков мира активно изучается в российских вузах. Как отмечает А.В. Сидоренко, «в настоящее время достаточно интенсивное развитие экономики стран Латинской Америки позволило этому региону увеличить своё влияние на мировой арене, что обусловило рост интереса к изучению испанского языка» [8, с. 180]. Одной из главных трудностей для русскоязычных студентов является правильное употребление артиклей по причине отсутствия артиклей в русском языке. «Это в значительной степени обусловлено тем, что в сознании студента на первый план всегда выходит система родного языка, которую он подсознательно пытается использовать и по отношению к языку, изучаемому в качестве иностранного» [8, с. 180]. Согласно О.А. Гнатюк, «артикли, свойственные испанскому и другим языкам Европы, отсутствуют в русском. Ошибки в использовании артиклей испанского языка среди русскоязычных эмигрантов очень распространены. Причём основной тип ошибок в употреблении артикля – это его опущение» [1, с. 109]. Данное наблюдение, сделанное на материале речи русскоязычных мигрантов, полностью коррелирует с учебной практикой: на начальном и среднем этапах обучения испанскому языку студенты систематически допускают ошибки, связанные с неправильным выбором или полным отсутствием артикля. Т.П. Леонтьева полагает, что «влияние родного языка может быть как положительным (так называемый перенос), так и отрицательным, когда изучаемые явления уподобляются явлениям родного языка (интерференция)» [4, с. 14].

Интерференция — это неосознанное использование в испанской речи тех способов передачи смысла, которые привычны для русского языка (порядок слов, контекст, интонация). Тогда как в испанскую эту функцию выполняют артикли. В результате студенты систематически пропускают, добавляют лишние или путают артикли. Интерференция становится одним из основных препятствий на пути к свободному владению языком.

Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью углублять методические подходы к обучению артиклям русскоговорящих студентов, а также разрабатывать эффективные приёмы и упражнения, направленные на преодоление интерференции. Цель работы – выявить типичные трудности употребления испанских артиклей носителями русского языка и предложить практические рекомендации по их устранению в учебном процессе.

Глава 1. Категория определенности/неопределенности в испанском и русском языках. Типологический аспект

1.1. Артикль как грамматическая категория в испанском языке

Артикль в испанском языке представляет собой служебную часть речи, выступающую в качестве грамматического маркера рода и числа имени существительного и показателя его определённости или неопределённости, который в зависимости от типа (определённый, неопределённый или нулевой) указывает на степень идентификации обозначаемого объекта в рамках коммуникативного контекста. Артикль в испанском языке выполняет несколько функций. Во-первых, он выражает грамматические категории рода и числа имени существительного: *el hombre* (мужчина, мужской род, единственное число), *la mujer* (женщина, женский род, единственное число), *los hombres* (мужчины, мужской род, множественное число), *las mujeres* (женщины, женский род, множественное число). Во-вторых, артикль реализует категорию определённости/неопределённости: определённый артикль (*el, la, los, las*) указывает

на то, что референт известен собеседнику или уже упоминался в речи, тогда как неопределённый артикль (*un, una, unos, unas*) вводит новый, незнакомый или неспецифицированный референт. Помимо определенных и неопределенных артиклей, в испанском языке выделяется нулевой артикль (отсутствие артикля), который встречается в ряде синтаксических конструкций: при существительных, обозначающих профессию после глагола *ser* (*Soy profesor*), в устойчивых оборотах типа *en casa, a pie*, при неисчисляемых существительных в обобщённом значении (*Me gusta música*) и в некоторых других случаях.

1.2. Способы выражения определённости/неопределённости в русском языке

Русский язык, в отличие от испанского, не обладает грамматической категорией артикля. Однако это не означает, что категория определённости/неопределённости в нём отсутствует – она находит своё выражение на других уровнях языковой системы. Как отмечает Е.Б. Передерий, «испанскому и русскому языкам присущи неодинаковые уровни абстракции в выражении данной категории» [6, с. 273]. Если в испанском языке определённый/неопределённый выражается эксплицитно (наличием/отсутствием артикля), то в русском языке для передачи этих значений используются разнообразные имплицитные средства:

1. Порядок слов. В русском языке новые, неизвестные референты чаще занимают позицию в конце предложения, тогда как известные, определённые референты выносятся в начало.
2. Интонация. Фразовое ударение также способно дифференцировать известную и новую информацию.
3. Местоименные средства. Указательные местоимения *этот, тот* и притяжательные местоимения могут частично выполнять функцию определённого артикля.
4. Лексические средства. Слова *один, какой-то, некоторый* и др. служат аналогами неопределённого артикля.

Сравнительный анализ испанской и русской грамматики показывает, что отсутствие артикля в русском языке компенсируется другими языковыми механизмами. Однако эта компенсация носит неполный и контекстно обусловленный характер.

1.3. Лакуарность как источник интерференции

Как отмечают С.О. Патрашку и Е.С. Беликова, «грамматические системы испанского и русского языков отличны, и это создаёт прецедент для проявления интерференции» [5, с. 345]. Типологическое различие между испанским и русским языками в области детерминации создаёт феномен лакуарности – отсутствия в русском языке грамматической категории, имеющейся в испанском. Расхождения в морфосинтаксических параметрах становятся главной причиной возникновения стойких интерферентных ошибок. «Способы словообразования в испанском и русском языках отличаются, что и может являться естественной причиной возникновения интерференции» [5, с. 345]. В общем виде механизм интерференции можно представить следующим образом: обучающийся, не имея в родном языке артикля, не осознаёт необходимости его употребления в иностранном языке и опускает его в речи. Интерференция может охватывать различные языковые уровни и особенно ярко она проявляется в устной речи русскоязычных студентов. При этом, даже если студент знает правила употребления артиклей в спонтанной речи интерференция продолжает давать о себе знать, поскольку автоматизированный навык не сформирован.

Глава 2. Типичные ошибки русскоговорящих студентов в употреблении артиклей

2.1. Опускание артикля (нулевой артикль вместо эксплицитного)

В испанском языке отсутствие артикля может быть не ошибкой, а особым грамматическим явлением – нулевым артиклем, который придаёт существительному определённые оттенки значения (количество, качество, обстоятельство). Его нужно отличать от простого опущения артикля (в

обращениях, перечислениях, после указательных или притяжательных местоимений и т.д.). Нулевой артикль выполняет три функции: количества, качества и адвербиальную. Понимание этих правил помогает избежать стилистических и грамматических ошибок.

Одним из самых распространённых типов ошибок является полное отсутствие артикля там, где он необходим. В учебной практике аналогичные ошибки встречаются часто: студенты пишут *Tengo coche* вместо *Tengo un coche* (У меня есть машина), *Voy a universidad* вместо *Voy a la universidad* (Я иду в университет). Опускание артикля перед существительным, выступающим в роли прямого дополнения или подлежащего, может восприниматься носителями языка как грамматическая ошибка, нарушающая норму.

2.2. Неправильный выбор определённого/неопределённого артикля

Второй тип ошибок связан с неверным выбором между определённым и неопределённым артиклями. Поскольку в русском языке артикль отсутствует студенты испытывают трудности с различением ситуаций, в которых требуется определённый артикль (известный референт, уникальный объект, родовое понятие) или неопределённый (новый референт, один из множества и пр.).

Как отмечается в исследовании В.М. Ключевского, посвящённом функционированию неопределённого артикля в испанской фразеологии, «выбор формы с артиклем соотносится с параметрами индивидуализации (задание конкретного экземпляра), партикуляризации (один из множества/часть целого), типизации (задавание образца для сравнения)» [3, с. 18]. Русскоязычный студент, не привыкший эксплицитно маркировать эти параметры, часто делает ошибочный выбор.

2.3. Нарушение согласования артикля с существительным по роду

Хотя эта проблема в большей степени относится к усвоению рода существительных, она также проявляется в употреблении артиклей. В русском языке род существительного часто определяется по окончанию (-а, -я – женский род; -о, -е – средний; согласная – мужской). В испанском языке корреляция между окончанием и родом менее однозначна: существительные, оканчивающиеся на -а, чаще женского рода (*la casa*), но есть и мужского рода (*el día, el problema, el idioma*). Существительные, оканчивающиеся на -ista, могут относиться как к мужскому, так и к женскому роду (*el/la turista*).

Поэтому студенты нередко допускают ошибки типа *el mesa* (вместо *la mesa*) или *la libro* (вместо *el libro*). Поскольку в испанском языке род существительного часто определяется именно по сопровождающему его артиклю, неправильный выбор артикля влечёт за собой неверное определение рода, что может создавать дополнительные трудности при согласовании с прилагательными и местоимениями.

Цель исследования О.А. Гнатюк, посвящённого именно этому аспекту, состояла в «определении психолингвистических особенностей интерференции, возникающей при использовании в речи имён существительных испанского языка, отличающихся в категории рода от соответствующих им существительных русского языка» [2, с. 27]. «В результате были выявлены такие интерферентные ошибки, как некорректный выбор артикля» и «некорректный выбор формы согласуемого слова» [2, с. 27].

2.4. Ошибки при употреблении артикля с именами собственными и географическими названиями

Отдельное затруднение вызывает у студентов употребление артиклей с именами собственными и географическими названиями. В испанском языке определённый артикль часто используется с названиями рек, горных хребтов, морей и океанов: *el Volga, los Pirineos, el Mediterráneo*; с названиями некоторых стран женского рода: *la India* (но не перед *España, Rusia*); с некоторыми с именами собственными в разговорной речи *la María, el Juan*. Студенты, не знакомые с этими правилами, либо опускают артикль там, где он нужен, либо, наоборот, вставляют его там, где он не требуется.

2.5. Трудности в понимании эмоционально-усилительного значения неопределённого артикля перед существительным с определением

Особую сложность для русскоговорящих студентов представляет употребление неопределённого артикля в эмоционально-усилительной функции. В испанском языке неопределённый артикль может использоваться не только для указания на неопределённость референта, но и для эмоционального выделения, усиления оценки предмета или лица.

Наиболее ярко эта функция проявляется в конструкциях, где неопределённый артикль стоит перед существительным, сопровождаемым определением (прилагательным или придаточным определительным). В таких случаях артикль не столько указывает на неопределённость, сколько подчёркивает интенсивность качества, приписываемого объекту.

Например: ¡Hace un calor terrible! – Ужасная жара! Артикль *un* здесь не просто вводит новое понятие, а усиливает эмоциональное восприятие говорящим интенсивности жары. Tiene una fuerza formidable. – У него невероятная сила. Артикль *una* подчёркивает исключительность качества.

В испанском языке эмоционально-усилительное значение неопределённого артикля особенно характерно для разговорной речи. Для русскоговорящих студентов употребление неопределённого артикля в эмоционально-усилительной функции представляет значительную трудность по нескольким причинам. Во-первых, в русском языке отсутствует грамматическая категория артикля и эмоциональное усиление передаётся лексическими средствами: частицами, порядком слов или интонацией. Во-вторых, студенты часто усваивают неопределённый артикль лишь в его базовой функции указания на неопределённость или первое упоминание предмета, но не осознают, что в испанском языке артикль может выполнять также экспрессивно-оценочную функцию. В результате студенты либо опускают артикль в подобных конструкциях (*Hace calor terrible*), лишая высказывание эмоциональной окраски, либо, что реже, используют определённый артикль, что может менять смысл фразы. Например, *Hace el calor terrible* носитель может воспринять как указание на конкретную, уже известную жару, а не как эмоциональную оценку ее интенсивности.

2.6. Сложности восприятия эмоционально-типизирующего значения неопределённого артикля

Другой функцией неопределённого артикля, вызывающей затруднения у русскоязычных студентов, является его эмоционально-типизирующее значение. В этом случае артикль указывает на то, что существительное должно рассматриваться во всей совокупности своих наиболее характерных качеств, как образец, эталон или типичный представитель своего класса. Это значение особенно ярко проявляется в конструкциях с глаголом *ser* (быть, являться), когда говорящий хочет подчеркнуть, что лицо или предмет в полной мере воплощает те качества, которые ассоциируются с данным понятием. Например: *Es un genio*. – Он (настоящий) гений. Артикль *un* здесь не просто вводит неопределённый референт, а подчёркивает, что данный человек в полной мере обладает всеми качествами, присущими гению. Для русскоговорящих студентов эмоционально-типизирующее значение неопределённого артикля представляет двойную трудность. Во-первых, в русском языке артикль отсутствует, а типизация передаётся контекстом или дополнительными словами (настоящий, типичный). Во-вторых, студенты часто путают типизирующее употребление с обобщающим, где артикль опускается. Например, в предложении *Es profesora* (Она преподаватель – указание на профессию) артикль отсутствует, тогда как в *Es una profesora* (Она (настоящий) преподаватель – указание на типичные качества профессии) артикль обязателен. Эта тонкая смысловая разница, не имеющая аналогов в русском языке, приводит к систематическим ошибкам: студенты либо опускают артикль в типизирующих конструкциях, либо, наоборот, вставляют его там, где требуется нулевой артикль.

Таким образом, как эмоционально-усилительное, так и эмоционально-типизирующее значения неопределённого артикля требуют специального внимания в процессе обучения, поскольку их отсутствие в родном языке студентов создаёт условия для устойчивой интерференции, преодоление которой

возможно лишь через систематическую контрастивную работу и многократную тренировку в коммуникативно-значимых контекстах.

Глава 3. Пути преодоления трудностей. Методические рекомендации

3.1. Поэтапное введение артикля с опорой на контрастивные упражнения

Эффективность обучения употреблению артиклей во многом зависит от последовательности введения материала. На начальном этапе целесообразно:

1. Ввести определённый артикль el/la в паре с наиболее частотными существительными мужского и женского рода, добиваясь автоматического согласования. Полезно использовать наглядные таблицы и визуальные опоры.

2. Одновременно с определённым артиклем ввести неопределённый артикль un/una, но на первом этапе ограничиться только формами единственного числа. Множественные формы unos/unas могут быть введены несколько позже.

3. С самого начала обучения следует уделять внимание «ложным друзьям» – существительным, род которых в русском и испанском языках не совпадает. Студентам необходимо объяснить, что ориентироваться на род русского существительного при выборе артикля в испанском языке нельзя.

Как показывает опыт, применение контрастивных упражнений, в которых студентам предлагается перевести русское предложение на испанский язык, обращая особое внимание на артикли, даёт хорошие результаты. При этом важно не просто указать на ошибку, но и объяснить её причину с точки зрения различий в системах двух языков. Как отмечает А.В. Сидоренко, «возникает потребность включить контрастирующие элементы грамматики в процесс обучения иностранному языку, что позволяет заранее обратить внимание на случаи, когда иностранный язык представляет отклонения от того, что обучающийся привык считать нормой в родном языке» [8, с. 182].

3.2. Использование коммуникативных и ситуативных упражнений

Механическое запоминание правил употребления артиклей недостаточно для формирования автоматизированного навыка. Необходимы упражнения, которые ставят студента в условия, приближенные к реальной коммуникации. Одним из эффективных приёмов является работа с короткими диалогами, в которых студенты должны выбрать правильный артикль, ориентируясь на контекст. Другим полезным приёмом является использование визуального ряда: студентам показывают картинку, на которой изображены несколько предметов, и просят описать её, употребляя сначала неопределённый артикль при первом упоминании, а затем определённый – при повторном. Этот приём имитирует естественный механизм введения референтов в дискурс.

3.3. Применение аудиовизуальных средств и мультимедийных технологий

Современные мультимедийные средства открывают новые возможности и вносят разнообразие в процесс обучения грамматическим явлениям. К числу эффективных приёмов можно отнести: просмотр коротких видеосюжетов (например, эпизодов учебных фильмов или адаптированных сериалов) с последующим заданием выписать все словосочетания с артиклями и объяснить их выбор; работу с интерактивными онлайн-упражнениями, которые обеспечивают мгновенную обратную связь и позволяют многократно тренировать навык; создание студентами собственных коротких аудиозаписей (монологов или диалогов) с последующим анализом ошибок в употреблении артиклей. Важно, чтобы студенты не только видели правильные формы, но и слышали их в естественном звучании, поскольку артикли в испанском языке часто сливаются с предлогами (al, del), и это явление также требует отдельной тренировки.

3.4. Систематическая работа над грамматической интерференцией

Преодоление интерференции – длительный процесс, требующий системного подхода. В работе Т.А. Сапата Руис подчёркивается, что «для преодоления интерференции рекомендуется выполнение специальных упражнений, направленных на систематизацию норм испанского языка, и их сопоставления с нормами русского языка. Достигнутые результаты должны быть доведены до автоматизма путем постоянной отработки и тренировки» [7, с. 91].

К числу таких рекомендаций можно отнести:

1. Опережающее введение сложных случаев. Прежде чем студенты столкнутся с исключениями в текстах, следует познакомить их с типичными «ловушками» (словами, род которых не определяется по окончанию, уникальными объектами, географическими названиями с артиклем).

2. Регулярное повторение. Без постоянной тренировки навык употребления артиклей быстро угасает. Повторение должно быть встроено в каждый урок, даже когда изучаются другие грамматические темы.

3. Сравнение с другими иностранными языками. Если студенты владеют другим языком, полезно провести параллели и различия в употреблении артиклей, поскольку многие языки также обладают системой артиклей.

4. Индивидуальная работа над ошибками. Анализ типичных ошибок каждого студента с последующим составлением персонализированных упражнений позволяет более эффективно бороться с интерференцией.

3.5. Роль учебных пособий и аутентичных материалов

Выбор учебного пособия играет важную роль в формировании навыков употребления артиклей. Отечественные учебники испанского языка, как правило, уделяют достаточно внимания артиклям. Особого внимания заслуживают пособия, построенные на принципе контрастивного анализа, в которых правила употребления артиклей объясняются через их отсутствие в русском языке. Аутентичные тексты (короткие рассказы, статьи новостей, блоги) могут служить ценным источником для наблюдения за функционированием артиклей. Студентам можно предлагать задания на поиск и анализ артиклей в аутентичных текстах, что способствует развитию языковой догадки и автоматизации навыка.

Заключение

В заключение можно сделать следующие выводы:

1. Категория определённости/неопределённости, эксплицитно выраженная в испанском языке через систему артиклей, не имеет прямых грамматических аналогов в русском языке, что является главной причиной возникновения межъязыковой интерференции.

2. Наиболее распространёнными ошибками русскоговорящих студентов в употреблении испанских артиклей являются: опущение артикля, неверный выбор между определённым и неопределённым артиклями, нарушение согласования с существительным по роду, ошибки при употреблении артиклей с именами собственными и географическими названиями, трудности в понимании эмоционально-усилительного значения неопределённого артикля перед существительным с определением, а также сложности восприятия эмоционально-типизирующего значения неопределённого артикля.

3. Преодоление этих трудностей требует комплексного подхода, включающего: поэтапное введение материала с опорой на контрастивные таблицы и упражнения; использование коммуникативных и ситуативных заданий; применение мультимедийных средств; систематическую работу над грамматической интерференцией; привлечение аутентичных материалов.

4. Выбор учебных пособий по испанскому языку для русскоговорящей аудитории, с учётом типологических особенностей русского языка.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные в ней методические рекомендации могут быть использованы преподавателями испанского языка как иностранного в вузах, на курсах и в школах, а также студентами, самостоятельно изучающими испанский язык.

Литература:

1. Гнатюк О.А. К вопросу об интерференции при русско-испанском двуязычии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4-х ч. Ч. 3. С. 107-110. ISSN 1997-2911. [https:// www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/29.html](https://www.gramota.net/materials/2/2017/12-3/29.html) (дата обращения: 01.07.2026).
2. Гнатюк О. А. Различия в категории рода имён существительных как основа появления интерференции на примере русско-испанского языкового контакта (психолингвистический аспект) // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 27–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-5-27-37> (дата обращения: 01.07.2026).
3. Ключевский В.М. Неопределенный артикль в испанской фразеологии: функционально-стилистический анализ // Филология: научные исследования. – 2025. – № 9. – С. 115-122. – DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75795. – URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_75795.html (дата обращения: 01.07.2026).
4. Леонтьева, Т.П. Методика преподавания иностранного языка: учеб. пособие / Т. П. Леонтьева [и др.] ; под общ. ред. Т. П. Леонтьевой. – 3-е изд., испр. – Минск: Вышэйшая школа, 2017 – 239 С.
5. Патрашку С.О., Беликова Е.С. Сравнительный анализ испанской и русской грамматики // Молодой учёный. – 2024. – № 42 (541). – С. 345-348. – URL: <https://www.moluch.ru/archive/541/118506/> (дата обращения: 01.07.2026).
6. Передерий Е.Б. О переводимости испанского артикля Is the Spanish article translatable? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. №24 (710). – С. 273-276. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/is-the-spanish-article-translatable/pdf> (дата обращения: 01.07.2026).
7. Сапата Руис Т.А. К вопросу о преодолении интерференции на начальном этапе обучения испанскому языку // Казачество. 2022. №61 (4). – С. 87-91. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-preodolenii-interferentsii-na-nachalnom-etape-obucheniya-ispanskomu-yazyku> (дата обращения: 01.07.2026).
8. Сидоренко А.В. Процесс обучения испанскому языку носителей русского языка как родного // Ученые записки. – 2019. – Т. 30. – С. 179-182. – URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/20730/4/179-182.pdf> (дата обращения: 14.08.2026).

Бояркин Н.А.

аспирант

АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского»

e-mail: boyarkin_yandex@mail.ru

Boyarkin N.A.

Postgraduate Student

Zhirinovsky University of World Civilizations

КУЛЬТУРНЫЕ И ЦИФРОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Распределённые глобальные IT-команды и опосредованная цифрой коммуникация превращают эмоциональный интеллект (EQ) из внутри- и межличностной характеристики в компетенцию, зависящую от культурного и цифрового контекста. В статье систематизируются культурные и цифровые факторы этой трансформации в профессиональной среде информационных технологий (IT) и обосновывается необходимость формирования специфической компетенции «цифро-культурного EQ». Методы: теоретический анализ, синтез и обобщение научной литературы в области психологии труда, кросс-культурной психологии и цифровой антропологии; сравнительный анализ культурных измерений Э. Холла и Г. Хофстеде; элементы концептуального моделирования; анализ профессиональных практик виртуальных IT-команд. Результаты: выявлены специфические коллизии восприятия эмоций на стыке высоко- и низкоконтекстных культур в распределённых IT-командах; охарактеризованы механизмы «цифровой эмпатии» в синхронных и асинхронных каналах коммуникации; показано, что цифровая среда ограничивает и трансформирует невербальные сигналы; предложена структурно-функциональная модель цифро-культурного EQ, включающая культурную осведомлённость, цифровую эмпатию, метакоммуникацию и саморегуляцию. Практическая значимость: модель может быть положена в основу программ подготовки IT-специалистов, рекомендаций для лидеров распределённых команд и норм цифрового этикета в корпоративных коммуникациях.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, цифро-культурный эмоциональный интеллект, информационные технологии, кросс-культурная коммуникация, цифровая эмпатия, виртуальные команды, культурный интеллект, метакоммуникация.

CULTURAL AND DIGITAL ASPECTS OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

Abstract. Distributed global IT teams and digitally mediated communication turn emotional intelligence (EQ) from an intra- and interpersonal trait into a competence dependent on cultural and digital context. The article systematizes the cultural and digital factors of this transformation in the professional environment of information technology (IT) and substantiates the need to form a specific competence of "digital-cultural EQ". Methods: theoretical analysis, synthesis and generalization of scientific literature in the fields of labor psychology, cross-cultural psychology and digital anthropology; comparative analysis of the cultural dimensions by E. Hall and G. Hofstede; elements of conceptual modeling; analysis of professional practices in virtual IT teams. Results: specific perception collisions of emotions at the junction of high- and low-context cultures in distributed IT teams are revealed; the mechanisms of "digital empathy" in synchronous and asynchronous communication channels are characterized; it is shown that the digital environment not only limits but also transforms nonverbal signals;

a structural-functional model of digital-cultural EQ is proposed, including cultural awareness, digital empathy, metacommunication, and self-regulation. Practical significance: the model can inform training programs for IT specialists, guidelines for leaders of distributed teams, and norms of digital etiquette in corporate communications.

Keywords: emotional intelligence; digital-cultural emotional intelligence; information technology; cross-cultural communication; digital empathy; virtual teams; cultural intelligence; metacommunication.

Цифровизация экономики, глобализация рынка труда и переход на удалённые и гибридные форматы занятости заметно изменили требования к профессионалу. В сфере информационных технологий (ИТ) технические компетенции всё чаще не исчерпывают эффективность сотрудника. Гибкие методологии управления (Agile, Scrum, DevOps) ставят социально-коммуникативные навыки в один ряд с техническими — и прежде всего эмоциональный интеллект (EQ). Но речь идёт не о внутриличностном EQ, оторванном от контекста: востребована компетенция, работающая на стыке культурных и цифровых условий профессионального взаимодействия.

Актуальность темы задаётся двойственной трансформацией рабочей среды современного ИТ-специалиста: он вовлечён в кросс-культурное взаимодействие внутри распределённых глобальных команд и одновременно общается преимущественно через цифровые каналы. По данным исследований последних лет, доля удалённой работы в ИТ-секторе достигает 60–80 % в развитых странах, а многие команды работают в режиме круглосуточной передачи задач между часовыми поясами («солнце не заходит») или включает специалистов из географически и культурно различных регионов [2; 5; 7; 12]. В этих условиях классические представления об эмоциональном интеллекте как преимущественно внутри- и межличностной характеристике оказываются недостаточными: EQ приобретает выраженную культурную и цифровую размерность. Чтобы выявить, какие именно механизмы этой трансформации требуют теоретического осмысления, обратимся к основным концепциям эмоционального интеллекта.

Современные модели эмоционального интеллекта выделяют способность распознавать, понимать, регулировать и использовать эмоции для достижения целей [1; 9]. Однако большинство эмпирических оснований этих моделей сформировано в очном, преимущественно однокультурном взаимодействии. Применительно к ИТ-среде возникает вопрос: как изменяется проявление EQ, когда эмоциональная информация передаётся через текстовые сообщения, видеоконференции и таск-трекеры, а адресат и отправитель принадлежат к разным культурным сообществам. Этот вопрос определяет цель и логику настоящего исследования.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении, систематизации и теоретическом осмыслении культурных и цифровых аспектов проявления и развития эмоционального интеллекта в ИТ-среде. Для достижения цели сформулированы следующие задачи: (1) охарактеризовать влияние культурных измерений на восприятие и выражение эмоций в виртуальных ИТ-командах; (2) проанализировать трансформацию EQ под влиянием цифровизации коммуникации с учётом теории медиа-богатства и социального присутствия; (3) обосновать концепцию «цифро-культурного эмоционального интеллекта» как одной из компетенций ИТ-специалиста; (4) сформулировать перспективы эмпирической разработки этого направления.

Объект исследования: эмоциональный интеллект как профессиональная компетенция в сфере информационных технологий. Предмет исследования: культурные и цифровые детерминанты проявления эмоционального интеллекта в распределённых ИТ-командах. Теоретико-методологическую основу работы составили концепции эмоционального интеллекта Д. Гоулмана [1; 9], кросс-культурных измерений Г. Хофстеде [7; 8], теории высоко- и низконтекстных культур Э. Холла [7; 8], теории медиа-богатства Р. Дафта и Р. Ленгела [3; 10], теории социального присутствия Дж. Шорта, Э. Уильямса и Б.

Кристи [3; 10], исследования цифровой эмпатии и культурного интеллекта (CQ) [1; 9], а также работы по компенсаторной адаптации к цифровой среде Н. Кока [3; 4] и цифровому языку тела Э. Дхаван [12]. Для реализации этой программы исследования использовался комплекс взаимосвязанных методов.

Исследование носит теоретический характер и базируется на методах анализа, синтеза, обобщения и сравнительного анализа научной литературы в области психологии труда, кросс-культурной психологии, педагогики, цифровой антропологии и исследований компьютерно-опосредованной коммуникации. В работе использованы следующие подходы:

1. Теоретико-аналитический подход направлен на выявление основных концепций эмоционального интеллекта, культурного интеллекта и цифровой эмпатии, а также их взаимосвязей. В поле анализа включены как классические работы по EQ, так и современные исследования виртуальных команд и цифровой коммуникации.

2. Сравнительно-систематизирующий анализ применён для сопоставления культурных измерений (контекстуальность, дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, избегание неопределённости) с реалиями IT-коммуникации. Сопоставление проводилось на основе признанных в науке моделей Холла и Хофстеде, дополненных данными о специфике IT-профессий.

3. Концептуальное моделирование использовано для построения структурно-функциональной модели цифро-культурного EQ как интеграции культурной осведомлённости, цифровой эмпатии, метакоммуникации и саморегуляции. Моделирование включало идентификацию входных факторов (культурные и цифровые детерминанты), операциональных компонентов и поведенческих проявлений компетенции.

4. Интерпретационный (герменевтический) подход применён для осмысления профессиональных практик виртуальных IT-команд (рецензирование кода, ежедневные планёрки, ретроспектива, текстовая коммуникация в мессенджерах) через призму культурной и цифровой психологии.

Анализ литературы охватывает как классические работы по эмоциональному и культурному интеллекту, так и современные исследования удалённой работы, виртуальных команд и цифровой коммуникации в IT. Наиболее наглядно описанные выше тенденции проявляются в профессиональной практике IT-индустрии.

IT-индустрия относится к числу наиболее интернационализированных сфер профессиональной деятельности. При разработке программных продуктов команды часто формируются по принципу круглосуточной передачи задач между часовыми поясами («солнце не заходит») или включают специалистов из разных стран и культурных сообществ [10]. В таком контексте EQ актуализируется и как способность понимать собственные эмоции и эмоции конкретного собеседника, и как компетенция декодирования эмоциональных и поведенческих паттернов, обусловленных культурной принадлежностью.

Согласно теории Э. Холла, культуры делятся на высококонтекстные (где большая часть информации передаётся невербально, через интонацию, мимику, статус и ситуацию, а многое подразумевается, но не проговаривается) и низкоконтекстные (где информация передаётся эксплицитно, через текст и прямые указания) [7; 8]. В IT-коммуникации это различие порождает специфические коллизии, особенно заметные в ситуациях профессиональной обратной связи:

1. Обратная связь при рецензировании кода и в ретроспективах. Представители низкоконтекстных культур (например, США, Германия, Нидерланды) склонны к прямой, иногда резкой критике кода, считая это проявлением профессионализма, уважения к времени коллеги и ориентации на результат. Для специалистов из высококонтекстных культур (Япония, Китай, Республика Корея, отчасти

Россия) такая прямота может считываться как агрессия, унижение или угроза «сохранению лица», что вызывает защитную реакцию, снижает мотивацию и ухудшает психологический климат в команде [2; 7].

2. Ежедневные планёрки. В низкоконтекстных культурах принято констатировать проблемы открыто: «я застрял с этой задачей». В высококонтекстных культурах публичное признание затруднения может восприниматься как утрата компетентности, поэтому сотрудник склонен минимизировать или маскировать трудности, что снижает эффективность гибких методологий.

3. Лаконичность в корпоративных мессенджерах. В низкоконтекстных культурах краткие ответы («готово», «ок», «выглядит хорошо») воспринимаются как признак профессиональной эффективности. В высококонтекстных культурах отсутствие развёрнутого подтверждения и благодарности может интерпретироваться как холодность или пренебрежение.

Помимо контекстуальности, на IT-коммуникацию существенно влияют измерения Г. Хофстеде [7; 8]. В культурах с высокой дистанцией власти (Индия, страны Латинской Америки, Ближний Восток) младшие разработчики могут скрывать ошибки или не соглашаться с руководителем открыто, интерпретируя его критику как угрозу статусу. Лидера с развитым эмоциональным интеллектом в такой команде требует и эмпатии, и глубокого культурного интеллекта (CQ) для создания психологической безопасности и альтернативных каналов обратной связи [6; 7; 8]. Например, руководитель может использовать приватные комментарии вместо публичной критики в общем чате или внедрить практику индивидуальных встреч, где сотруднику безопаснее высказывать несогласие.

В культурах с высоким коллективизмом (многие страны Азии, Латинской Америки) приоритет отдаётся групповой гармонии, тогда как в индивидуалистических культурах (США, Австралия, Северная Европа) ценится личная инициатива и публичное признание индивидуальных достижений. В виртуальных командах это проявляется в разном отношении к публичной похвале, конкуренции внутри команды и распределению ответственности. Например, публичное выделение вклада одного сотрудника в чате команды может быть мотивирующим для представителя индивидуалистической культуры и дискомфортным для коллективистской. В коллективистских культурах признание группового результата зачастую более адекватно, чем персональные похвалы.

Избегание неопределённости также влияет на восприятие изменений и рисков. В культурах с высоким избеганием неопределённости предпочтительны чёткие инструкции, детальная документация и минимизация неясности в требованиях. В культурах с низким избеганием неопределённости допустимы эксперименты, итерации и частые изменения приоритетов, что типично для Agile-подхода. Конфликт культурных ожиданий в этом случае может быть истолкован как эмоциональное напряжение или низкий EQ, тогда как на самом деле он отражает различия в культурных установках.

Существенное значение имеет и использование английского языка как международного языка профессионального общения в IT-индустрии. Для многих носителей других языков английский не родной язык, что снижает тонкость эмоциональной выразительности и усиливает риск буквальной интерпретации сообщений. Кроме того, в международных командах часто смешиваются профессиональные культуры разных компаний и национальные культуры, создавая многоуровневую культурную среду, требующую рефлексивного управления эмоциями.

В кросс-культурной IT-среде EQ перестаёт быть универсальной способностью и требует интеграции с культурным интеллектом (CQ) как способности функционировать эффективно в культурно разнообразной среде [7; 8]. Компетентный IT-специалист должен уметь распознавать, когда эмоциональная реакция коллеги обусловлена не личными установками, а культурной логикой, и адаптировать стиль коммуникации без потери профессиональной ясности. Однако культурная детерминация составляет лишь одну сторону трансформации EQ.

Вторым фактором трансформации EQ выступает цифровизация коммуникации. Переход к удалённой работе и распределённым командам лишил IT-специалистов значительной части невербальной информации (мимики, интонации, позы, жесты), что существенно усложняет эмпатическое восприятие и интерпретацию эмоционального состояния коллег. По различным оценкам, в текстовой коммуникации теряется до 60–70 % невербальных сигналов, что повышает риск десенсибилизации, конфликтов и эмоционального выгорания [1; 3; 4].

С позиции теории медиа-богатства Р. Дафта и Р. Ленгела [3; 10], различные каналы коммуникации обладают разной способностью передавать информацию и разрешать неоднозначность. Текстовые чаты и таск-трекеры относятся к «бедным» средам: они эффективны для передачи фактов, но плохо справляются с эмоционально насыщенными сообщениями. Видеоконференции богаче, однако и они ограничены рамкой экрана, задержкой сигнала, качеством связи и когнитивной нагрузкой на участников. Теория социального присутствия Дж. Шорта и др. [3; 10] дополняет этот анализ: чем ниже присутствие собеседника, тем выше риск негативной интерпретации и эмоциональной дистанции.

Цифровизация коммуникации трансформирует классический EQ в понятие «цифровой эмпатии» как способности понимать и разделять эмоциональное состояние другого человека в медиатизированном взаимодействии. Цифровая эмпатия включает в себя несколько взаимосвязанных компонентов:

1. Эмоциональная грамотность в тексте. Способность точно формулировать мысли, чтобы избежать ложного восприятия тональности. В корпоративных мессенджерах (Slack, Telegram, Microsoft Teams) для смягчения тона используются вводные конструкции («на мой взгляд», «возможно, стоит рассмотреть»), эмодзи и реакции, которые в IT-среде давно перешли из разряда неформальных в разряд инструментов снятия эмоционального напряжения и маркировки интенции [1; 4; 11].

2. Асинхронная эмпатия. Понимание того, что задержка ответа, сухой тон сообщения или лаконичная реплика могут быть продиктованы не негативным отношением к адресату, а когнитивной перегрузкой, разницей в часовых поясах, выгоранием или особенностями цифровой среды. В частности, феномен усталости от видеоконференций снижает эмоциональную доступность участников и может быть ошибочно интерпретирован как апатия или холодность [3; 10].

3. Управление цифровым присутствием. Осознание того, как собственное эмоциональное состояние транслируется через статусы в мессенджерах, время ответа, тон письма и формулировки в задачах (Jira, Trello, GitHub issues). IT-специалист с развитым EQ учитывает, что его цифровые следы воспринимаются коллегами как индикаторы эмоционального фона и профессиональной вовлечённости [11; 12].

4. Компенсаторная адаптация. По Н. Коку [3; 4], пользователи цифровых сред развивают компенсаторные стратегии, чтобы восполнить потерю естественных невербальных сигналов: более развёрнутые пояснения, использование скриншотов, видео-скринкастов, голосовых сообщений, структурированных шаблонов запросов. Реализация этих компонентов зависит от того, какой канал цифровой коммуникации используется.

Целесообразно разграничивать синхронные (видеоконференции, голосовые звонки) и асинхронные (чаты, почта, таск-трекеры) каналы цифровой коммуникации. Видеосвязь частично компенсирует потерю невербальной информации, но создаёт новые проблемы: когнитивную нагрузку, эффект «галереи», тревожность перед камерой и затруднённое восприятие многозначных сигналов при низком качестве связи. Текстовая коммуникация, напротив, снижает импульсивность, но увеличивает риск негативной интерпретации из-за отсутствия просодии и мимики. Эффективный IT-специалист способен выбирать канал коммуникации в зависимости от культурного контекста и эмоциональной значимости сообщения: например, конфликтные ситуации и важная обратная связь по результатам работы лучше обсуждать в видеоформате, тогда как рутинные запросы допустимо решать текстом. Если

же соединить культурные и цифровые условия, возникает специфическая форма EQ, в которой оба фактора усиливают друг друга.

На пересечении культурных и цифровых факторов возникает феномен, который целесообразно обозначить как «цифро-культурный эмоциональный интеллект». В текстовом чате (Slack, Telegram, Jira) культурные различия усиливаются из-за отсутствия невербального контекста.

Характерный пример: лаконичный ответ «ок» или «готово» от разработчика из низкоконтекстной культуры считается нормой и знаком эффективности. Однако получатель из высококонтекстной культуры, лишённый возможности увидеть улыбку или услышать доброжелательную интонацию, может интерпретировать это как пассивную агрессию, недовольство или пренебрежение. Подобная десенсибилизация накапливается и порождает конфликты в распределённой команде.

Предлагаемая модель цифро-культурного EQ включает четыре взаимосвязанных компонента:

1. Культурная осведомлённость (знание о культурах и стратегии межкультурного взаимодействия). Знание о культурных измерениях и способность распознавать культурно обусловленные паттерны поведения коллег в цифровой среде. Это включает понимание того, как контекстуальность, дистанция власти, коллективизм/индивидуализм и избегание неопределённости проявляются в тексте, тоне сообщений, реакции на обратную связь и принятии решений.

2. Цифровая эмпатия. Способность воспринимать и выражать эмоции адекватно в медиатизированной коммуникации, учитывая ограничения конкретного канала. Это означает умение «читать» эмоциональный фон за лаконичными сообщениями, корректно интерпретировать задержки ответов и выбирать формулировки, снижающие риск конфликта.

3. Метакоммуникация. Явное проговаривание правил эмоционального взаимодействия, культурных ожиданий и цифрового этикета внутри команды: договорённости о времени ответа, тоне сообщений, использовании эмодзи, формате обратной связи и разрешении конфликтов. Метакоммуникация превращает неявные культурные и цифровые предпосылки в обсуждаемые нормы, доступные для рефлексии.

4. Саморегуляция и цифровой этикет. Способность управлять собственными эмоциональными реакциями в цифровой среде, избегать импульсивных ответов, учитывать разницу в часовых поясах и рабочих ритмах, а также соблюдать нормы вежливости и психологической безопасности. Перечисленные компоненты не суммируются механически, а образуют целостный цикл профессионального эмоционального регулирования.

Компоненты модели работают не изолированно, а как взаимосвязанный цикл: культурная осведомлённость уточняет декодирование эмоциональных сигналов; цифровая эмпатия направляет выбор формулировок и канала; метакоммуникация задаёт совместные нормы; саморегуляция удерживает устойчивость при эмоциональных нагрузках и конфликтах.

Такая циклическая организация компетенции влечёт за собой важные следствия для понимания роли EQ в IT-профессии.

Заключение

В современной IT-среде высокий уровень EQ предполагает у специалиста интуитивную эмпатию и рефлексивную способность к метакоммуникации в виде явного обсуждения того, как именно команда будет интерпретировать эмоциональные сигналы в цифровой среде. Эта способность особенно востребована в моменты неопределённости: при смене статуса задачи, получении лаконичного сообщения руководителя, интерпретации молчания коллеги в чате. Эмоциональный интеллект в сфере IT перестаёт быть сугубо внутриличностной или межличностной характеристикой. Под влиянием глобализации и цифровизации профессиональной среды он приобрёл выраженную культурную и цифровую размерность.

Литература:

1. Белашева И. В. Трансформации эмоциональной компетентности личности в формирующемся цифровом обществе: постановка проблемы // Вестник Вятского государственного университета. – 2022. – DOI: 10.25730/VSU.7606.22.044. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsii-emotsionalnoy-kompetentnosti-lichnosti-v-formiruyuschemsya-tsifrovom-obschestve-postanovka-problemy> (дата обращения: 07.08.2026).
2. Бородин Г. В. Особенности управления удалёнными IT-командами в условиях цифровой трансформации // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 4. – С. 2381–2396. – DOI: 10.18334/epp.15.4.123122. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-upravleniya-udalennymi-it-komandami-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii> (дата обращения: 07.08.2026).
3. Веснин А. С. Влияние психологической дистанции на способы конструирования эмоций в контексте цифровой коммуникации // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2025. – № 4. – С. 5–15. – DOI: 10.24147/2410-6364.2025.4.5-15. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-psihologicheskoy-distantsii-na-sposoby-konstruirovaniya-emotsiy-v-kontekste-tsifrovoy-kommunikatsii> (дата обращения: 07.08.2026).
4. Кольцова Е. А. Мультимодальный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 769–783. – DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-769-783. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimodalnyy-harakter-tsifrovoy-kommunikatsii-funktsionirovanie-emoji-v-mezhlichnostnom-obshchenii> (дата обращения: 21.08.2026).
5. Кураян К. А. Управление удалёнными командами: новая область исследований и её перспективы // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12, № 5. – С. 1121–1130. – DOI: 10.18334/lim.12.5.123186. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-udalennymi-komandami-novaya-oblast-issledovaniy-i-ee-perspektivy> (дата обращения: 07.08.2026).
6. Левушкин И. А. Цифровая трансформация как фактор формирования лидерских компетенций в условиях кросс-культурного // KANT. – 2025. – № 3 (56). – С. 77–81. – DOI: 10.24923/2222-243X.2025-56.11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-kak-faktor-formirovaniya-liderskih-kompetentsiy-v-usloviyah-kross-kulturnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 07.08.2026).
7. Омонова П. Д. Управление конфликтами и построение доверия в кросс-культурных командах // Central Asian Journal of Academic Research. – 2025. – DOI: 10.5281/zenodo.17452208. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-konfliktami-i-postroenie-doveriya-v-kross-kulturnyh-komandah> (дата обращения: 07.08.2026).
8. Родыгина Н. Ю. Цифровая трансформация управления мультикультурными командами в транснациональных корпорациях потребительского сектора: вызовы и перспективы // Журнал прикладных исследований. – 2025. – DOI: 10.47576/2949-1878.2025.8.8.002. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-upravleniya-multikulturnymi-komandami-v-transnatsionalnyh-korporatsiyah-potrebitelskogo-sektora-vyzovy-i> (дата обращения: 21.08.2026).
9. Романова Е. Н. Дифференциация понятий «эмоциональный интеллект» и «эмоциональная компетенция» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.117. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-ponyatiy-emotsionalnyy-intellekt-i-emotsionalnaya-kompetentsiya> (дата обращения: 07.08.2026).
10. Стрельникова Л. А. Воздействие цифровых технологий на возможности удалённой работы и деятельность виртуальных команд // Вестник Академии знаний. – 2024. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-vozmozhnosti-udalennoy-raboty-i-deyatelnost-virtualnyh-komand> (дата обращения: 07.08.2026).

11. Турко У. И. Смайлик, эмотикон и эмодзи как невербальные средства общения в интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 9. – DOI: 10.30853/phil20240427. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smaylik-emotikon-i-emodzi-kak-neverbalnye-sredstva-obscheniya-v-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 07.08.2026).

12. Dhawan E. Digital Body Language: How to Build Trust and Connection No Matter the Distance / New York: St. Martin's Press, 2021. – 272 p.

Бояркин Н.А.

аспирант

АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского»

e-mail: boyarkin_yandex@mail.ru

Boyarkin N.A.

Postgraduate Student

Zhirinovsky University of World Civilizations

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

Аннотация. Эмоциональный интеллект стал модным термином, но вместе с тем растерял чёткое научное содержание. Три десятилетия после программной статьи Сэловея и Мэйера породили целую семью моделей: от тестов максимального исполнения до самоотчётных шкал черт. В этой пестроте легко потерять саму историю понятия. Её восстанавливает историко-теоретический анализ зарубежной и отечественной литературы. Обзор сопоставляет три слоя источников: философские предпосылки (платоновская дихотомия разума и аффекта, Спинозовская линия, шотландская школа нравственного чувства), психологические истоки (социальный интеллект Торндайка, модель Гилфорда, теория множественных интеллектов Гарднера, нейропсихология Дамасио) и научные программы (способностная модель Мэйера, Сэловея и Карузо; смешанные модели Гоулмана и Бар-Она; диспозиционный подход Петридеса и Фёрнхема; отечественные работы Люсина, Карпова, Сергиенко). Концептуальная история понятия распадается на пять этапов: донаучный период, формирование концептуальных оснований, научное оформление, популяризация и дифференциация моделей, критическое переосмысление с консолидацией. Анализ показывает, как унитарная трёхкомпонентная модель 1990-х годов уступала место многомерным и профессионально-специфическим конструкциям. Результат статьи: обоснование для разработки модели эмоционального интеллекта руководителя IT-подразделения.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, история психологии, социальный интеллект, модели эмоционального интеллекта, аффект и интеллект.

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF «EMOTIONAL INTELLIGENCE»

Abstract. Emotional intelligence has become a fashionable term, and in the process lost much of its precise scientific content. Three decades after Salovey and Mayer's seminal article, the field has produced a whole family of models, ranging from maximum-performance tests to self-report trait scales. In this diversity the very history of the concept is easily lost. This article reconstructs that history through a historical and theoretical analysis of international and Russian literature. The review juxtaposes three layers of sources: philosophical prerequisites (the Platonic dichotomy of reason and affect, the Spinozist line, the Scottish school of moral sentiment), psychological sources (Thorndike's social intelligence, Guilford's structure-of-intellect model, Gardner's theory of multiple intelligences, Damasio's neuropsychology), and major research programmes (the ability model of Mayer–Salovey–Caruso; the mixed models of Goleman and Bar-On; the trait approach of Petrides–Furnham; and Russian contributions by Lyusin, Karpov, and Sergienko). The conceptual history falls into five stages: pre-scientific period, formation of conceptual foundations, scientific formalization, popularization and model differentiation, and critical reconsideration followed by consolidation. The analysis traces how the unitary three-

component model of the 1990s gave way to multidimensional and professionally specific constructs. The result supports developing a model of emotional intelligence for managers of IT departments.

Keywords: emotional intelligence, history of psychology, social intelligence, models of emotional intelligence, affect and intellect.

Введение

Тридцать с небольшим лет назад Сэловей и Мэйер сформулировали понятие «эмоциональный интеллект» как системную научную конструкцию. С тех пор оно прошло путь от узкой исследовательской гипотезы до одного из самых востребованных терминов в психологии и HR-практике. Но успех имел и обратную сторону: один и тот же термин сегодня означает слишком многое: когнитивные способности, измеряемые тестами максимального исполнения, устойчивые черты личности, фиксируемые самоотчётами, и даже набор социальных навыков. Эта концептуальная неоднородность мешает сравнивать исследования и применять конструкт в управлении.

Вернуть конструкту научную ясность помогает историко-теоретический анализ. Он показывает, что эмоциональный интеллект возник не из одной статьи, а вырос из многовековой дискуссии о соотношении разума и аффекта. Этапы его становления объясняют, почему способностная, смешанная и черточная модели так и не сошлись во мнении. Эта перспектива задаёт методологическую рамку для изучения управленческой деятельности и ведёт к профессионально-специфическим моделям. Поворот станет понятен, если восстановить последовательность этапов, на которых конструкт приобретал новое содержание.

Историко-теоретический анализ становления понятия

Современная литература держит несколько разных версий эмоционального интеллекта, и каждая версия рисует свои границы конструкта. Сэловей и Мэйер, к которым позже присоединился Карузо, определяли его как набор когнитивных способностей по обработке эмоциональной информации [14]. Этот вариант лёг в основу теста MSCEIT и считается наиболее строгим с точки зрения конструктивной валидности [14]. Гоулман и Бар-Он пошли иначе: их смешанные модели добавляют к конструкту мотивацию, социальные навыки и личностные черты. Петридес и Фёрнхем, напротив, развели способностный и черточный варианты; последний они предложили измерять самоотчётными шкалами, включая TEIQue.

Проблема в том, что под одним названием до сих пор живут разные конструкты [11]. Без единого определения и операционализации трудно сопоставлять результаты исследований, опирающихся на разные трактовки конструкта [10]. Смешанные модели ещё больше размывают границы: соединив способности, черты и поведение, они рискуют превратить эмоциональный интеллект в синоним простой адаптивности. Эта концептуальная путаница не возникла внезапно; она уходит корнями в многовековую дискуссию о соотношении разума и аффекта, и только историко-теоретический анализ позволяет увидеть её источники.

Рассуждать о разуме и эмоциях как о разных силах начали ещё в античности. Платон в «Государстве» разделил душу на три части и поручил разумному началу управлять аффективным и вожделеющим. Аристотель, проанализировав эмоции в «Риторике» и «Никомаховой этике», усилил эту идею: разум способен направлять аффекты к добродетельным целям. Позже эта же мысль получит развитие в теории эмоциональной регуляции.

Античная дихотомия получила радикальное продолжение в Новое время. Декарт довёл дихотомию до крайности: мыслящая и протяжённая субстанции разошлись, а страсти он свёл к телесным движениям, контролируемым разумом. Спиноза выбрал диаметрально противоположный путь: аффекты у него суть

модусы мышления, обладающие собственной рациональностью и когнитивной ценностью. Отсюда берёт начало идея, что эмоции не мешают разуму, а нужны ему для эффективной работы.

Если Спиноза переосмыслил аффекты изнутри рационального порядка, то XVIII век попытался найти для них социальное и нравственное основание. Шотландская школа нравственного чувства (Юм, Смит, Хатчесон) ввела понятие морального чувства. Это способность распознавать эмоции других людей и на этой основе строить моральные суждения. Смитовское учение о симпатии в «Теории нравственных чувств» во многом предвосхитило современную эмпатию как компонент эмоционального интеллекта.

Философские предпосылки обрели экспериментальное звучание, когда психология XX века выделила межличностную компетентность в отдельную область интеллекта. Торндайк ввёл «социальный интеллект»: умение понимать людей, влиять на них и действовать мудро в отношениях. Так межличностная компетентность отделилась от абстрактного и механического интеллекта. Гилфорд добавил второй источник: в свою многомерную модель SOI он включил переработку поведенческой информации. Это положение, согласно которому интеллектуальные операции могут быть направлены на поведенческое содержание, легло в основу дальнейшей концептуализации эмоционального интеллекта.

Логика многомерного описания интеллекта нашла продолжение у Гарднера: в теории множественных интеллектов он выделил внутриличностный и межличностный интеллекты. Первый означал понимание собственных чувств, мотивов и страхов; второй означал понимание намерений и желаний других. Эта типология фактически очертила то проблемное поле, которое позже назвали эмоциональным интеллектом.

Однако экспериментальное обоснование взаимосвязи эмоций и когнитивных процессов пришло из нейропсихологии. Решающий аргумент дали работы Дамасио. Гипотеза соматических маркеров показала: повреждение вентромедиальной префронтальной коры нарушает связь эмоций и когнитивных процессов, и пациенты с таким повреждением демонстрируют серьёзные дефекты принятия решений при сохранном формальном интеллекте. Эти данные дали нейробиологическое подтверждение тому, что эмоции не противостоят рациональности, а обеспечивают её эффективность.

Нейробиологические данные подготовили почву для научного термина, хотя само словосочетание появилось раньше, чем сложилась системная программа. Термин «эмоциональный интеллект» впервые появился у Белдока в контексте чувствительности к эмоциональным коммуникативным сигналам. Независимо от него Лойнерн использовал то же словосочетание в немецкоязычной публикации. Оба случая остались единичными: широкого резонанса они не вызвали, а систематической программы не породили.

Случайные упоминания не сформировали исследовательской традиции; настоящей отправной точкой стала программная статья Сэловея и Мэйера [14]. В ней эмоциональный интеллект впервые получил системное определение: подмножество социального интеллекта, включающее способность отслеживать свои и чужие чувства, различать их и использовать эту информацию в мышлении и действии [14]. Авторы также предложили три компонента: оценку и выражение эмоций, их регуляцию и использование в решении задач [14]; эта структура позже легла в основу способностной модели и MSCEIT [14].

Первоначальное определение быстро уточнялось. К 1997 году Мэйер и Сэловей переработали модель, развернув её в четыре ветви: восприятие, использование для содействия мышлению, понимание и управление эмоциями [14]. Эта версия, впоследствии названная способностной, легла в основу MSCEIT и задала эталон объективного измерения конструкта [14].

Способностная модель задала академический эталон, но за пределы научных журналов конструкт вынесла популяризация. Этот этап открыла книга Гоулмана «Эмоциональный интеллект». По сравнению со способностной моделью Гоулман заметно расширил содержание понятия, добавив мотивацию,

социальные навыки и самосознание, и выдвинул спорный тезис: эмоциональный интеллект предсказывает жизненный успех сильнее, чем интеллект.

Примерно в то же время Бар-Он выстроил альтернативную смешанную конструкцию. Параллельно он разработал модель эмоционально-социального интеллекта и опросник EQ-i. В её состав вошли пять блоков: внутриличностные и межличностные способности, управление стрессом, адаптивность и общее настроение. Эта модель, как и концепция Гоулмана, относится к смешанным: она соединяет когнитивные способности с личностными чертами и мотивацией.

В ответ на размытость смешанных моделей исследователи стали разграничивать способностный и диспозиционный полюса конструкта. В начале 2000-х Петридес и Фёрнхем предложили развести способность и черту. Диспозиционный вариант они описали как совокупность устойчивых эмоциональных самовосприятий на нижних уровнях личностных иерархий. Отсюда следовал важный методологический вывод: способностный вариант измеряют тестами максимального исполнения, а диспозиционный измеряют самоотчётными шкалами, включая TEIQue.

Разделение на способность и черту не сняло методологических вопросов; напротив, оно инициировало критическое переосмысление. С середины 2000-х начался критический поворот. Локк оспорил саму идею, увидев в ней произвольную склейку разнородных конструктов под красивым, но слабым названием. Мэттьюз, Зайднер и Робертс в монографии подвергли эмпирические данные критическому разбору и показали, что инкрементная валидность остаётся неоднозначной. Критика сработала конструктивно: она подтолкнула исследователей к более строгому определению и уточнению методов измерения. Мэйер, Сэловей и Карузо систематически отграничили способностный вариант от смешанных моделей, настаивая, что научный статус принадлежит только конструкту как совокупности когнитивных способностей, измеряемых объективными тестами [14].

Критика не разрушила поле, а сузила его научные рамки. В последние годы поле тяготеет к консолидации, но без ущерба для плюрализма [1]. Параллельно растёт интерес к контекстуально-специфическим проявлениям конструкта в разных профессиональных средах [2]. За три десятилетия представления о структуре эмоционального интеллекта сильно изменились: от простых унитарных моделей к сложным многомерным конструкциям.

Эта эволюция на уровне дискуссий находит отражение в изменении самой структуры моделей. Первоначальная модель Сэловей и Мэйера была компактной: три компонента [14]. Четырёхветвевая версия усложнила структуру, построив иерархию от базового восприятия эмоций к более сложному управлению ими [14]. Модели Гоулмана и Бар-Она, напротив, расширили границы, включив мотивацию, поведение и личностные черты; плата за это: размытость границ конструкта.

Простая трёхкомпонентная схема превратилась в многоуровневое образование. Разграничение способностного и диспозиционного вариантов показало: за одним названием прячутся разные конструкты. Люсин добавил ещё одну плоскость: внутриличностное и межличностное измерения [9]. Структуру эмоционального интеллекта можно представить как многомерное образование: базовые механизмы перцепции и понимания эмоций плюс более сложные процессы регуляции и использования эмоциональной информации в деятельности. Для управленческой практики особенно важны регуляторные и межличностные компоненты, включая эмпатию как механизм сопереживания: они помогают руководителю адаптировать поведение к динамике профессиональной среды [7].

Эта многомерность отчётливо видна в отечественной традиции, где конструкт развивался на собственном методологическом основании. Отечественная психология изучает конструкт с начала 2000-х, и здесь заметно влияние национальной школы. Методологический фундамент: принцип единства аффекта и интеллекта, восходящий к Выготскому. В этой рамке мышление и эмоции: взаимопроникающие аспекты одного процесса психической регуляции, а сам эмоциональный интеллект

тракуется не как обособленная способность, а как интегративное образование, сочетающее когнитивное и аффективное.

В рамках этого единства аффекта и интеллекта отечественные исследователи создали ряд оригинальных моделей. Среди отечественных авторов выделяется Люсин: его двухкомпонентная модель с внутриличностным и межличностным измерениями стала базовой для российских исследований [9]. Люсин понимает конструкт как психологическое образование, складывающееся на протяжении жизни из когнитивных способностей, представлений об эмоциях и особенностей эмоциональности [9]. Созданный им опросник ЭМИн широко используется в отечественной практике [9]. Андреева систематизировала зарубежные подходы и адаптировала их к российскому контексту [3]; в её исследованиях прослежена связь конструкта с самоактуализацией, личностными чертами и копинг-стратегиями [4].

Наряду с общетеоретическими моделями появились подходы, связывающие эмоциональный интеллект с регуляцией деятельности. Карпов и Сидорова развили метакогнитивный подход: они показали связь конструкта с рефлексией и метакогнитивной регуляцией деятельности [8]. Для психологии управления это особенно ценно: открывается путь к изучению роли эмоционального интеллекта в принятии решений и рефлексии управленческой работы [13]. Сергиенко поместила конструкт в парадигму контроля поведения, связав его с проблематикой ресурсов саморегуляции [12]. В этой перспективе акцент делается на функциональной роли конструкта как механизма субъектной регуляции деятельности и поведения. Эти функциональные акценты делают конструкт значимым для изучения управленческой деятельности в IT-среде, где принятие решений и саморегуляция протекают в условиях неопределённости и высокой когнитивной нагрузки.

Заключение

Концепция эмоционального интеллекта возникла не на пустом месте. Её подготовили многовековая философская дискуссия о соотношении аффекта и разума, исследования социального интеллекта, теория множественных интеллектов и нейропсихология эмоций в принятии решений. За донаучным периодом и формированием концептуальных оснований следуют три научных этапа: научное оформление конструкта, популяризация и дифференциация моделей, критическое переосмысление с последующей консолидацией. Представления о структуре эволюционировали от унитарных моделей [14] к многомерным конструкциям; в последнее время доминирует контекстуальная спецификация: выделение компонентов, значимых для конкретных профессиональных областей [1]. Отечественная психология внесла существенный вклад: двухкомпонентная модель Люсина [9], метакогнитивный подход Карпова [8] и парадигма контроля поведения Сергиенко [12]. Методологическим основанием служит принцип единства аффекта и интеллекта Выготского [6].

В последние годы область ужесточает методологические требования, усиливает прикладную ориентацию и чаще задаётся вопросами развития и обучаемости конструкта [5]. Перспективным остаётся изучение профессионально-специфических проявлений эмоционального интеллекта в новых средах, в том числе в управлении IT-подразделениями. Это направление задаёт логику дальнейшей разработки моделей.

Литература:

1. Абакумова И. В., Аверкиева Т. З., Кинцурашвили Д. З. Современные направления исследования эмоционального интеллекта // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 14–24. – DOI: 10.23947/2658-7165-2022-5-4-14-24.
2. Абрамов В. И., Чуркин Д. А. Роль эффективных коммуникаций и коллективного разума при цифровой трансформации компании // Вестник университета. – 2024. – № 4. – С. 50–60. – DOI:

10.26425/1816-4277-2024-4-50-60. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-effektivnyh-kommunikatsiy-i-kollektivnogo-razuma-pri-tsifrovoy-transformatsii-kompanii> (дата обращения: 18.08.2026).

3. Андреева И. Н. Интегративная модель эмоционального интеллекта // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. – № 1. – С. 125–133.

4. Андреева И. Н. Эмоциональный интеллект и эмоциональная креативность: специфика и взаимодействие. – Новополоцк: Полоц. гос. ун-т, 2020. – 356 с.

5. Васьбиева Д. Г. К вопросу о современных концепциях эмоционального интеллекта и факторах его формирования и развития у студентов вуза // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 4. – С. 5–7. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovremennyh-kontseptsiyah-emotsionalnogo-intellekta-i-faktorah-ego-formirovaniya-i-razvitiya-u-studentov-vuza> (дата обращения: 18.08.2026).

6. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 5–361.

7. Дятлов Д. А., Дмитриева Ю. А. Эмоциональный интеллект как ресурс творческого лидерства // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14, № 3. – С. 19–28. – DOI: 10.14529/jpps210302. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-kak-resurs-tvorcheskogo-liderstva> (дата обращения: 18.08.2026).

8. Карпов А. В., Сидорова Н. В. Эмоциональный интеллект как детерминанта стилей принятия управленческих решений // Перспективы науки и образования. – 2021. – № 3 (51). – С. 344–359. – DOI: 10.32744/pse.2021.3.24. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-kak-determinanta-stiley-prinyatiya-upravlencheskih-resheniy> (дата обращения: 18.08.2026).

9. Люсин Д. В., Панкратова А. А., Корниенко Д. С. Апробация краткой версии опросника ЭМИн // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – Т. 19, № 4. – С. 822–834. – DOI: 10.17323/1813-8918-2022-4-822-834.

10. Никитина О. А., Никитина А. Р. Эмоциональный интеллект: понятие, структура // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2024. – № 3. – С. 58–63. – DOI: 10.24412/2658-638X-2024-3-58-63. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-ponyatie-struktura-genezis> (дата обращения: 18.08.2026).

11. Расторгуева Е. Н. Эмоциональный интеллект: к проблеме определения понятия // Вестник университета. – 2024. – № 1. – С. 230–239. – DOI: 10.26425/1816-4277-2024-1-230-239.

12. Сергиенко Е. А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции // Психологические исследования. – 2006. – Т. 5, № 1. – С. 27–42.

13. Сидорова Н. В. Парциальность эмоционального интеллекта как детерминанта принятия управленческих решений // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2022. – № 2 (16). – С. 354–362.

14. Mayer J. D., Salovey P., Caruso D. R. The ability model of emotional intelligence: Principles and updates // Emotion Review. – 2016. – Vol. 8, № 4. – P. 290–300. – DOI: 10.1177/1754073916639667.

Болотов Д.Д.

студент

факультет Высшей школы государственного аудита

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

e-mail: bolotovd2000@mail.ru

Bolotov D.D.

student

Faculty of the Higher School of State Audit

Moscow State University named after. M. V. Lomonosova

ПРИНЦИПЫ БАХАИ В ФИЛОСОФИИ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА: ВОСТОК И ЗАПАД – ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Аннотация. Статья посвящена компаративному анализу аксиологических аспектов философии Рабиндраната Тагора и принципов веры бахаи. Результатом исследования личных контактов индийского философа с известными бахаи, включая встречу с Абдул-Баха (1912) и Мартой Рут (1937), стал вывод об интеграции многих принципов бахаи о единстве религий и человечества на мировоззрение Тагора, стремившегося к институционализации диалога с бахаи через открытие кафедры исследования веры бахаи в основанном им Университете Вишва-Бхарати. Тагору принадлежит внедрение идей о гармоничном синтезе науки и религии в индийском социуме и новой антропологии, созвучной принципам бахаи.

Ключевые слова: Рабиндранат Тагор, Вишва- Бхарати, вера бахаи, Абдул-Баха, Марта Рут. братство и единство человечества.

PRINCIPLES OF THE BAHAI IN RABINDRANAT TAGOR'S PHILOSOPHY: THE EAST AND THE WEST – UNITY AND DIVERSITY

Abstract. The article states the comparative analysis of the axiological aspects of the research of the private contacts between the Indian philosopher with the well-known Baha'i, including Abdul-Baha (1912) and Martha Rut (1937), the conclusion is made about the integration of the Baha'i principle of the religious and humankind unity on Tagor's worldview, who actively promoted the institutional dialogue with the Baha'i through the creation of the department of the Baha'i Faith in his University Vishwa-Bharati. Tagor also deployed the idea of a harmonical synthesis of science and religion in the Indian society and a new anthropology, consonant with the Baha'i principles.

Keywords: Rabindranat Tagor, Vishwa-Bharati, the Baha'i Faith, Abdul- Baha, Martha Root, brotherhood and the unity of the humankind.

«Земля — единая страна,
а человечество — ее граждане».
Бахаулла

Бог создал людей разными: они по-разному думают,
по-разному живут, различна их вера,
неодинаковы и обычаи,

но всем им присуще единое — человеческое.

У всех течет одна и та же кровь [12].

Рабиндранат Тагор

Принцип единства и братства человечества, впервые заявленный в русской религиозной философии в концепции Всеединства В. С. Соловьева [8], был ранее провозглашен в Посланиях нового Посланника Божьего Бахауллы (1817 – 1892), которые вскоре стали известны в России через дипломатов [6], востоковедов и представителей культурной элиты, таких как О. С. Лебедева, И. А. Гриневская [5, с.164; 6, с.43]. Концепт единства человечества получил развитие в трудах выдающихся мыслителей к. XIX – XX вв.: Л. Н. Толстого, Н. Ф. Федорова, В. И. Вернадского, Н. К. Рериха, Р. Тагора, М. Ганди и др. Индийский поэт и философ Рабиндранат Тагор (1861 – 1941) – лауреат Нобелевской премии (1913) и основатель ашрама Вишва- Бхарати, впоследствии ставшего университетом (1951) в независимой Индии, познакомился с верой бахаи в 1910 году, и в дальнейшем разделил ее основные аксиологические принципы: единство Бога, веротерпимость, братство и единство человечества, всеобщее образование и гендерное равенство.

Актуальность исследования обусловлена важностью изучения предпосылок развития аксиологической концепции культуры к. XX – нач. XXI вв., противостоящей технократизму и двумя праздничными датами: 100-летним юбилеем московской общины бахаи (2025) и годом единства народов России (2026). Цель исследования заключается в компаративном анализе аксиологических основ веры бахаи и философии Тагора. В задачи исследования входит комплексный анализ Писаний бахаи и философии Тагора, выявление их сходств и различий. Гипотеза исследования – возможность рецепции Тагором идей бахаи.

Представитель высшей касты брахманов и внук основателя движения «Брахма Самадж» Р. Тагор познакомился с европейской системой образования в Англии (1878 – 1880), что способствовало широкой эрудиции будущего поэта и литератора и позволило в дальнейшем интегрировать элементы западной культуры в индийский контекст, отразить этот синтез в литературе и музыке Бенгалии и стать автором гимна Индии («Джанаганамана»), а также выступить против кастовых и культурных предрассудков. Основанный им центр – ашрам в Западной Бенгалии Шанти- Никетан («Обитель мира») в 1901 году стал важнейшим духовно- просветительским центром Индии, в который приезжал известный общественно-политический деятель Махатма Ганди, воспринявший идеи Тагора.

Познакомившись с принципами веры бахаи 12 сентября 1910 года, как редактор журнала «Vishwa-Bharati Quarterly» через статью Хемлаты Деви, представлявшей выступление первой английской бахаи Этель Дженнер Розенберг (1858 – 1930) на XVII Всемирном конгрессе мира в Лондоне (1908), в дальнейшем Тагор включил многие принципы новой мировой религии в свое философское учение: провозглашение новой духовной (мировой) эпохи с идеей братства и единства человечества, устранение предрассудков и антимилитаризм. Идеи бахаи были созвучны прогрессивному духу эпохи модерна. Их разделяли Л. Н. Толстой [4, с.167-168], персидский дипломат Риза Хан (Даниш), поэт-футурист В. В. Хлебников, американский художник- экспрессионист Марк Тоби, королева Румынии Мария и др.

Личная встреча Тагора со старшим сыном Основателя (Бахауллы) новой мировой религии бахаи и главой общины Аббасом Эффенди – Абдул-Баха (1844 – 1921), который путешествовал по Европе и Америке (1911 – 1913) после освобождения из ссылки [10,195], состоялась 31 октября 1912 году в Чикаго, во время первой поездки Тагора в США. Этот факт известен из воспоминаний известной американской бахаи Марты Луизы Рут (1872 – 1939), записавшей в 1937 г. со слов Тагора: «Я встретил Абдул-Баха в Чикаго в 1912 году. Он жил в отеле; Он беседовал со Своими последователями, собравшимися вокруг

Него, и я тоже поговорил с Ним. Он очень любезно предложил мне, если будет возможность, приехать к Нему в Его резиденцию в Хайфе. Я всегда думал, что постараюсь туда поехать, но не сложилось. Прошли годы, и однажды я прочитал в газетах, что Абдул-Баха скончался» (перевод – Р. К.) [3]. Индийский философ признавал, что беседа оказала на него огромное впечатление, а сам Абдул-Баха стал для него воплощением принципов любви, сострадания и единства [Там же].

Тагор признавал важность веры бахаи в контексте культурно-исторического релятивизма и хотел организовать кафедру по ее изучению в своем ашраме, постоянно пополнял библиотеку книгами соответствующей тематики. В 1928 году в Вишва-Бхарати им был приглашен венгерский проф. Дьюла Германус (Юлиус Абдулькарим) (1884 – 1979), переводчик Абдул-Баха. В 1908 году статьи первого индийца- бахаи Притама Сингха были опубликованы в академическом журнале «Viswa-Bharati Quarterly» в 1923 году [9], который редактировал Р. Тагор.

Известная американская бахаи, посетившая в 1937 году ашрам Тагора и прочитавшая там лекцию о вере бахаи, отмечала: «Доктор Тагор с глубокой признательностью отзывался об Абдул-Баха; он также сказал, что эта вера — великая идея, которую следует утверждать» [8, с. 688].

Центральные идеи бахаи – единство Бога, религий и человечества стали лейтмотивом философии Тагора: «Бог создал людей разными: они по-разному думают, по-разному живут, различна их вера, неодинаковы и обычаи, но всем им присуще единое – человеческое» [10]. Индийский философ выступил в защиту мира, разделяя принцип единобожия (монотеизма) и идею прогрессивного развития человечества бахаи, согласно которой Божественное Откровение постепенно раскрывалось через Посланников Божиих: Авраама, Моисея, Иисуса, Мухаммада и Бахауллу. Тагор призывал к преодолению кас товых предрассудков и гендерному равенству, что ранее было высказано в Посланиях Абдул-Баха (1912): «Мир человечества обладает двумя крыльями: мужским и женским. Пока эти два крыла не станут равны по силе, птица не сможет взлететь. Пока женский род не достигнет того же уровня, что и мужской, пока он не получит равных возможностей для деятельности, человечество не сможет достичь выдающихся высот» [1, с.134].

Индийскому мыслителю была близка идея необходимости преодолеть собственный эгоизм для единения с Божественной волей. Тем самым, он разделял взгляд Абдул-Баха на то, что самореализация человека тесно связана с духовным совершенствованием, служением человечеству и стремлением к нравственности, а истинное духовное преуспевание состоит в практико-ориентированном участии человека в преобразовании мира.

Утверждая приоритет образования, Тагор, тем самым, воплощал важнейший принцип бахаи, о котором Бахауллу писал в «Скрижали к Максуду» (1880 – 1881): «Считайте человека копью, богатой драгоценными камнями неопределимой ценности. Только образование способно заставить её раскрыть свои сокровища и дать человечеству возможность извлечь из них пользу» [2]. Знакомый с педагогическими трудами Дьюи, Монтессори, Руссо, Спенсера, Толстого и Фребеля, индийский философ стремился к универсальному синтезу лучших достижений Востока и Запада, рассматривал духовное образование как путь к решению аксиологических проблем человечества, что соответствует концепции бахаи.

Близкими к идеям бахаи оказались и представления Тагора о важности жертвенного служения и необходимости практической реализации духовных идеалов через социальное служение, а также отрицательное отношение к аскетике. Активное участие в практической деятельности по преобразованию общества было реализовано Тагором в Вишва-Бхарати, воплотившим синтез наук (западных и индийских Вед), искусств, ремесел, музыки, театра, физического труда и молитвы. Оригинальный и самобытный образовательный проект соответствовал принципам бахаи единства науки и религии и духовно-нравственного воспитания.

Признание Тагором эволюционно-прогрессивного динамического характера развития человечества и гармоничного диалектического единства противоположностей в сборнике эссе «Садхана» (1915): «Человек разгадал великую загадку, что все дельное не заключено в этих пределах: оно вечно движется вперед и вследствие того ежеминутно теряет свою предельность. Действительно, несовершенство не есть отрицание совершенства, предельность не противоречит беспредельности. Это ничто иное как целостность, проявляющаяся по частям, откровение беспредельного в предельном» [13, с. 117], осуществленное независимо от развития западной философской мысли XX в., свидетельствует в пользу его рецепции идей бахаи.

Ряд значимых религиозно-философских параллелей, обнаруженных в ходе исследования между философией Тагора и идеями бахаи, а также факт исторического его личного знакомства в 1912 году с Абдул-Баха позволяют заключить наличие влияния идей бахаи на индийского мыслителя, воплощавшего в жизнь идею гармоничного синтеза науки и религии через духовное образование. Его концепции любви, знания, бескорыстного действия и эко-теологии также соответствуют Писаниям бахаи. Особого значения заслуживает его признание важности веры бахаи и стремление создать кафедру по ее изучению в Вишва-Бхарати, что стало важным этапом для включения конфессии в академическое поле.

Призыв Тагора к изучению веры бахаи остаётся актуальным и в пост-метафизической реальности множественного аксиологического выбора с потерей традиционных духовно-нравственных ценностей. В основу комплексного решения современного аксиологического кризиса могут быть положены этические принципы бахаи и философии Тагора, предполагающие поэтапную трансформацию сознания через молитву, единство и братство человечества, получение всеобщего образования, преодоление предрассудков, гендерное равенство и социальную справедливость. Интеграция в культуру и признание данных универсальных ценностей человечеством может не только решить глобальные мировоззренческие задачи, но и стать ориентиром для преодоления мировых социально-экономических кризисов XXI века.

Литература:

1. Abdul- Baha. The Promulgation of Universal Peace: Talks Delivered by 'Abdu'l-Baha during His Visit to the United States and Canada in 1912. – 2-nd ed. – Wilmette, Illinois, 1982. – 513 p.
2. Бахаулла. Лаух-и-Максуд (Скрижаль к Максуду). – [Электронный ресурс]. URL: https://bahai.ru/library/text.php?book_id=5&page=9§ion_id=187&language_code=ru&query= (дата обращения 30. 07.2026).
3. Terry P. Rabindranath Tagore: Some Encounters with Bahá'ís. [Электронный ресурс]. – URL: https://bahai-library.com/terry_tagore_encounters_bahais (дата обращения 23.07. 2026).
4. Малкина А. В. Мистика бахаи и Л. Н. Толстой в свете новых архивных материалов: pro et contra // Общество: философия, история, культура. – 2025. – №11 (139). – С.162–168.
5. Малкина А. В., Касимова Р. И. К. Вера бахаи в отечественном востоковедении и ее влияние на представителей культурной элиты XIX – начала XX вв. // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № S9. – С.44–52.
6. Малкина А. В. Переписка И. А. Гриневской с Л. Н. Толстым: новые архивные материалы // Человек. Социум. Общество. – 2026. – №7. – С.42–48.
7. Мартыненко А. В., Надькин Т. Д., Грачева Е. З. Бахаи в Российской империи в контексте русско-иранских отношений // Научный диалог. – 2026. – Т.15. – №2. – С. 440–458.
8. Моисеев В. И. Философия Всеединства Владимира Соловьева как новое учение о многообразии // Соловьёвские исследования. – 2019. – С. 59-67.

9. Root M. L. The Baha'i Faith and Eastern scholars // The Bahá'í World. – 1936. –1939. – Vol. VII. – P. 687–688.
10. Vishwa-Bharati Quarterly. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://catalog.hathitrust.org/Record/000678437> (дата обращения 29.07.2026).
11. Пивоваров Д. В. Вера бахаи: учение о прогрессивном откровении // Евразия: духовные традиции народов. – 2014. – № 1-2. – С.195–202
12. Тагор Р. Цитаты из книг. – [Электронный ресурс]. – URL <https://eksmo.ru/articles/10-tsitat-iz-knig-rabindranata-tagora-ID5902492/> (дата обращения 30.07.2026).
13. Тагор Р. Садхана (творчество жизни). – М: Амрита-Русь, 2003. – 224 с.

Бузик М.С.

учитель истории

ГБОУ гимназии № 67 Петроградского района г. Санкт-Петербурга

Buzik M.S.

History Teacher

State Budgetary Educational Institution Gymnasium No. 67, Petrogradsky District, St. Petersburg

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В МАРИИНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ ПРИНЦА П.Г. ОЛЬДЕНБУРГСКОГО В ПАВЛОВСКЕ (1864–1917 ГГ.)

Аннотация. В статье анализируется организация учебного процесса Мариинской учительской семинарии принца П.Г. Ольденбургского. На основе архивных материалов и исторической записки инспектора П.И. Светлова рассматриваются предметы обучения, методика преподавания, система практических занятий, эволюция учебного плана и роль практической школы в подготовке будущих сельских учителей. Делается вывод, что семинария успешно справлялась с задачей подготовки педагогических кадров, постоянно совершенствуя учебный процесс и приближая его к реальным условиям сельской школы.

Ключевые слова: Мариинская учительская семинария, учебный процесс, педагогика, практическая школа, подготовка учителей, Павловск.

ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE PRINCE P.G. OLDENBURG MARIINSKY TEACHER'S SEMINARY IN PAVLOVSK (1864–1917)

Abstract. This article analyzes the educational process at the Prince P.G. Oldenburgsky Mariinsky Teachers' Seminary. Based on archival materials and a historical note by Inspector P.I. Svetlov, the article examines the subjects of study, teaching methods, the system of practical classes, the evolution of the curriculum, and the role of the practical school in training future rural teachers. It concludes that the seminary successfully completed its task of training teachers, constantly improving the educational process and bringing it closer to the real conditions of rural schools.

Keywords: Mariinsky Teachers' Seminary, educational process, pedagogy, practical school, teacher training, Pavlovsk.

На протяжении всей своей истории Мариинская учительская семинария проходила через многие трудности, связанные с количеством курсов, численностью учащихся и продолжительностью образования. Однако неизменной оставалась главная задача - подготовка сельских учителей [1, с. 17]. По мнению основателей семинарии, сельский учитель должен был соответствовать целому ряду требований: быть усердным исполнителем требований Православной церкви, хорошо воспитанным и скромным, отлично знать методы преподавания, иметь знания, превышающие объем сельской школы, быть проникнутым школьным делом, любить сельскую жизнь и устроить свой быт по крестьянскому образцу, сохраняя при этом воспитанность и аккуратность [2, с. 17–18].

С момента основания семинарии во главу угла учебно-воспитательного дела ставилось преподавание Закона Божьего. Изучение Закона Божьего составляло существенное средство для религиозно-нравственного воспитания. На занятиях преподаватели стремились развивать в учениках ясное и отчетливое представление идеала христианина [1, с. 18]. В программу Закона Божьего входили

изучение и объяснение молитв, Священная история Ветхого и Нового Завета, пояснение христианских истин [2, с. 18]. Помимо уроков Закона Божьего с учениками проводились беседы по вопросам веры и нравственности христианства, а перед началом занятий ежедневно читалось Святое Евангелие [1, с. 18]. При этом изначально преподавание отдельных предметов - русского языка, арифметики, геометрии, географии, истории - было сосредоточено в руках одного преподавателя Н.Г. Верхотурова [2, с. 18].

Особый интерес представляло преподавание педагогики, которая до 1872 года не входила в курс семинарии [1, с. 19]. Руководитель учебным делом В.А. Золотов обратил все внимание учеников на усвоение звукового метода. С этой целью он проводил образцовые уроки в практической школе для безграмотных детей, которые были отправлены из ближайших округов на два месяца. Ученики семинарии были свидетелями этих уроков и могли лично убедиться в эффективности звукового метода: безграмотные дети уже через два месяца научились читать [2, с. 19].

Кардинальные изменения произошли после принятия Положения 1872 года. Увеличился объем курсов, и преподавание установилось по предметной системе [1, с. 19]. Добавились педагогика, естествоведение и всеобщая история [5, л. 34]. Список предметов и недельное распределение учебной нагрузки на 1876 год выглядел следующим образом: в III (младшем) классе отводилось пять часов на русский язык, четыре - на арифметику, а также по три часа на Закон Божий, чтение, географию и пение, два часа на естествоведение и гимнастику, три часа на чистописание с черчением. Во II (среднем) классе - четыре часа на русский язык, три на арифметику и историю, по два часа на Закон Божий, географию, геометрию, физику, естествоведение, педагогику, чистописание с черчением, пение и гимнастику. В I (старшем) классе - три часа на русский язык и пение, по два часа на Закон Божий, географию, историю, арифметику, педагогику и гимнастику, по одному часу на геометрию, физику, естествоведение и чистописание с черчением [1, с. 19-20].

Стоит обратить отдельное внимание на ручной труд в семинарии. Переплетное мастерство появилось в 1872 году и просуществовало до переезда в 1881 году. До 1877 года его преподавал сторож при семинарии А. Колосов, а после - мастера переплетного цеха М. Степанов и А. Родинов. За три недельные двухчасовые уроки они получали по 20 рублей [2, с. 20]. С 1881 года занятия отменились, вероятно, из-за переезда из столицы и сокращения финансирования [1, с. 20]. Однако с ноября 1904 года занятия возобновились: ученики всех классов занимались по два часа в неделю под руководством репетитора Т.И. Никитина, который получал вознаграждение по 10 рублей в месяц [2, с. 20]. С 1873 по 1881 год помимо переплетного мастерства ученики занимались столярным и токарным делом. После переезда в Павловск ученики осваивали сапожное, портняжное и столярное мастерство. Каждый ученик выбирал себе на учебный год одно ремесло [1, с. 20-21].

В 1890 году был поднят вопрос о введении в семинарии ручного труда по шведской системе. Был составлен рапорт с прилагавшейся программой предмета. Для изучения ручного труда в Санкт-Петербургский учительский институт был отправлен репетитор С.А. Калинин. Командировка продлилась три месяца, на нее было выделено 100 рублей [4, л. 39]. Предмет был утвержден и оставался в программе семинарии до конца ее существования [2, с. 21].

С весны занятия в мастерских прекращались, и воспитанники занимались работами в огороде, на пасаеках и в парке. Весной работа ограничивалась вскопкой грядок и посевом семян. По возвращении с каникул воспитанники копали картофель. Работа на огороде и в парке проводилась под непосредственным присутствием смотрителя семинарии [1, с. 21]. Большое внимание уделялось пчеловодству. Зимой воспитанники изучали теоретический курс, а практическая часть состояла в изготовлении ульев в мастерской. Весной ученики выполняли все необходимые работы на пасеке [2, с. 21].

Особое внимание уделялось физическому воспитанию учащихся. В первые годы существования семинарии помещение для гимнастики находилось в подвале. Инспектор И.Д. Белов указал, что заниматься в таких условиях вредно, и занятия гимнастикой были прекращены [1, с. 21–22]. Ситуация изменилась с переездом в Павловск: улучшились климатические условия, помещения и условия физического труда. Три больших деревянных здания позволили воспитанникам удобно разместиться, а обширный плац стал местом для занятий фронтом, гимнастикой и игр - в мяч, футбол, городки [2, с. 22].

С 1900 года, после принятия нового Положения, курс семинарии стал 4-годичным. Изменилось комплектование классов. В I класс отбирались 20 человек из подготовительной школы, во II класс переводились 15 человек из прежнего III класса, в III класс - 12 человек из прежнего II класса, а бывшие ученики I класса переводились в IV класс. Таким образом, выпуска в 1900 году не было [1, с. 22].

После изменения в программе список предметов выглядел следующим образом. В I классе отводилось три часа на Закон Божий, шесть часов на русский язык, четыре часа на арифметику и черчение с рисованием и чистописанием, три часа на географию и естествознание, три часа на пение, по одному часу на музыку, гимнастику и ручной труд. Во II классе - четыре часа на русский язык и черчение с рисованием и чистописанием, три часа на арифметику, один час на строение человеческого организма и ручной труд. По два часа на Закон Божий, историю, географию, естествознание, пение, музыку, огородничество с садоводством и пчеловодством, а также гимнастику. В III классе - четыре часа на русский язык, три часа на арифметику, по два часа на Закон Божий, на историю, географию, естествознание, пение, музыку, огородничество с садоводством и пчеловодством, гимнастику, на педагогику, на черчение с рисованием и чистописанием, на ручной труд, а также один час на гигиену. В IV классе - два часа на русский язык, на педагогику. По одному часу на Закон Божий, на арифметику, историю, на подачу первой помощи, на пение, на огородничество с садоводством и пчеловодством, на гимнастику. [2, с. 22–23].

В 1904 году комиссией был составлен отзыв о программе семинарии [3, л. 2]. Отмечалось, что программы не представляют собой достаточно объединенного целого и не сопровождаются объяснительными записками, что делает неясной мысль руководителей [3, л. 3]. Комиссия указала на недостатки в программах отдельных предметов. Программа русского языка мало обращала внимание на литературное развитие учащихся: за три года обучения из стихотворений и басен предполагалось прочесть лишь «Капитанскую дочку» А.С. Пушкина и «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя, а последний год обучения был посвящен литературному чтению, что комиссия сочла недопустимым [3, л. 3]. Комиссия осталась недовольна и программой математики: большая часть курса была посвящена алгебраическим вычислениям, почти не нужным в курсе семинарии; курс геометрии изложен кратко и не имел практического обоснования; в арифметике учеников знакомили лишь с однотипными приемами обучения, не касаясь сравнений с другими приемами, что ограничивало кругозор учеников [3, л. 3–4]. Курс истории был вовсе проигнорирован комиссией: «нельзя составить понятия, так как программа чрезвычайно коротко изложена» [3, л. 3–4].

Критика побудила руководство семинарии к изменениям. Программы были переработаны, подготовлены объяснительные записки, и комиссия приняла изменения, отметив как преимущества, так и недостатки новой программы [3, л. 56]. Самое важное замечание комиссии касалось достижения цели и назначения семинарии. В объяснительных записках говорилось о необходимости развивать учеников и приучать их к самостоятельности, но средств для осуществления этих задач указывалось очень мало. Например, по русскому языку не говорилось о системе руководства самостоятельным чтением учащихся, которое не прилагалось даже на летнее время [3, л. 56]. Комиссия обращала внимание, что для сельского учителя необходимо приобретение навыков через различные практические занятия по химии и физике, которые программой не были предусмотрены [3, л. 56]. Методические указания относительно

преподавания в практической школе сводились к тому времени, когда воспитанники уже начинали давать уроки, но оценить подобные указания ученикам было очень трудно, а самостоятельных работ и вовсе ожидать не стоило [3, л. 57]. Была составлена полноценная программа по истории, которая давала хорошо выработанные факты до Петра Великого, но с XVIII века программа касалась исключительно зарубежной истории. Комиссия отмечала, что в программе присутствовало желание развить живое русское чувство, любовь к родине, но для достижения этой цели необходимо было не просто изучать факты, а проследить развитие государства и обобщать изученное [3, л. 57]. Таким образом, даже после переработки всех программ комиссия нашла в них недостатки, но они исправлялись в последующие годы существования семинарии.

Особого внимания заслуживает практическая школа при семинарии. С 1865 по 1870 годы она состояла всего из 9 учеников, которых вызывали из ближайших округов. Именно на них В.А. Золотов показывал применение звукового метода обучения [1, с. 25]. С 1870 года практическая школа стала комплектоваться из мальчиков и девочек - жителей Санкт-Петербурга. Воспитанники семинарии практиковались не только в звуковом методе, но и получали фактические указания о том, как постепенно развивать умственное развитие детей, уже научившихся читать [2, с. 26]. Школа функционировала с сентября по май. Девочки составляли примерно одну треть общего количества учащихся. Например, в 1870 году из 20 учащихся 7 были девочками, в 1877 году из 47 учеников — 16 девочек. После принятия Положения 1900 года количество учеников превысило норму: в 1908 году их было 70, из которых лишь 18 были девочками [1, с. 26]. Школа комплектовалась детьми из бедных семей жителей Павловска. В городе было всего две начальных школы: Городская школа в крепости и приют попечительства при придворной Мариинской церкви. Таким образом, перевод семинарии в Павловск открыл новый очаг просвещения [2, с. 26].

С 1873 года структура школы была изменена: она состояла из двух классов с двумя отделениями в каждом. Занятия в каждом классе проводились учениками старшего класса семинарии под наблюдением репетитора [1, с. 26]. С 1900 года, после принятия нового Положения, занятия проводились под руководством заведующего практическим училищем. Школа функционировала с сентября по май. Первым заведующим стал П.И. Светлов [2, с. 27]. Все учащиеся четвертого класса семинарии посещали практическое училище согласно расписанию. На каждую неделю назначалось два практиканта по очереди: один проводил занятия в первом и третьем отделениях, другой - во втором и четвертом. Каждую субботу воспитанники сдавали школу в порядке заступающих на их место, а заведующему предоставлялся подробный отчет о проведенных занятиях и их результатах. В течение учебного года каждый практикант должен был подготовить две характеристики учащихся практической школы [1, с. 27]. Образцовые уроки заведующего и других руководителей полностью фиксировались воспитанниками в тетрадях. За пробными уроками следили все воспитанники, отмечая хорошие стороны и недостатки. Особое внимание уделялось распределению времени, правильности вопросов между слабыми и сильными учениками, наглядности, литературному языку и дисциплине [2, с. 27–28]. Темы для пробных уроков выбирались воспитанниками заблаговременно. К уроку готовился конспект по выработанному плану, который подавался заведующему минимум за четыре дня до урока [1, с. 28]. В конце учебного года инспектор и заведующий проводили экзамены во всех отделениях школы в присутствии всех учеников четвертого класса. На основании этих экзаменов происходил перевод из одного отделения в другое и выдавались свидетельства об окончании курса практической школы [2, с. 28].

Таким образом, с поставленными задачами семинария справлялась. Постоянно совершенствовался учебный план, появлялись новые учителя, вводились новые предметы. Переезд в Павловск ознаменовал новый этап в жизни учреждения. Находясь в условиях, приближенных к сельской жизни, ученики получали возможность не только теоретически, но и практически осваивать те навыки, которые

требовались будущему сельскому учителю. Все это помогало воспитанникам в дальнейшем успешно исполнять свои обязанности в народных школах.

Литература:

1. Светлов, П. И. Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия Мариинской учительской семинарии принца Петра Ольденбургского в г. Павловске, состоящей при Императорском С.-Петербургском воспитательном доме (1864–6/III–1914 г.) с приложением программ / сост. инспектор Мариин. учит. семинарии П. И. Светлов. – Санкт-Петербург: Тип. насл. А. М. Менделевича, 1914. – 138, 8, 73 с., 15 л. ил.
2. Положение о Мариинской учительской семинарии принца Петра Ольденбургского: [утв. 8 июля 1900 г.: с прил.]. – Санкт-Петербург, 1900. – 12 с.
3. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 8 (Петроградский дом защиты детей. Петроград. 1772–1917 гг.). – Оп. 1. – Д. 643.
4. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 379.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 566.

Бузик М.С.

учитель истории

ГБОУ гимназии № 67 Петроградского района г. Санкт-Петербурга

Buzik M.S.

History Teacher

State Budgetary Educational Institution Gymnasium No. 67, Petrogradsky District, St. Petersburg

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ МАРИИНСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ СЕМИНАРИИ ПРИНЦА П.Г. ОЛЬДЕНБУРГСКОГО В ПАВЛОВСКЕ (1864–1917 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы создания и развития Мариинской учительской семинарии принца П.Г. Ольденбургского. На основе архивных материалов и исторической записки П.И. Светлова анализируются причины открытия семинарии, эволюция ее организационной структуры, изменение сроков обучения и переезд из Санкт-Петербурга в Павловск. Делается вывод, что семинария на протяжении всего своего существования стремилась адаптироваться к потребностям народной школы, постепенно совершенствуя систему подготовки сельских учителей.

Ключевые слова: Мариинская учительская семинария, принц П.Г. Ольденбургский, Павловск, народное образование, подготовка учителей, Воспитательный дом.

THE HISTORY OF THE FOUNDATION AND DEVELOPMENT OF THE PRINCE P.G. OLDENBURG MARIINSKY TEACHER'S SEMINARY IN PAVLOVSK (1864–1917)

Abstract. This article examines the main stages of the founding and development of the Prince P.G. Oldenburgsky Mariinsky Teachers' Seminary. Based on archival materials and a historical note by P.I. Svetlov, the reasons for the seminary's opening, the evolution of its organizational structure, changes in the curriculum, and its move from St. Petersburg to Pavlovsk are analyzed. It is concluded that throughout its existence, the seminary strived to adapt to the needs of public schools, gradually improving its system of training rural teachers.

Keywords: Mariinsky Teachers' Seminary, Prince P.G. Oldenburgsky, Pavlovsk, public education, teacher training, Orphanage.

После отмены крепостного права в 1861 году перед Россией встала задача всеобщего уравнивания в правах и обязанностях, решить которую должна была новая народная школа [1, с. 3]. В этих условиях особенно остро ощущалась нехватка квалифицированных учителей, способных работать в сельской местности. Именно этим был вызван интерес к созданию специальных учебных заведений для подготовки педагогических кадров.

Инициатором создания семинарии выступил управляющий Санкт-Петербургским Воспитательным домом Н.А. Шторх [2, с. 5]. При основании семинарии руководство, представленное начальником округов В.М. Безобразовым и педагогом В.А. Золотовым, поставило цель дать воспитанникам общее и специальное педагогическое образование, познакомить их с «новым словом» в области воспитания и обучения детей [2, с. 5]. Главной задачей семинарии стала подготовка не только учителей для сельских школ, но и наблюдателей за ведением учебного дела в школах, а также репетиторов для самой семинарии [2, с. 6].

Первый учебный курс продолжался всего 7 месяцев - с марта по октябрь 1864 года [2, с. 7]. Начальником округов В.М. Безобразовым были избраны лучшие по нравственности и грамотным

способностям ученики в возрасте от 16 до 18 лет, всего было отобрано 30 человек. Все они были помещены в здании Воспитательного дома в Санкт-Петербурге [2, с. 7].

В начале октября 1864 года состоялся первый выпуск. 26 человек, из которых наиболее способные были назначены учителями грамоты в новые сельские школы, а менее способные стали их помощниками [1, с. 7].

В конце февраля 1865 года был произведен второй набор - также 30 человек, и курс снова продолжался 7 месяцев: с марта по октябрь [2, с. 7]. Однако к этому моменту руководство осознало, что одного курса для качественного образования недостаточно. Было принято решение открыть второй курс, в который вошли 20 учителей прошлогоднего выпуска. Обучение на этом курсе проходило с июня по ноябрь 1865 года [1, с. 7–8].

Большое внимание уделялось практическим занятиям учеников. Для этого при семинарии была устроена небольшая школа из восьми совершенно неграмотных детей в возрасте от 10 до 12 лет, которых учащиеся под руководством наставников обучали чтению и письму [2, с. 8]. К началу учебного курса 1866 года учебный состав семинарии формировался из двух курсов. Первый курс, насчитывавший 30 человек, длился с марта по октябрь, а второй курс, в котором было 20 воспитанников, - с июня по октябрь [1, с. 8]. Из состава второго курса выбирались лучшие 10 человек, которые с октября по июнь готовились к педагогической деятельности так, чтобы быть готовыми обучать не только в сельских школах, но и в самой семинарии [2, с. 8]. Самые лучшие ученики предназначались к инспектированию сельских школ и к репетиторству в семинарии.

7 июня 1867 года было утверждено Положение о семинарии. Согласно этому документу, обучение разделялось на два курса. Первый курс учился целый календарный год - с октября по октябрь, а второй курс длился пять месяцев - с июня по ноябрь. При этом в промежутке между курсами обучающиеся занимались первоначальным преподаванием в сельских школах [1, с. 8]. После окончания семинарии самые лучшие и наиболее опытные в преподавании выпускники назначались наблюдателями за ходом обучения в сельских школах. За эту работу они получали по 20 рублей в зиму [2, с. 9]. Из числа лучших учителей-воспитанников выбиралось два наиболее способных. Они оставались в семинарии в помощь преподавателям, которые готовили их к преподаванию в дальнейшем русского языка, арифметики и пения в низших классах семинарии. Во время пребывания в семинарии они получали жалованье по 5 рублей в месяц [1, с. 9]. Первыми из учителей, оставленных при семинарии в качестве репетиторов, были И.И. Смирнов и Г.И. Черенков [2, с. 9].

Спустя год после принятия Положения о семинарии, администрация пришла к заключению, что срок обучения недостаточен для удовлетворительной подготовки учеников к педагогике. Инспектор округа В. М. Безобразов и руководитель учебного дела в семинарии В. А. Золотов составили проект правок положения. [1, с. 10]. Проект был полностью одобрен и с июля 1868 года начал действовать. По этому проекту срок обучения в семинарии составлял 2 года 8 месяцев, добавлялся третий год обучения. Все выпускники прошлых лет должны постепенно возвращаться в семинарию и оставаться на зимний период для дополнительного образования. [2, с. 10].

30 августа 1872 года было утверждено новое Положение [2, с. 11]. Согласно ему, штат учеников был определен в 65 человек с распределением в трех классах; учебные занятия начинались с сентября и продолжались до середины июня; в семинарию поступали лучшие из окончивших курс сельской школы в возрасте не моложе 15 лет; при семинарии устраивалось практическое училище, максимально приближенное к сельской школе; управление поручалось инспектору, который избирал из лучших сельских учителей четырех репетиторов [1, с. 11–12].

Учебный год с 1872 по 1873 стал первым, в котором все программы курсов были выполнены с распределением на три класса. Образцов таких программ не существовало, все пришлось вырабатывать

путем опыта и наблюдений [2, с. 12]. При такой постановке учебного дела помещение при Воспитательном доме оказалось очень тесным и непригодным для занятий. В 1876 году администрация приняла решение перевести семинарию за город [1, с. 12]. Аргументировалось это тем, что в сельской местности ученики будут ближе к тем условиям, из которых они были взяты. Важную роль в этом сыграл великий князь Константин Николаевич, который при личном посещении семинарии выразил сожаление о том, что помещение находится в шумной столице, а не в сельской тишине [2, с. 13].

Рескриптом от 10 июня 1876 года на имя принца П.Г. Ольденбургского Константин Николаевич выразил желание ознаменовать празднование столетия Павловска добрым делом и уступил в постоянное пользование семинарии участок земли в 11 десятин на окраине Павловского парка [1, с. 13]. 13 июня 1879 года была произведена закладка зданий семинарии. Через два года три больших деревянных здания, возведенные по проекту архитектора Воспитательного дома Н.П. Басина, были окончены. 31 августа 1881 года состоялось их освящение, а со следующего дня начались учебные занятия [2, с. 13].

30 мая 1881 года с целью увековечивания памяти принца П.Г. Ольденбургского семинарии было присвоено наименование «Учительская семинария принца Петра Ольденбургского» [1, с. 13]. Однако это название просуществовало недолго: уже 31 октября 1881 года семинарии было присвоено новое название - в память о Марии Федоровне она стала именоваться «Мариинская учительская семинария принца Петра Ольденбургского» [2, с. 13].

Перевод семинарии из Санкт-Петербурга в Павловск знаменовал преобразование самого училища из городского в сельское. Городская среда, по убеждению руководства, не давала возможности обставить училище так, чтобы оно соответствовало условиям сельской жизни [1, с. 14]. Сельский учитель должен был не только быть хорошим педагогом, но и передовым человеком в селении. Он не мог быть городским жителем, который приносил бы в селение городские отголоски жизни. Напротив, он должен был вносить разумные элементы практической жизни: бережливость, порядок, чистоту, разумное хозяйство [2, с. 14]. Все это было необходимо для того, чтобы сельские учителя не отдалялись от простоты сельского быта.

28 февраля 1881 года было разработано новое Положение о семинарии. Теперь управление передавалось непосредственно инспектору семинарии, который должен был преподавать один или два предмета для лучшего ознакомления с учениками. Нравственное воспитание воспитанников возлагалось на законоучителя и наставника [1, с. 14]. С переездом в Павловск вводились новые курсы занятий: садоводство, огородничество и пчеловодство [2, с. 14].

В 1882 году Опекунский совет поднял вопрос о слиянии учительских семинарий Московского и Санкт-Петербургского Воспитательных домов [1, с. 14]. В заседаниях от 27 июня и 8 июля 1883 года было поставлено вовсе упразднить семинарию в Павловске, а воспитанников перевести в Московскую учительскую семинарию [2, с. 15]. Опекунский совет считал, что на содержание семинарии уходит слишком много расходов, а численность учащихся превышает спрос учителей [1, с. 15]. Однако Великий князь Константин Николаевич, которому было представлено постановление на усмотрение, не согласился с этим решением. По его убеждению, такое решение не оправдывало никаких мотивов, тем более что устройство семинарии было полностью одобрено императором [2, с. 15]. Опекунский совет постановил отложить решение об упразднении семинарии на будущее, но при этом поручил почетному опекуну принять меры к ограничению средств на содержание семинарии и подготовить новый план переустройства на упрощенных основаниях, чтобы содержание каждого воспитанника обходилось не дороже 300 рублей [1, с. 15].

25 июля 1883 года комиссия представила проект преобразования семинарии на упрощенных основаниях. Количество воспитанников было сокращено с 65 до 43 человек, сокращен преподавательский штат и расходы, количество уроков уменьшено с 90 до 77. [2, с. 16]. Новое Положение, составленное по этому плану, было утверждено 31 декабря 1883 года в виде опыта на два года [1, с. 16]. Однако за это

время стало очевидно, что невозможно дать за три года обучения достаточное и законченное образование. Именно поэтому в 1899 году было возбуждено ходатайство перед Опекунским советом о преобразовании 3-летнего курса в 4-летний с увеличением числа учеников до 60 человек [2, с. 16].

Важнейшими причинами к преобразованию были отмечены: необходимость выпускать учителей более зрелыми по возрасту и развитию; желание соответствовать подготовке сельских учителей в области рациональных знаний по сельскому хозяйству, садоводству, огородничеству, пчеловодству и гигиене; необходимость выпускать большее количество учителей [1, с. 16]. 8 июля 1900 года было принято последнее Положение о семинарии. Курсы стали 4-годичными, в программу были включены новые предметы: гигиена, подача первой помощи при несчастных случаях, огородничество, пчеловодство, садоводство, музыка. Была введена новая должность заведующего практическим училищем [2, с. 16].

В таком виде семинария существовала до 1917 года. В последующие годы здания семинарии использовались как детский дом, а в годы Великой Отечественной войны все здания сгорели [3, с. 215].

Подводя итог, можно сказать, что учительская семинария с момента своего создания постоянно развивалась. Преодолевая различные проблемы, были созданы условия не только для жизни воспитанников, но и для их учебы. Семинария, находившаяся на попечительстве Воспитательного дома, смогла не просто поддерживать свое существование, но и постоянно расширяться и развиваться. Переезд в Павловск позволил улучшить положение воспитанников, которые оказались ближе к родной среде, что напрямую влияло на выполнение главной задачи - подготовки сельских учителей.

Литература:

1. Светлов, П. И. Историческая записка, изданная ко дню пятидесятилетия Мариинской учительской семинарии принца Петра Ольденбургского в г. Павловске, состоящей при Императорском С.-Петербургском воспитательном доме (1864–6/III–1914 г.) с приложением программ / сост. инспектор Мариин. учит. семинарии П. И. Светлов. – Санкт-Петербург: Тип. насл. А. М. Менделевича, 1914. – 138, 8, 73 с., 15 л. ил.
2. Положение о Мариинской учительской семинарии принца Петра Ольденбургского: [утв. 8 июля 1900 г.: с прил.]. – Санкт-Петербург, 1900. – 12 с.
3. Мещанинов, М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей: крат. ист. справ. / М. Ю. Мещанинов. – Санкт-Петербург: Воскресение, 2000. – 370 с.

Исаева С.

студент

Международный университет Кыргызской Республики

Омурзаков Б.К.

магистр психологии, преподаватель психологии

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,

психолог-психотерапевт

e-mail: jamie00@rambler.ru

Isaeva S.

Student

International University of the Kyrgyz Republic

Omurzakov B.K.

Master of Psychology, Lecturer in Psychology

Al-Farabi University,

Psychologist-Psychotherapist

ОСОЗНАННОСТЬ И ТРЕВОЖНОСТЬ У СТУДЕНТОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В статье представлены результаты пилотажного поперечного исследования связи осознанности с ситуативной и личностной тревожностью у студентов Международного университета Кыргызской Республики. Актуальность работы определяется высокой эмоциональной нагрузкой студенческого периода и необходимостью выявления психологических ресурсов саморегуляции. В исследовании приняли участие 62 студента в возрасте 18–23 лет. Для оценки осознанности использован Пятифакторный опросник осознанности FFMQ Р. Баера в русскоязычной адаптации Н. М. Юмартовой и Н. В. Гришиной; тревожность оценивалась по шкале Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина. Участники были разделены на группу с высоким уровнем осознанности ($n=32$) и группу со средним и низким уровнем осознанности ($n=30$). У студентов первой группы выявлены более низкие показатели личностной тревожности ($30,72 \pm 5,16$ против $45,50 \pm 6,33$; $p < 0,001$) и ситуативной тревожности ($38,28 \pm 3,48$ против $40,47 \pm 2,90$; $p = 0,009$). Общий показатель осознанности обратно коррелировал с личностной ($r = -0,671$; $p < 0,01$) и ситуативной тревожностью ($r = -0,284$; $p < 0,05$). Полученные данные свидетельствуют об ассоциации осознанности с меньшей выраженностью тревожности, однако поперечный дизайн и способ формирования групп не позволяют делать причинные выводы. Результаты могут быть использованы при планировании программ психологического сопровождения студентов после их дополнительной проверки на более репрезентативных выборках.

Ключевые слова: осознанность, студенты, тревожность, саморегуляция, FFMQ, ситуативная тревога, личностная тревожность.

MINDFULNESS AND ANXIETY IN UNIVERSITY STUDENTS: RESULTS OF A PILOT STUDY IN THE KYRGYZ REPUBLIC

Abstract. The article presents the results of a pilot cross-sectional study of the relationship between mindfulness and state and trait anxiety in students of the International University of the Kyrgyz Republic. The relevance of the study is determined by the emotional demands of university education and the need to identify

psychological resources of self-regulation. The sample included 62 students aged 18–23 years. Mindfulness was assessed using the Five Facet Mindfulness Questionnaire (FFMQ) developed by R. Baer in the Russian adaptation by N. M. Yumartova and N. V. Grishina; anxiety was assessed using the State-Trait Anxiety Inventory adapted by Yu. L. Khanin. Participants were divided into a high-mindfulness group ($n=32$) and a medium/low-mindfulness group ($n=30$). The first group demonstrated lower trait anxiety (30.72 ± 5.16 vs. 45.50 ± 6.33 ; $p < 0.001$) and state anxiety (38.28 ± 3.48 vs. 40.47 ± 2.90 ; $p = 0.009$). The overall mindfulness score was negatively correlated with trait anxiety ($r = -0.671$; $p < 0.01$) and state anxiety ($r = -0.284$; $p < 0.05$). The findings indicate an association between mindfulness and lower anxiety; however, the cross-sectional design and the grouping procedure do not support causal conclusions. The results may inform student psychological support programs after replication in larger and more representative samples.

Keywords: mindfulness, university students, anxiety, self-regulation, FFMQ, state anxiety, trait anxiety.

Обучение в университете связано с одновременным решением академических, профессиональных и социальных задач. Студенту необходимо осваивать значительные объемы информации, выдерживать регулярное оценивание, планировать образовательную траекторию и принимать решения в условиях неопределенности. Такая совокупность требований может сопровождаться ростом эмоционального напряжения, особенно при недостаточно сформированных навыках саморегуляции. В современной психологии стресс рассматривается не только как реакция на внешнюю нагрузку, но и как результат субъективной оценки требований ситуации и доступных ресурсов личности [1; 2]. Тревожность при этом может выступать как ситуативное состояние и как относительно устойчивая склонность воспринимать широкий круг обстоятельств в качестве угрозы [6].

Одним из возможных ресурсов эмоциональной саморегуляции является осознанность (mindfulness). В психологической литературе она описывается как намеренное направление внимания на текущий опыт с принятием происходящего и уменьшением автоматического оценочного реагирования. Пятифакторная модель включает наблюдение за опытом, его вербализацию, осознанность действий, безоценочность и нереагирование [7; 8]. Осознанность как диспозициональная характеристика не тождественна отдельной медитативной технике: она отражает особенности организации внимания и отношения человека к собственным мыслям, чувствам и телесным ощущениям.

Результаты зарубежных систематических обзоров показывают, что программы, основанные на осознанности, могут быть полезны для снижения психологического дистресса и тревожных симптомов у студентов, хотя выраженность эффектов зависит от дизайна исследования и качества контрольных условий [10; 12]. Российские исследования также подчеркивают значение осознанной саморегуляции для психологического благополучия студентов в условиях стресса [5]. Вместе с тем корреляционные данные следует отличать от результатов интервенционных исследований: обнаруженная связь не доказывает, что именно осознанность причинно снижает тревожность.

Цель исследования — определить характер связи общего уровня осознанности с ситуативной и личностной тревожностью у студентов. Гипотеза состояла в предположении, что более высокий показатель осознанности связан с меньшей выраженностью обоих видов тревожности.

Тревога выполняет сигнальную и мобилизующую функции, однако ее высокая или длительная выраженность способна нарушать концентрацию внимания, затруднять принятие решений и усиливать избегающее поведение. Методика Ч. Д. Спилбергера — Ю. Л. Ханина разграничивает ситуативную тревожность, отражающую актуальное состояние, и личностную тревожность как устойчивую готовность воспринимать различные ситуации в качестве угрожающих [6]. Для студенческой среды это различие особенно важно: кратковременное напряжение перед оцениванием не тождественно устойчивому тревожному стилю реагирования.

Осознанность может быть связана с тревожностью через несколько психологических механизмов. Во-первых, направленное внимание помогает раньше замечать эмоциональное и телесное напряжение. Во-вторых, безоценочное отношение к внутреннему опыту может уменьшать вторичную тревогу, возникающую из-за попыток подавить нежелательные мысли и чувства. В-третьих, нереагирование создает паузу между переживанием и действием, поддерживая более гибкий выбор стратегии поведения. Эти механизмы согласуются с представлениями о психологической саморегуляции и преодолении стресса [2; 3; 5].

При этом отдельные компоненты осознанности не обязательно одинаково связаны с психологическим благополучием. Пятифакторный опросник FFMQ был разработан для дифференцированной оценки пяти аспектов конструкта, а русскоязычная адаптация позволила использовать его в отечественных исследованиях [7; 8]. Интерпретация общего балла должна сопровождаться анализом структуры шкал и учетом опыта медитативных практик, особенностей выборки и способа формирования сравнительных групп.

Исследование проводилось на базе Международного университета Кыргызской Республики в г. Бишкеке. В выборку вошли 62 студента очной формы обучения в возрасте от 18 до 23 лет. В исходном материале указано, что участие было добровольным, ответы обрабатывались конфиденциально, а диагностика проводилась в групповой форме вне экзаменационной сессии. Точное распределение участников по полу, курсам и образовательным программам в исходных данных не представлено, поэтому эти характеристики не включались в статистическую интерпретацию.

Осознанность оценивалась с помощью Пятифакторного опросника осознанности FFMQ Р. Баера и соавторов [8] в адаптации Н. М. Юмартовой и Н. В. Гришиной [7]. Методика включает шкалы «Наблюдение», «Описание», «Осознанность действий», «Безоценочность» и «Нереагирование». Ситуативная и личностная тревожность измерялись по методике Ч. Д. Спилбергера в адаптации Ю. Л. Ханина [6].

На основании общего показателя FFMQ участники были разделены на две группы: с высоким уровнем осознанности ($n=32$) и со средним или низким уровнем осознанности ($n=30$). Для сравнения групп использовался t -критерий Стьюдента для независимых выборок; связи между количественными показателями оценивались коэффициентом корреляции Пирсона. Уровень статистической значимости принимался равным $p<0,05$. Показатели представлены в том виде, в каком они приведены в исходном эмпирическом материале.

В публикационный анализ не включались количественные выводы авторской анкеты и шкалы самооценки стрессоустойчивости. Для авторской анкеты в исходном материале не представлены данные о надежности и валидности, а для показателя стрессоустойчивости не описан алгоритм преобразования первичных баллов. Такое решение принято для исключения выводов, которые невозможно однозначно проверить по представленным данным.

Сравнение профилей FFMQ показало ожидаемые различия по тем шкалам, которые в наибольшей степени определяли распределение участников по общему уровню осознанности. В группе с высоким общим показателем были выше значения наблюдения ($34,22\pm0,36$ против $26,00\pm0,32$; $t=16,833$; $p<0,001$), описания ($34,25\pm0,37$ против $25,37\pm0,37$; $t=17,160$; $p<0,001$) и осознанности действий ($34,44\pm0,53$ против $21,40\pm0,73$; $t=14,598$; $p<0,001$). По безоценочности ($30,00\pm0,77$ и $29,87\pm0,95$; $p=0,913$) и нереагированию ($29,50\pm0,86$ и $29,57\pm1,00$; $p=0,960$) различия отсутствовали. Поскольку группы формировались по интегральному баллу той же методики, эти результаты служат описанием профиля групп, но не могут рассматриваться как независимое подтверждение гипотезы.

Таблица 1. Показатели тревожности в группах с различным уровнем осознанности

Показатель	Высокая осознанность (n=32), M±SD	Средняя/низкая осознанность (n=30), M±SD	t	p
Личностная тревожность	30,72±5,16	45,50±6,33	-10,105	<0,001
Ситуативная тревожность	38,28±3,48	40,47±2,90	-2,680	0,009

Как видно из таблицы 1, наиболее выраженное межгрупповое различие обнаружено по личностной тревожности. Средний показатель в группе с высокой осознанностью соответствовал нижней границе умеренного диапазона, тогда как в группе со средним и низким уровнем осознанности среднее значение достигало уровня высокой тревожности по принятой интерпретации шкалы [6]. Различие по ситуативной тревожности также было статистически значимым, но по абсолютной величине оказалось существенно меньше.

Таблица 2. Корреляции общего показателя осознанности с тревожностью

Связь показателей	r Пирсона	Уровень значимости
Общая осознанность — личностная тревожность	-0,671	p<0,01
Общая осознанность — ситуативная тревожность	-0,284	p<0,05
Личностная — ситуативная тревожность	0,280	p<0,05

Корреляционный анализ выявил сильную обратную связь общего уровня осознанности с личностной тревожностью и слабую обратную связь с ситуативной тревожностью. Следовательно, более высокий общий показатель FFMQ в данной выборке сочетался прежде всего с меньшей устойчивой готовностью воспринимать ситуации как угрожающие. Положительная связь между двумя видами тревожности соответствует их теоретической взаимосвязанности, но не тождественности.

Полученные результаты согласуются с представлением об осознанности как о характеристике, связанной с более гибкой регуляцией внимания и эмоционального реагирования. Наиболее сильная связь обнаружена с личностной тревожностью. Возможное объяснение заключается в том, что способность замечать внутренний опыт, описывать его и сохранять включенность в текущую деятельность снижает вероятность автоматической интерпретации широкого круга ситуаций как опасных. Вместе с тем корреляционный характер данных допускает и обратное направление связи: более высокая тревожность может затруднять осознанное действие и устойчивое внимание.

Относительно небольшая разница по ситуативной тревожности может быть связана с условиями обследования. Диагностика проводилась вне экзаменационной сессии, поэтому актуальное напряжение могло быть умеренным в обеих группах. Ситуативная тревога чувствительна к непосредственному контексту, тогда как личностная тревожность отражает более устойчивый способ оценки событий [6]. Это различие подтверждает необходимость раздельной интерпретации двух шкал.

Отсутствие межгрупповых различий по безоценочности и нереагированию показывает, что высокий общий балл осознанности в данной выборке формировался преимущественно за счет наблюдения, описания и осознанности действий. Подобный профиль подчеркивает многомерность конструкта и ограничивает возможность сводить осознанность к единственному общему показателю [7; 8]. В дальнейших исследованиях целесообразно проверять связи каждой шкалы FFMQ с тревожностью отдельно.

Результаты в целом соответствуют данным систематических обзоров, согласно которым вмешательства, основанные на осознанности, часто сопровождаются снижением тревожных симптомов у студентов [10; 12]. Однако настоящее исследование не включало программу тренинга и не оценивало изменения во времени. Поэтому оно подтверждает только наличие статистической ассоциации, но не эффективность конкретной практики. Для доказательства профилактического или коррекционного эффекта необходимы рандомизированные исследования с контрольной группой и повторными измерениями.

Интерпретация результатов требует учета нескольких ограничений. Во-первых, использован поперечный дизайн, не позволяющий установить причинное направление связи. Во-вторых, выборка сформирована в одном университете и не может автоматически представлять всех студентов Кыргызской Республики. В-третьих, в исходных материалах отсутствуют точные сведения о гендерном составе, распределении по курсам и направлениям подготовки. В-четвертых, разделение на группы осуществлялось по общему баллу FFMQ, вследствие чего сравнение групп по шкалам того же опросника частично зависит от самой процедуры классификации. В-пятых, все показатели основаны на самоотчете и могут быть чувствительны к социальной желательности и актуальному состоянию респондентов.

Дополнительное ограничение связано с тем, что исходное исследование включало авторскую анкету и методику самооценки стрессоустойчивости, однако представленных сведений недостаточно для однозначной проверки психометрических характеристик анкеты и способа пересчета баллов стрессоустойчивости. Поэтому данные инструменты не использовались как основа выводов данной статьи.

Полученные результаты позволяют рассматривать развитие навыков осознанного внимания как перспективное направление психологического сопровождения студентов. При этом внедрение программ в университетскую практику должно опираться на доказательные протоколы, добровольность участия и предварительную оценку потребностей обучающихся. Осознанность не следует представлять как универсальное средство решения всех эмоциональных трудностей или замену профессиональной психологической и медицинской помощи.

В профилактические программы могут включаться краткие упражнения на фиксацию внимания, распознавание и вербализацию эмоциональных состояний, наблюдение за автоматическими мыслями и возвращение к текущей деятельности. Систематические обзоры показывают, что эффекты таких программ в студенческой среде в среднем наиболее последовательно обнаруживаются в отношении тревоги, депрессивных симптомов и общего психологического дистресса, однако качество отдельных исследований неоднородно [10; 12]. Поэтому университетским психологическим службам целесообразно сопровождать программы оценкой исходного состояния, динамики и возможных нежелательных реакций.

В выборке из 62 студентов Международного университета Кыргызской Республики более высокий общий уровень осознанности был связан с более низкими показателями личностной и ситуативной тревожности. Наиболее выраженной оказалась обратная корреляция осознанности с личностной тревожностью ($r=-0,671$), тогда как связь с ситуативной тревожностью была слабее ($r=-0,284$). Эти данные поддерживают гипотезу о связи осознанности с эмоциональной саморегуляцией, но не доказывают ее причинного воздействия.

Научная ценность результатов состоит в уточнении характера связи осознанности с двумя различными формами тревожности в конкретной студенческой выборке Кыргызской Республики. Для дальнейшей проверки выводов необходимы исследования с более крупной и репрезентативной выборкой, регистрацией социально-демографических характеристик, анализом отдельных факторов FFMQ и

продольным или экспериментальным дизайном. Практическое применение возможно в рамках апробации программ психологического сопровождения с обязательной оценкой их эффективности.

Литература:

1. Абитов И. Р., Акбиров Р. Р. Психология стресса: учебно-методическое пособие. Казань: НОУ ДПО «Центр социально-гуманитарного образования», 2022. 126 с.
2. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 523, 4 с.
3. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
4. Короткова И. С., Яковлева М. В., Щелкова О. Ю., Еремина Д. А. Особенности психологического реагирования и механизмы адаптации к стрессу, вызванному пандемией COVID-19 // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 1. С. 9–27. DOI: 10.17759/cpp.2021290102.
5. Моросанова В. И., Бондаренко И. Н., Фомина Т. Г. Связь осознанной саморегуляции и психологического благополучия студентов в условиях стресса: поперечное исследование // Consortium Psychiatricum. 2025. Т. 6. № 4. С. 58–69. DOI: 10.17816/CP15613.
6. Ханин Ю. Л. Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности Ч. Д. Спилбергера. Л.: Ленинградский научно-исследовательский институт физической культуры, 1976. 18 с.
7. Юмартова Н. М., Гришина Н. В. Осознанность (mindfulness): психологические характеристики и адаптация инструментов измерения // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 105–115.
8. Baer R. A., Smith G. T., Hopkins J., Krietemeyer J., Toney L. Using Self-Report Assessment Methods to Explore Facets of Mindfulness // Assessment. 2006. Vol. 13. No. 1. P. 27–45. DOI: 10.1177/1073191105283504.
9. Brown K. W., Ryan R. M. The Benefits of Being Present: Mindfulness and Its Role in Psychological Well-Being // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. Vol. 84. No. 4. P. 822–848. DOI: 10.1037/0022-3514.84.4.822.
10. Dawson A. F., Brown W. W., Anderson J. et al. Mindfulness-Based Interventions for University Students: A Systematic Review and Meta-Analysis of Randomised Controlled Trials // Applied Psychology: Health and Well-Being. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 384–410. DOI: 10.1111/aphw.12188.
11. Galante J., Dufour G., Vainre M. et al. A Mindfulness-Based Intervention to Increase Resilience to Stress in University Students (the Mindful Student Study): A Pragmatic Randomised Controlled Trial // The Lancet Public Health. 2018. Vol. 3. No. 2. P. e72–e81. DOI: 10.1016/S2468-2667(17)30231-1.
12. Johnson B. T., Acabchuk R. L., George E. A. et al. Mental and Physical Health Impacts of Mindfulness Training for College Undergraduates: A Systematic Review and Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials // Mindfulness. 2023. Vol. 14. No. 9. P. 2077–2096. DOI: 10.1007/s12671-023-02212-6.
13. Kabat-Zinn J. An Outpatient Program in Behavioral Medicine for Chronic Pain Patients Based on the Practice of Mindfulness Meditation: Theoretical Considerations and Preliminary Results // General Hospital Psychiatry. 1982. Vol. 4. No. 1. P. 33–47. DOI: 10.1016/0163-8343(82)90026-3.

Баврин А.В.

аспирант

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук

e-mail: bav.alex.v@gmail.com

Bavrin A.V.

Postgraduate Student

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

О ТРЕБОВАНИЯХ К ПРИЗНАКУ СРАВНЕНИЯ В КОНТРАСТИВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье описывается проблематика, связанная с понятием *tertium comparationis*, «третье в сравнении», признаком сравнения, на основании которого производятся те или иные контрастивные лингвистические исследования. Несмотря на то, что в исследовании могут сравниваться любые элементы языка, в статье приводится аргументация, что к признаку сравнения должны быть предъявлены определенные требования. Будет продемонстрировано, что, для избежания ложной эквивалентности, он должен быть описан дескриптивно, в рамках языковой системы рассматриваемого языка, чтобы полноценно отразить то, как данное языковое явление функционирует в данном языке. Также будет продемонстрировано, что описание данного явления в сравниваемых языках должно проводиться с применением общей терминологии, чтобы между терминами и понятиями, которыми данное языковое явление описывается, можно было провести параллели, указать их сходства и различия.

Ключевые слова: *tertium comparationis*, признак сравнения, ложная эквивалентность, глубинные структуры, семантика предложения.

ON THE POINT OF COMPARISON REQUIREMENTS IN CONTRASTIVE LINGUISTIC RESEARCH

Abstract. This paper describes the issue regarding *tertium comparationis*, ‘the third of the comparison’, the point of comparison, on which contrastive linguistic research is based on. Despite it being possible to compare any of the language elements in a given study, this paper argues that the point of comparison should meet particular requirements. It is demonstrated that, in order to avoid false equivalence, it should be analyzed descriptively, within the system of the language analyzed, to fully portray the way any particular language phenomenon functions in a given language. It is also demonstrated that the description of said phenomenon in languages being compared should be performed using common terminology, so that the terms and concepts used could be matched against each other to demonstrate their similarities and differences.

Keywords: *tertium comparationis*, point of comparison, false equivalence, deep structure, sentence semantics.

Понятие *tertium comparationis*, признак сравнения, обладает долгой историей, которую можно проследить от основания как отдельного направления контрастивной лингвистики, так и в теории перевода. Этому посвящён ряд работ ([2], [4]). При этом, более актуальным кажется содержательный аспект данного понятия, его основные свойства и как оно проявляет себя в контрастивных исследованиях в целом.

Сам по себе признак сравнения является понятием, с помощью которого необходимо структурировать контрастивные исследования. Признаком сравнения могут выступать как знаковые (двухсторонние) единицы, так и продукты их абстрагирования, относящиеся только к плану выражения или плану содержания. Тем не менее, данное деление редко ограничивается описанием исключительно одного аспекта каждой рассматриваемой единицы: да, форма выражения того или иного языкового явления может служить признаком его сравнения в разных языках, но, будучи знаковым элементом, большинство из описанных здесь элементов обладает как планом выражения, так и планом содержания, которые неотделимы друг от друга и взаимодействуют в рамках одной языковой системы. Следовательно, в рамках контрастивного исследования складывается языковая микросистема, описание которой составлено, в частности, И.А. Стерниным: «Контрастивная лингвистика предполагает, что анализу подвергается как единица языка А, так и все соответствующие ей единицы языка В. При этом в принципе каждой из вовлеченных в анализ единиц языка В может соответствовать, в свою очередь не только данная единица языка А, но и некоторая другая единица этого же языка ... В свою очередь, каждой из вновь вовлеченных в анализ единиц языка А может соответствовать несколько новых единиц из языка В» [9, с.17-18]. Именно внутриязыковое функционирование того или иного явления языка вынуждает нас описывать его сначала дескриптивно, в границах одного языка: если оно не будет описано таким образом, по умолчанию данное явление будет описываться так, как оно функционирует в языке, на котором проводится исследование, что вызовет искажения в его представлении. Также о необходимости дескриптивного описания писали А.А. Реформатский («Факты языка — любого яруса языковой структуры — необходимо брать в тех категориях, в которых они представлены в данном языке» [7]) и В.Н. Ярцева, которая утверждала, что должны сравниваться те категории, которые есть в обоих языках [10, с. 40, 55].

Вопросы, связанные с признаком сравнения, также поднимались и А. Вежбицкой: в её трактовке «...основание для сравнения не может быть обеспечено языковой формой, или языковой структурой, поскольку они различаются от языка к языку, но оно может быть обеспечено значением» [5, с. 51]. Подобного представления об элементах языка автор придерживается и в грамматике. На примере императива в английском и польском языках, ей приводится разница в сферах их употребления, но при этом производится уточнение “ядерного значения” данной конструкции: «Императивная конструкция — это особая конструкция, используемая в некотором данном языке для выражения значения “я хочу, чтобы ты нечто сделал” с возможными распространениями на некоторые другие смежные значения» [5, с. 49]. При этом она подтверждает высказанную мысль о том, что описание должно быть дескриптивным (в её описании — лингвоспецифичным): «Нет нужды говорить, что в тех языках, в которых есть-таки особая конструкция для выражения обсуждаемого значения, эта конструкция должна описываться на структурной основе, так что ее описание будет лингвоспецифичным. Тем не менее, различные императивные конструкции, обнаруживаемые в различных языках, могут приравниваться друг к другу на основе единого определения, относящегося к семантическому ядру, которое не зависит от конкретного языка» [5, с.50].

Данная проблематика «семантического ядра, которое не зависит от конкретного языка», т. е. универсальных категорий как признака сравнения также находит своё отражение в научной литературе. Здесь снова обратимся к А. Вежбицкой, которой приводится цитата Х. Зейлера: «Универсальные концепты представляют собою необходимую предпосылку всякой языковой деятельности. Они являются *tertium comparationis*, необходимым для сопоставления языков, для перевода; необходимым также и для сбора лингвистических данных» [Seiler, 1986, с. 13, по 5, с. 53].

Несмотря на это, о вопросе универсальности тех или иных языковых явлений ведётся ряд дискуссий: о проблеме «универсальных концептов» в качестве признака сравнения говорится, например,

в работах по лингвистической типологии. В частности, М. Хаспельмат описывает проблематику универсальных межъязыковых категорий: «Одним из главных достижений структуралистской лингвистики XX в. (особенно первой половины) было то, что языки лучше всего описывать в своих понятиях (напр. [Boas, 1911], а не набором уже сформулированных категорий, которые считаются универсальными, а на самом деле просто взяты из влиятельных грамматических традиций (напр. латинской грамматики, английской грамматики, генеративной грамматики, или „базовой лингвистической теории“»¹ [1, с.664].

Универсальность отдельных категорий находит своё отражение, в том числе, и в работах по лексикологии японского языка: «Несмотря на применение одинаковой терминологии, напр. “существительное”, к словам в разных языках, это не значит, что системы классов слов идентичны в разных языках, и это не позволяет предполагать, что класс слов обладает одинаковыми свойствами в любом языке ... Ни одна из теорий классов слов не является универсально применимой»²[3, с. 241]. Так, и на уровне таксономии частей речи, проблематика универсальности понятий сохраняется, и нельзя говорить о том, что определенная часть речи является таковой во всех языках.

Из данной цитаты становится видна проблема универсальности определенных языковых категорий: то, что кажется универсальным в ряде языков, зачастую требует подтверждения, иначе можно столкнуться с проблемой ложной эквивалентности языковых явлений в разных языках, как это произошло, например, в описании японского языка.

Первая грамматика японского языка, «*gogaku-shinsho*», «Новая лингвистическая книга» 1833 г. за авторством Цурумине Сигэнобу была составлена с опорой на материал голландского языка в рамках *rangaku*, “голландоведения”, которое и принесло в Японию множество представлений о западной науке. Опора на европейский язык, тем не менее, имела свои недостатки: Цурумине пытался выделить в японском языке те же девять частей речи, что и в голландском, из-за чего, например, не удавалось выделить артикль (который, как грамматическое явление, отсутствует в японском языке), а прилагательные были отнесены в категорию «ложных имён», сближая их с существительными, что соответствует норме европейских грамматик, но не соответствует реальности японского языка [6].

На основе этого выводятся некоторые характеристики признака сравнения, применимого в контрастивном исследовании. Во-первых, мы согласны с В.Н. Ярцевой, что рассматриваемые явления должны обладать своим выражением в сравниваемых языках. Также верным кажется и утверждение М. Хаспельмата, что данные явления должны быть, в первую очередь, основаны на описании отдельных языковых систем, которые потом сопоставляются.

Следующим этапом после дескриптивного описания явления в рамках одного языка, в соответствии с приведенной аргументацией, должно стать его контрастивное описание, где данное явление, в соответствии с признаком сравнения, сопоставляется с явлениями другого языка. Чтобы этого добиться, сам признак сравнения, на основе которого проводится исследование, должен быть чётко сформулирован в своих описываемых рассматриваемых единицах и их свойствах, терминах, понятиях и проблематике, которые затем могут быть применимы к различным языкам. К такому выводу, например,

¹“It was one of the major insights of structuralist linguistics of the twentieth century (especially the first half) that languages are best described in their own terms (e.g. Boas 1911), rather than in terms of a set of preestablished categories that are assumed to be universal, although in fact they are merely taken from an influential grammatical tradition (e.g. Latin grammar, or English grammar, or generative grammar, or ‘basic linguistic theory’”

² “Despite the application of identical terminology, e.g. “noun” to words in different languages, it does not mean that systems of word classes are identical in different languages, nor does it allow one to assume that a word class shares the same features in any language. ... No theory of word classes is universally applicable”

пришла О.Н. Селиверстова в рамках работы по контрастивной семантике языков: «Если предложенная схема действительно окажется применимой ко многим языкам (возможно, при тех или иных изменениях) полученные на ее основе результаты сопоставления могут иметь типологическую значимость, поскольку схема создает условия для системного и комплексного сопоставления и относится к явлениям, которые охватывают огромное количество языковых единиц, т. е. существенны для системы в целом. Иными словами, она создает предпосылки для удовлетворения тех требований, которым должны удовлетворять типологически значимые сопоставления» [8, с. 354].

Подведём итоги представленного описания. Удалось привести аргументацию и сформулировать основные требования к признаку сравнения в контрастивном исследовании. Признак сравнения может представлять собой элемент значения или его выражения в рассматриваемых языках. При этом, для его полноценного описания, необходимо учитывать особенности его функционирования в рамках рассматриваемых языках с целью избежать искажения его описания при сравнении. Для достижения этой цели необходимо отталкиваться от дескриптивного описания данного явления, составленного на одноязычном материале. Следующим этапом, согласно В.Н. Ярцевой, является подтверждение того, что данное явление имеет отражение во всех сравниваемых языках. Сделав это, мы можем переходить к следующему этапу, где, подтвердив наличие данного явления во всех рассматриваемых языках, их описание объединяется с парадигмой описания данного признака, которая обладает достаточно развитым понятийным аппаратом, который не приводит к ложной эквивалентности описываемых элементов, а способен адекватно описать отдельные языковые явления в рамках отдельно взятого языка понятиями, применимыми для их сопоставления.

Литература:

1. Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies //Language. – 2010. – Т. 86. – №. 3. – С. 663-687.
2. Karamysheva I. D. TERTIUM COMPARATIONIS IN CONTRASTIVE STUDIES: THEORETICAL INSIGHTS AND CURENT TRENDS //Publishing House “Baltija Publishing”. – 2024.
3. Miyaji H. On The Definition of Japanese Words and Word Classes //Word. – 1969. – Т. 25. – №. 1-3. – С. 228-244
4. Zhu L. On the origin of the term tertium comparationis //Language & History. – 2017. – Т. 60. – №. 1. – С. 35-52.
5. Вежбицкая А., Шмелев А. Д., Булыгина Т. В. Семантические универсалии и описание языков. – 1999
6. Алпатов В. М., Басс И. И., Фомин А. И., История языкознания в Японии, в кн.: История лингвистических учений. Средневековый Восток, Л., 1981;
7. Реформатский А.А. О сопоставительном методе // Русский язык в нац. Школе. 1962. № 5. С. 23–33.
8. Селиверстова О. Н. Контрастивная синтаксическая семантика: (Опыт описания). — М.: Наука, 1990. — 150 с.
9. Стернин И.А. Контрастивная лингвистика — М.: Восток-Запад, 2006. — 206 с
10. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. — М., 1981. — 175 с.

Баврин А.В.

аспирант

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук

e-mail: bav.alex.v@gmail.com

Bavrin A.V.

Postgraduate Student

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

ОСОБЕННОСТИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ КАК МАТЕРИАЛА КОНТРАСТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье описаны виды параллельных текстов, которые выступают материалом для контрастивного лингвистического исследования. Из них отдельно выделяются параллельные переводные тексты, которые составлены из оригинала текста и его перевода. В статье описано, что данные тексты, обладая переводческой эквивалентностью, представляют особенный интерес для их сравнения. При описании категории эквивалентности демонстрируется, что, будучи категорией, описывающей значение языковых единиц, данные параллельные переводные тексты можно считать семантически выровненными, что позволяет проводить контрастивный анализ того, как те или иные значения выражаются в тексте сравниваемых языков.

Ключевые слова: параллельные тексты, однонаправленные параллельные тексты, параллельные корпуса, переводческая эквивалентность, признак сравнения, *tertium comparationis*.

FEATURES OF PARALLEL TRANSLATED TEXTS AS CONTRASTIVE RESEARCH MATERIAL

Abstract. This paper describes the types of parallel texts used as the material in contrastive linguistic research. Among them particular attention is paid to parallel translated texts, which are formed from an original text and its translation. This paper shows that such texts, containing translation equivalence, are of particular interest when compared. Through the description of the “equivalence” category, it is shown that, as a category regarding the plane of content of the language elements, such parallel translated texts can be considered semantically aligned, which allows us to perform contrastive research of how particular meanings are expressed in the texts of the languages being compared.

Keywords: parallel texts, unidirectional parallel texts, parallel corpora, translation equivalence, point of comparison, *tertium comparationis*.

Для описания особенностей параллельных переводных текстов как материала для контрастивного исследования, сначала представляется необходимым представить существующие классификации параллельных текстов в составе параллельных корпусов. В целом, их можно классифицировать в зависимости от того, какое количество языков сопоставляется, в соответствии с чем выделяются двуязычные и многоязычные корпуса [4]. Помимо этого, производится деление корпусов в зависимости от вида текстов, которые в них входят. На основе этого деления существуют переводные и сопоставимые корпуса. Если переводные корпуса подразумевают, что корпус состоит из параллельных текстов, где сопоставляются оригинал текста и его перевод, то сопоставимые (или псевдопараллельные) корпуса представляют собой собрание текстов, написанных независимо друг от друга на сопоставляемых языках,

которые затем объединены в соответствии с какой-либо категорией. Такой категорией могут выступать много различных факторов, напр. тип текста, тематика текстов, их функция и пр. [6].

Переводные корпуса могут быть далее классифицированы на однонаправленные и двунаправленные, в зависимости от того, какие переводные и оригинальные тексты присутствуют в корпусе: если в нем представлены только оригиналы на одном языке и их переводы на другой язык, то данный корпус является однонаправленным [3]. Следовательно, если в корпусе представлены оригиналы и переводы на обоих сопоставляемых языках, то он является двунаправленным [1].

Однонаправленные параллельные тексты (как и переводные параллельные тексты в целом) имеют свои недостатки при их сравнительном исследовании. Среди них можно отметить то, что такие корпуса по определению ограничены: хотя одному тексту и могут быть сопоставлены несколько переводов, оригиналом является только один текст одного автора, перевод которого составлен одним переводчиком (или группой переводчиков). В связи с этим при анализе оригинала и перевода необходимо учитывать, что данные тексты появились под значительным влиянием идиолекта отдельно взятого автора оригинала и переводчиков, которые составляли переводы данного текста. В результате данной коннотации можно говорить о том, что на текст перевода оказывает влияние жанровая особенность в виде переводческих трансформаций, которые более-менее универсальны для всех переводчиков. Эта языковая интерференция в англоязычной литературе описывается понятием ‘translationese’ [2].

Тем не менее, переводные тексты имеют и определенные преимущества. Чтобы их описать, рассмотрим однонаправленные параллельные тексты как продукты процесса перевода. При подобном описании они обладают свойством эквивалентности, что имеет определенные коннотации для их использования в сравнительных исследованиях языка, что уже отмечалась в литературе: «в акте перевода осуществляется своеобразная триединая манифестация двух языковых систем: в нем участвуют тексты на двух языках, т.е. функционируют две языковые системы, но они функционируют не независимо друг от друга, а соответственно, с параллельным использованием коммуникативно равноценных единиц. Другими словами, мы имеем дело с особым использованием языка (языков)... Исходя из этого, перевод может быть определен в лингвистическом плане как особый вид соотнесенного функционирования языков» [10]. Помимо «соотнесенного функционирования языков», которое наблюдается при сопоставлении оригинала и перевода, другим важным элементом переводного текста являются «коммуникативно равноценные единицы», о которых также говорилось в приведенной выше цитате. В другой интерпретации, под данными единицами понимаются единицы с переводческой эквивалентностью.

Для того, чтобы понимать особенности данной категории эквивалентности, присущей переводным текстам, необходимо рассмотреть её определение.

Эквивалентность, понимаемая как «общность содержания (смысловая близость), равноценность текстов оригинала и перевода» [7], не является бинарной категорией и может выражаться в разном объёме (где абсолютная эквивалентность кажется редко достижимой) и на разных уровнях языка. В качестве примера модели эквивалентности рассмотрим модель А.Д. Швейцера [9].

Данная модель основана на том, какого рода трансформации подвергается исходное высказывание, и какой инвариант данного высказывания сохраняется в переводе. Данные признаки рассматриваются на трёх уровнях: синтаксическом (отношение «знак:знак»), семантическом (отношение «знак:референт») и прагматическом (отношение «знак:человек»).

Рассматривая синтаксический уровень эквивалентности, в первую очередь рассматриваются случаи, где «переводческая операция может быть рассмотрена как замена знаков с сохранением синтаксического инварианта», т. е. эквивалентность достижима уже на уровне синтаксических единиц, напр. *My dad lives in Orlando* — *мой отец живёт в Орландо*.

Семантический уровень эквивалентности был разделён А. Д. Швейцером на два подуровня, компонентный и референтный. Компонентный подуровень характеризуется тем, что сохраняется семантическая структура, но отличаются формально-структурные единицы. Референтный подуровень описывает «те случаи, когда семы перевода и оригинала различны, но кореферентны и тождественны друг другу: *У меня стоят часы — My watch has stopped*». Причиной для возможности существования такого рода эквивалентности называется свойство языка использовать различные семантические признаки для порождения семантически эквивалентных выражений. Более подробно данная проблематика рассмотрена в работах, посвящённых, например, генеративной семантике, где семантика предложения выступает в качестве глубинной структуры предложения. Эта мысль, в частности, нашла своё развитие в контрастивной лингвистике, где именно «семы перевода и оригинала различны, но кореферентны и тождественны», что являлось основанием для их сравнения (см. [5]).

Наконец, на прагматическом уровне, который определяется ориентированностью перевода на человека, трудно выделяются какие-либо обобщения для проводимых трансформаций, вроде дополнения, опущения, замены и пр.

Отмечается иерархия эквивалентных уровней, где синтаксический уровень включается в себя семантическую и прагматическую эквивалентность, компонентная эквивалентность – референтную и прагматическую и т. д., а также делаются обратные выводы – прагматическая эквивалентность может существовать без синтаксической эквивалентности, а референтная – без компонентной.

Таким образом, на основе определения эквивалентности и приведённого примера её модели, можно судить о семантической соотнесенности эквивалентных элементов. Такими являются, в том числе, и элементы, представленные в параллельных однонаправленных переводных текстах, о чём было сказано ранее. Но, в зависимости от уровня языка, на котором проводится исследование, можно рассматривать то, какими различными языковыми средствами выражается данная семантическая соотнесенность.

Этой проблематике также уделялось внимание в отдельных работах. Приведём трактовку У.П. Стрижак: «...обнаруживаемая в параллельных текстах (не)тождественность грамматического представления одного и того же фрагмента реальности не только обеспечивает эмпирическим материалом сопоставительные исследования, но и побуждает более пристально изучить эти явления во внутриязыковой перспективе» [8]. Как можно видеть, автор указывает на то, что «представление одного и того же фрагмента реальности», т. е. семантическая составляющая текста, обладает «(не)тождественностью» её грамматического представления, того, из чего состоит план выражения данного текста, его поверхностная составляющая.

Подводя итог, можно говорить, что параллельные однонаправленные переводные тексты, обладая как минимум семантической соотнесенностью (как побочный эффект изначальной цели перевода — передачи его коммуникативной функции) предоставляют материал с языковыми элементами со схожим планом содержания, семантическим либо коммуникативным. Тем не менее, особенность языкового знака заключается в его двусоставности, где каждый знак обладает как планом выражения, так и планом содержания, и они являются неразрывными друг от друга. Из этого следует, что, как было сказано ранее, из-за того, что две языковые системы существуют «не независимо друг от друга, а соответственно, с параллельным использованием коммуникативно равноценных единиц», планы выражения этих языковых элементов со схожим планом содержания, хотя и могут (и будут) различаться в зависимости от языка, сопоставимы при использовании их значения в качестве признака сравнения в контрастивных исследованиях.

Литература:

1. Frankenberg-Garcia A. Compiling and using a parallel corpus for research in translation // Babel: International journal of translation. – 2009. – Т. 21. – Р. 57–71.
2. Gellerstam, M. 1996. “Translations as a source for cross-linguistic studies”. In Aijmer et al. (eds), 53–62.
3. Granger S. 16. Parallel and comparable corpora // Corpus linguistics: An international handbook. – 2008. – Т. 1.
4. Johansson, S. 1998. On the role of corpora in cross-linguistic research. In Johansson and Oksefjell (eds), 1–24.
5. Krzeszowski T. P. Equivalence, congruence, and deep structure. – na. – 1971.
6. Камшилова О. Н. Учебный корпус текстов: потенциал, состав, структура. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2012. – 58 с.
7. Опарина Е. О. Эквивалентность перевода // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. – 2010. – С. 220–224.
8. Стрижак, У. П. Эпистемологический потенциал переводных текстов (на материале русско-японского параллельного корпуса художественных произведений) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. – 2023. – № 1. – С. 93–109. – DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-1-93-109.
9. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер; отв. ред. В. Н. Ярцева; АН СССР, Ин-т языкознания. — Москва: Наука, 1988 — 214, [1] с.
10. Яшина Н. К. Лингвистика текста и перевод. — Владимир : ВлГУ, 2013 — 115 с.

Кирсанова Е.В.

кандидат юридических наук, магистрант
Московского психолого-социального университета
e-mail: evgeniakirsanova@yandex.ru

Kirsanova E.V.

Candidate of Law, Master's Student
Moscow Psychological and Social University

ИНТЕГРАЦИЯ ТЕХНИК КПТ, МАЙНДФУЛНЕСС И МЕТОДА ФЕЛЬДЕНКРАЙЗА В ПРОГРАММЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПРИ ТРЕВОГЕ И СТРЕССЕ

Аннотация. Представлена разработка интегративной программы психологического консультирования взрослых с жалобами на тревогу и стресс. Методологическую основу составляют когнитивная модель, представления об осознанности и принципы соматического обучения М. Фельденкрайза. Программа разработана по итогам теоретического анализа и констатирующего обследования 60 взрослых; её апробация не проводилась. Основным результатом — структура из десяти встреч, объединённых в соматический, регуляторный и когнитивный модули с завершающей интеграцией навыков. Раскрыты цели модулей, содержание встреч, способы согласования техник и критерии планируемой оценки. Интеграция рассматривается как работа с общим консультативным запросом при разграничении функций каждого метода. Применение программы требует индивидуального подбора нагрузки, профессиональной компетентности и наблюдения за переносимостью практик. Эффективность программы, оптимальная последовательность модулей и дополнительный вклад метода Фельденкрайза подлежат отдельной эмпирической проверке.

Ключевые слова: интегративное консультирование, когнитивно-поведенческая терапия, майндфулнесс, метод Фельденкрайза, тревога, стресс, программа психологической помощи.

INTEGRATION OF CBT, MINDFULNESS AND FELDENKRAIS METHOD TECHNIQUES IN THE PSYCHOLOGICAL COUNSELING PROGRAM FOR ANXIETY AND STRESS

Abstract. The development of an integrative program of psychological counseling for adults with complaints of anxiety and stress is presented. The methodological basis is the cognitive model, ideas about awareness and the principles of somatic education by M. Feldenkrais. The program was developed based on the results of theoretical analysis and ascertaining examination of 60 adults; it has not been tested. The main result is a structure of ten meetings, combined into somatic, regulatory and cognitive modules with a final integration of skills. The objectives of the modules, the content of the meetings, ways to coordinate techniques and the criteria for the planned assessment are revealed. Integration is considered as working with a common advisory request while distinguishing the functions of each method. Application of the program requires individual selection of workload, professional competence and monitoring of the transferability of practices. The effectiveness of the program, the optimal sequence of modules and the additional contribution of the Feldenkrais method are subject to separate empirical testing.

Keywords: integrative counseling, cognitive behavioral therapy, mindfulness, Feldenkrais method, anxiety, stress, psychological assistance program.

Проблема и цель разработки

Жалобы на тревогу и стресс включают тревожные интерпретации, трудности переключения внимания и неприятные телесные ощущения. Задача консультирования — согласовать обсуждение мыслей, тренировку внимания и работу с движением так, чтобы они были связаны общей целью и переносились в повседневные ситуации.

Когнитивно-поведенческий подход предлагает структурированную работу с убеждениями, автоматическими мыслями и действиями [1; 9]. Практики майндфулнесс позволяют исследовать отношение к внутреннему опыту и способы удержания внимания [4; 8]. Метод Фельденкрайза в его образовательной традиции использует движение для развития чувствительности к организации собственного действия [2; 3]. Теоретическая совместимость этих направлений делает разработку общей программы содержательно перспективной, но не означает заранее доказанного преимущества их сочетания.

Цель статьи — представить структуру и методические основания программы «Интеграция: Разум, Тело, Осознанность», предназначенной для консультирования взрослых с жалобами на тревогу и стресс. Задачи разработки состояли в определении функций трёх подходов, построении последовательности встреч и формулировании критериев последующей апробации. Предмет статьи — методический продукт исследования; результаты завершённого курса помощи здесь не рассматриваются.

Материалы и методологические основания

При разработке использовались теоретический анализ, сопоставление подходов и моделирование консультативного процесса. Эмпирический контекст составило однократное обследование 60 взрослых 24–46 лет, включавшее оценку дисфункциональных установок, осознанности и эмоционального состояния. Обнаруженное сочетание связанных показателей послужило основанием для формулирования рабочих мишеней. Корреляционный дизайн не позволяет определить, какой метод изменит эти показатели и в какой последовательности его следует применять.

Когнитивный компонент программы опирается на совместную проверку интерпретаций. Клиент учится различать событие, автоматическую мысль, эмоцию и реакцию, а затем оценивать обоснованность своего прогноза. Такая работа соответствует принципам сотрудничества и формирования самостоятельных навыков, представленным у Дж. Бек и А. Венцель [1; 9]. Изменение убеждений понимается как исследование опыта, а не требование мыслить исключительно позитивно.

Регуляторный компонент направлен на развитие осознанного внимания и способности замечать переживания без немедленного следования им. В обзорах вмешательств на основе осознанности обсуждаются внимание, принятие и дистанцирование от мыслей [4; 5; 8]. Для программы существенно разграничение двух действий: проверить содержание мысли и заметить сам факт её появления. Когнитивное разделение, описанное в терапии принятия и ответственности, помогает конкретизировать второе действие [6].

Соматический компонент представлен адаптированными практиками осознания через движение. В работах М. Фельденкрайза обучение связывается с исследованием привычного действия, вариативностью и уменьшением избыточного усилия [2; 3]. В программе движение используется для наблюдения за ощущениями, дыханием и удобством позы. Его предполагаемая польза для саморегуляции является рабочей гипотезой. Психологические опросники констатирующего этапа не измеряли мышечный тонус или физиологические механизмы и не подтверждают специфический лечебный эффект этого модуля.

Структура программы

Программа рассчитана на десять встреч с рекомендуемой частотой один раз в неделю. В разработанной модели выделены три последовательных модуля: соматическая регуляция, развитие осознанности и когнитивная реструктуризация. Десятая встреча завершает третий модуль и весь курс интеграцией навыков. При включении развёрнутой двигательной практики предусмотрена продолжительность встречи до 90 минут; конкретная длительность согласуется с возможностями клиента.

Первый модуль, встречи 1–3, посвящён первичному самонаблюдению и исследованию привычного напряжения. Клиент замечает контакт с опорой, движения головы и глаз, ощущения в области плеч и челюсти, особенности естественного дыхания. Психолог предлагает малую комфортную амплитуду, паузы и сравнение ощущений. Задача состоит в освоении исследовательского отношения к телесному опыту. Немедленное расслабление не устанавливается как обязательный критерий успешности.

Второй модуль, встречи 4–6, развивает способность замечать отвлечение и возвращать внимание, описывать внутренний опыт и выдерживать паузу перед действием. Используются наблюдение за дыханием, звуками и мыслями, осознанное выполнение повседневных действий. Отдельное место занимает применение навыков в ситуации напряжения. Практика STOP и упражнение «Пространство дыхания» рассматриваются как разные способы организации такой паузы, а не как взаимозаменяемые названия одной техники.

Третий модуль, встречи 7–10, включает ведение дневника, сократический диалог, исследование правил и поведенческие эксперименты. Навыки наблюдения используются для распознавания мыслей и реакций, а телесное самонаблюдение помогает описывать переживание конкретнее. На заключительной встрече формируется индивидуальный порядок самопомощи и поддержания освоенных навыков. Краткое содержание программы представлено в таблице 1.

Таблица 1. Содержание десяти встреч программы

№	Фокус встречи	Основные действия	Самостоятельная практика
1	Контакт и психообразование	Обсуждение запроса; модель связи ситуации, переживания и реакции; сканирование тела	Дневник ситуаций и напряжения
2	Осознавание движения	Медленные движения глаз и головы; наблюдение за челюстью и плечами	Короткая комфортная двигательная практика
3	Осознавание дыхания	Исследование естественного дыхания и связанных с ним движений	Наблюдение за дыханием без форсирования
4	Управление вниманием	Осознанное дыхание; наблюдение за ощущениями; упражнение «Изюм»	Осознанное выполнение привычного действия
5	Позиция наблюдателя	Практика «Звуки и мысли»; метафоры для дистанцирования	Замечать мысли и эпизоды «автопилота»

6	Пауза напряжении	при STOP; отдельное освоение пространства дыхания; выбор дальнейшего действия	Применять выбранный способ паузы
7	Автоматические мысли	Дневник СМЭР; различение события и его интерпретации	Описать три значимые ситуации
8	Проверка интерпретаций	Сократический диалог; доказательства и альтернативные объяснения	Записать реалистичные альтернативы
9	Правила убеждения	и Выявление условных правил; планирование поведенческого эксперимента	Сопоставить прогноз и реальный результат
10	Интеграция навыков	Итоговая рефлексия; копинг-карточка; план поддержания практики	Использовать личный план самопомощи

Примечание. Встречи 1–3 — соматический модуль; 4–6 — регуляторный; 7–10 — когнитивный и интегративный. СМЭР — ситуация, мысль, эмоция, реакция.

Принципы согласования техник

Связность программы обеспечивается общим материалом работы. Например, клиент выбирает одну повседневную ситуацию напряжения, описывает мысль и эмоцию, отмечает телесные ощущения и привычное действие. Затем он исследует, меняется ли возможность наблюдать происходящее после короткой практики внимания или движения. На когнитивном этапе проверяется конкретный прогноз и планируется доступное действие. Это методическая иллюстрация организации работы, а не описание случая с установленным результатом.

Функции техник разграничиваются: двигательная практика обращена к качеству действия, майндфулнесс — к отношению к опыту, когнитивная реструктуризация — к содержанию интерпретаций [1; 3; 4]. Их согласование оценивается по тому, как клиент использует навыки в выбранной повседневной ситуации.

Последовательность модулей является проектным решением. Предполагается, что знакомство с наблюдением за ощущениями и вниманием может облегчить последующий анализ мыслей, однако обязательность такого порядка не проверена. В индивидуальной работе допускаются возврат к освоенному навыку, сокращение упражнения и изменение темпа. Возраст клиента сам по себе не служит основанием считать его когнитивно ригидным или назначать более длительную подготовку.

Отдельная методическая задача — отношение к ошибкам и отвлечению. Для клиента с жёсткими требованиями к себе упражнение может превратиться в ещё одну ситуацию проверки собственной состоятельности. Поэтому психолог заранее объясняет, что отвлечение внимания или отсутствие быстрого расслабления дают материал для исследования. Принцип совместного эмпирического поиска [1] согласуется здесь с исследовательским отношением к движению [2; 3]. Домашняя практика обсуждается с учётом реальных возможностей человека.

Условия реализации и планируемая оценка

Работа предполагает добровольность, понятные инструкции и возможность остановить упражнение. Двигательные практики выполняются без боли и избыточного усилия; при усилении дискомфорта изменяются их длительность, поза или фокус внимания. Дыхание не требуется форсировать ради выполнения формальной схемы. Программа предназначена для психологического консультирования в пределах компетенции специалиста; выраженное ухудшение состояния требует отдельной оценки и решения вопроса о профильной помощи.

Реализация требует подготовки консультанта в применяемых методах и супервизии. Для дистанционного формата необходимо подходящее пространство. Его реализуемость подлежит отдельной проверке: опыт онлайн-тестирования участников не подтверждает эффективность онлайн-консультирования.

Апробация должна предусматривать повторные измерения до и после курса и последующее наблюдение. Изменения DAS, FFMQ и PHQ-9 могут характеризовать установки, осознанность и депрессивные симптомы, но для вывода об управлении тревогой и стрессом необходимы отдельные однозначно определённые показатели этих состояний. Дополнительно следует регистрировать посещаемость, выполнение практик, отказ от участия, переносимость упражнений и продвижение к согласованным повседневным целям.

Для оценки собственно эффекта программы недостаточно только сравнения состояния до и после. Нужна группа сравнения с учётом объёма контакта со специалистом. Добавочный вклад двигательного модуля можно изучать при сопоставлении полной программы с вариантом, включающим когнитивную работу и майндфулнесс. Такой дизайн позволит отделить результат сочетания компонентов от естественной динамики состояния и общих факторов консультирования. Это направление будущей проверки, а не проведённый этап исследования.

Обсуждение и выводы

Методический результат разработки — последовательная программа, связывающая осознание движения, тренировку внимания и исследование убеждений с общим запросом клиента. Существующие теоретические представления о когнитивной терапии и осознанности поддерживают содержательную возможность такого сочетания [5; 7; 8]. Они не позволяют переносить доказательства эффективности отдельных подходов на новую комбинацию техник. Особенно важно отдельно оценить вклад метода Фельденкрайза и предложенный порядок модулей.

Программа включает десять встреч, задачи самостоятельной практики и завершение с индивидуальным планом самопомощи. Её практическая ценность на данном этапе состоит в конкретизации проверяемой модели консультирования. Условия применения — индивидуализация, наблюдение за переносимостью и профессиональная компетентность. Эффективность, устойчивость изменений и преимущества перед альтернативными форматами пока не установлены и составляют предмет дальнейшего эмпирического исследования.

Литература:

1. Бек, Дж. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям / Дж. Бек. — Санкт-Петербург: Питер, 2020. — 416 с.
2. Фельденкрайз, М. Искусство движения. Уроки мастера / М. Фельденкрайз; перевод с английского А. Заславской. — Москва: Эксмо, 2003. — 352 с.
3. Фельденкрайз, М. Осознание через движение: двенадцать практических уроков / М. Фельденкрайз. — Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2003. — 151 с.
4. Creswell, J. D. Mindfulness interventions / J. D. Creswell // *Annual Review of Psychology*. — 2017. — Vol. 68. — P. 491–516.
5. How do mindfulness-based cognitive therapy and mindfulness-based stress reduction improve mental health and wellbeing? A systematic review and meta-analysis of mediation studies / J. Gu, C. Strauss, R. Bond, K. Cavanagh // *Clinical Psychology Review*. — 2015. — Vol. 37. — P. 1–12.
6. Hayes, S. C. Acceptance and commitment therapy: the process and practice of mindful change / S. C. Hayes, K. D. Strosahl, K. G. Wilson. — 2nd ed. — New York: Guilford Press, 2016. — 402 p.

7. Hofmann, S. G. The science of cognitive therapy / S. G. Hofmann, G. J. Asmundson, A. T. Beck // Behav Ther. — 2013. — Vol. 44, no. 2. — P. 199–212.

8. Hofmann, S. G. Mindfulness-based interventions for anxiety and depression / S. G. Hofmann, A. F. Gómez // The Psychiatric Clinics of North America. — 2017. — Vol. 40, no. 4. — P. 739–749.

9. Wenzel, A. Basic strategies of cognitive behavioral therapy / A. Wenzel // Psychiatr Clin North Am. — 2017. — Vol. 40, no. 4. — P. 597–609.

Касимова Р.И. кызы

кандидат геолого-минералогических наук

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

e-mail: izza@mail.ru

Касимова М-А.К. кызы

бакалавр экономики

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

e-mail: mona.97@mail.ru

Кузьмин Ага К.К.

студент

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

e-mail: coctya26@gmail.ru

Kasimova R.I. kyzy

Candidate of Geological and Mineralogical Sciences

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Kasimova M.A.K. kyzy

Bachelor of Economics

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

Kuzmin Aga K.K.

Student

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

ЕДИНСТВО И БРАТСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ПОСЛАНИЯХ БАХАУЛЛЫ К МОНАРХАМ ЕВРОПЫ И ПАПЕ РИМСКОМУ

Аннотация. В статье впервые представлен комплексный анализ монументальных Посланий основателя веры бахаи Бахауллы к монархам Европы и Папе Римскому, написанных в период его изгнания в Адрианополе (Эдирне) и заключения в Акко (к.1860-х – нач. 1870-х гг.), в которых звучит призыв к мудрому правлению и разоружению во имя братства людей. Бахаулла уверяет европейских монархов (императора Александра II, Наполеона III, королеву Викторию, кайзера Вильгельма I, австрийского императора Франца-Иосифа и Папу Римского Пия IX) о важности сохранения и установления всеобщего мира, призывает к справедливому правлению, защите прав подданных и следованию духовным законам. Некоторые цитаты из Посланий впервые представлены в авторском переводе. В исследовании использован комплексная методология, включающая источниковедческий, историко-типологический и ретроспективный анализы, что позволяет проследить реализацию пророчеств в истории XX в. В заключение сделан вывод о важности Посланий Бахауллы, призывающих монархов Европы сложить оружие и объединиться в единстве и братстве для строительства нового общества.

Ключевые слова: Бахаулла, вера бахаи, европейские монархии, «Послания к монархам», «Послание к Папе Римскому», братство, единство человечества.

UNITY AND BROTHERHOOD IN THE BAHÁ'U'LLAH'S TABLETS TO THE MONARCHS OF EUROPE AND THE POPE OF ROME

Abstract. The article firstly presents a complex analysis of the monumental Epistles to the Monarchies of Europe and to the Pope of Rome by Baha'u'llah, written at the time of his exile to Adrianople (Edirne) and imprisonment in Akko (end of the 1860-s–beginning of the 1870-s), which to wise governing and disarmament for the sake of brotherhood. Baha'u'llah convinces the European monarchies (Emperor Alexander II, Napoleon III, Queen Victoria, kaizer Wilhelm I, Austrian emperor Franz-Josef and The Pope of Rome Pius IX) about the importance of saving and establishing peace in the world, calls to rule fairly and protect the rights of their citizens, and follow the spiritual laws. A number of citations from the Tablets are firstly presented in the authorized translation. A complex methodology, based on source- study, typological and retrospective analysis, allows to follow the realization of the prophecies in the history of the 20th century. In conclusion, the importance of the Epistles calling the European monarchies to lay down arms and unite in building a new society is stated.

Keywords: Baha' u' llah, the Baha'i Faith, European monarchies, «Tablet to the Monarchies of Europe», «Tablet to the Pope of Rome», brotherhood, unity of the humanity.

Актуальность исследования обусловлена важностью содержания Посланий Бахауллы в современной геополитической ситуации, а также продолжающимися торжествами в честь 100-летия Московской общины бахаи. В продолжение наших публикаций 2024 – 2026 гг. об истории веры бахаи [6; 7], обзорной работы по состоянию современных религиоведческих исследований бахаи [5], ряда историко-филологических исследований, основанных на архивных материалах, о связях представительницы Серебряного века И. А. Гриневской [11] и Л. Н. Толстого [7; 8; 9] с верой бахаи, в настоящем исследовании мы обращаемся к малоизученным первоисточникам – Посланиям Бахауллы (Мирзы Хусейна Али Нури) (1817–1892) к монархам Европы и Папе Римскому, которые были написаны в поздний период его пребывания в Адрианополе (Эдирне) (1863–1868) и Акко. В непростой геополитической ситуации после окончания Кавказской войны (1864) основатель учения бахаи обратился с увещаниями к российскому императору Александру II, английской королеве Виктории, императору Наполеону III, прусскому королю Вильгельму I, австрийскому императору Францу-Иосифу и Папе Римскому Пию IX, в которых призвал к единству и братству человечества и осудил милитаризм. Впервые введенные в научный оборот востоковедом В. Р. Розеном, Послания исследовались частично в статьях Ю. А. Ионнесяна [4], отметившего их уникальное графическое оформление в форме пятиконечной звезды – символа единого «Храма человеческого» [Там же, с.7] и В. Ю. Новика [12]. Цель настоящего исследования состоит в их комплексном анализе, основанном на методологическом синтезе источниковедческого, историко-типологического и ретроспективного методов.

Послания были написаны в эпоху масштабной геополитической трансформации Европы (1863 – 1878), когда было завершено объединение Германии и Италии, Россия одержала победу в Русско-турецкой войне (1877 – 1878), происходили активные контакты между Востоком и Западом. Провозглашение Бахауллой новой мировой религии, направленной на объединение всего человечества, не было услышано монархами Европы, но получило теплый отклик интеллектуалов, философов, литераторов [5, с.114; 7, с. 44–48].

Послания, написанные в четкой трехчастной структуре (введение-обращение с призывом к принятию нового Откровения, оценка деятельности монарха; заключение – увещание), можно подразделить на «поощряющие» (к императору Александру II и королеве Виктории) и «предостерегающие» (к остальным), в которых содержатся предостережения и обличения в милитаризме.

В Послании к русскому императору Александру II Бахаулла благодарит его за предоставление убежища бахаи в Российской империи в 1853 г., когда в результате гонений со стороны персидского шаха они массово мигрировали из Персии. В то время Бахаулла сам подвергся тюремному заключению в Тегеране, о чем упоминается в Послании: «В то время когда лежал я в цепях [и] оковах в тегеранской темнице, один из твоих посланников протянул Мне руку помощи» [1]. Речь идет о заступничестве русского дипломата Дмитрия Ивановича Долгорукова (1797–1867), благодаря которому было смягчено наказание Бахауллы: смертный приговор был заменен на ссылку в Багдад. Бахаулла отказался от эмиграции в Россию и принял свою судьбу, – ссылку в Константинополь и Адрианополь, а затем и тюремное заключение в город- крепости Акку как волю Бога, проявив мужественное терпение в своей земной жизни. Пребывая в Адрианополе и Акке, он обратился с Посланиями к монархам Европы и Папе Римскому с призывом установить всеобщий мир на земле для грядущего единства человечества. В самых поздних Скрижалях он вновь выразил благодарность России и завещал бахаи всегда молиться за процветание страны – «Светозарной Державы» [6, с.202]. Выход России на мировые рынки, значительный рост промышленного производства подтвердили его пророчество. Либерализация с 1906 до 1914 гг. способствовала развитию России как правового государства и укреплению ее роли в мировом геополитическом пространстве. Ее процветанию помешали милитаристические устремления европейских государств, развязавших I Мировую войну.

Отметим, что именно в России началось изучение и перевод первоисточников бахаи на русский язык [7, с. 45]. Но и в XX в. Россия, названная им также «Лучезарной Державой», «источником правды и справедливости», который «сотрет тиранство и насилие мира», восстановила справедливость в ходе Великой Отечественной войны (1941–1945) и продолжает свою миротворческую миссию в непростых современных геополитических условиях [3, с.141] как правовое конституционное и многоконфессиональное государство, развивающееся на принципах равноправия и конфессионального взаимоуважения.

В результате анализа Послания к английской королеве Виктории (ок.1888) обнаружены аллюзии-библейзмы. Обращение Бахауллы «Преклони ухо свое к гласу Господа твоего» – отсылка к стиху «Преклони ухо свое к гласу Господа твоего и слушай слова мудрых» (Прит.22.17). Бахаулла называет Бога Целителем человечества, что основывается на образе Пятикнижия Моисеева: «Я Господь Бог, целитель твой» (Исх.15.26) и новозаветном понимании Бога как Целителя, а также сирийской традиции, в которой Бог постоянно выступает как «врач душ». В Посланиях говорится о преемственности Пророков человечества (Явителей Бога) и поэтапного Божественного Откровения через них. Бахаулла одобряет демократизацию власти и восхваляет королеву Викторину за сохранение Палаты Общин: «ты вверила бразды совета в руки представителей народа. Ты, воистину, поступила хорошо» [1]. Но главным критерием всякой грамотной политической деятельности он называет молитву: «И если один из них отправляется в Собрание, да обратит глаза свои к Наивысшему Небосклону и скажет: «О мой Боже! Молю Тебя, наиславным именем Твоим, помочь мне в том, что принесет процветание делам слуг Твоих, расцвет – Твоим городам» [1]. Среди монархов Европы только королева Виктория одобрила Послание Бахауллы. Известны ее слова: «Если это от Бога, то это сохранится; если нет, то это не причинит вреда», *восходящие к Новому Завету (Деян. 5. 39). Как известно, в дальнейшем вера бахаи распространилась по всем континентам и стала новой мировой религией.*

В четырех «предостерегающих» Посланиях (к императору Франции Наполеону III, германскому кайзеру Вильгельму I, австрийскому императору Францу- Иосифу и Папе Римскому Пию IX) звучит призыв отказаться от агрессивных милитаристических устремлений (Наполеону III и Вильгельму I), от гордости и заносчивости (Францу- Иосифу), утверждается важность соблюдения христианских этических принципов (Папе Пию IX).

Наполеону III предрекается скорая потеря императорской власти из-за страстей («Мы испытали тебя и нашли вожделеющим») и лицемерия («Когда бы был ты искренен ты в своих словах, ты не закинул бы за спину Книгу Божию»), а также падение империи («Вскоре погибнет мир и все, чем ты владеешь») [1]. Бахаулла подчеркивает необходимость прекратить войны, облегчить налоги и позаботиться о бедных. Как известно, в 1852–1870 гг. отказ Наполеона III принять увещания привел к поражению Франции во Франко-прусской войне (1870) и потере им власти.

В Послании к кайзеру Вильгельму I Бахаулла также призывает отказаться от гордыни и милитаризма: «Остерегайся, дабы гордыня не помешала тебе признать Рассвет Божественного Откровения, дабы мирские желания не заградили тебя, будто завесой» [1]. Он ссылается на трагическую судьбу Наполеона III, последовавшую из-за пренебрежения увещаниями: «Помнишь ли того, чья власть превосходила твою власть и чье положение было выше твоего положения? Где он? Куда исчезло то, чем он владел?». Пророческие слова Бахауллы: «Мы слышим плач Берлина, хоть днесь пребывает он в явном почете» [1] исполнились дважды, – Германия потерпела поражение в I и II Мировых войнах в XX в.

В Послании к австрийскому императору Францу-Иосифу Бахаулла упоминает об отказе лично встретиться с ним: «Ты прошел рядом с Ним и не спросил о Нем» [1] и упрекает монарха в милитаризме. В дальнейшем, Босния-Герцеговина были аннексированы (1908), а Австро-Венгрия вступила в I Мировую войну. Война на два фронта против России и Сербии/Италии истощила страну и повлекла распад государства к концу 1918 года [13].

В Послании к Папе Римскому Пию IX, написанному в конце Адрианопольской ссылки, провозглашается наступление новой эры человечества и звучит призыв отказаться от земной роскоши, накопительства («Остерегись присвоить себе вещи мира и богатства») [1] и мирской власти ради следования духовным этическим принципам Иисуса Христа. Свою земную судьбу Бахаулла сравнивает с жизнью Иисуса, отверженного земными властями и изначально принятого немногими искренними представителями простого народа: «Вспомняни Его, Того, Кто был Духом [Иисуса. – прим. Р. К.]; когда Он пришел, самые ученые Его века произнесли против Него приговор в Его собственной стране [фарисеи], в то время как некто, бывший простым рыбаком, Ему поверил» [ап. Петр]. «Сколь многие фарисеи ждали узреть Его [Мессию] и сокрушались об отдалении своем от Него! <...> когда открылась красота Его [Иисуса], они отвернулись от Него и стали с Ним спорить... За исключением немногих, лишенных какой-либо власти среди людей, никто не обратился к Его лику. А ныне всякий наделенный властью и облеченный владычеством гордится Именем Его!» [1].

Как известно, введение Пием IX новых догматов о непорочном зачатии (1854) и папской непогрешимости (1870) исказило изначальные христианские догматы. Папская область вошла в состав Итальянского королевства в результате Рисорджименто 20 сентября 1870 г., Пий IX был лишён светской власти, став до конца жизни «пленником Ватикана» [14].

В результате проведенного исследования был сделан вывод о новизне идеи братства и единства человечества и религиозных основаниях демократизации власти в Посланиях Бахауллы. Его пророческое предостережение, сказанное на рубеже XIX – XX в.: «Признаки грядущих потрясений и хаоса уже различимы, ибо господствующий порядок, по-видимому, прискорбно несовершенен» [2, с.73] не было услышано, что привело к новым войнам и трагедиям XX в. Несмотря на прошедшее столетие, духовное содержание Посланий, необходимость нового порядка и сохранения мира: «Вскоре нынешний порядок будет свернут, и на смену ему предстанет новый» [Там же, с.72]» актуальны. При этом новейшие достижения научно-технического прогресса – цифровизация и ИИ остаются этически нейтральными, и могут использоваться с целями добра/зла, что зависит от аксиологического выбора человечества. Продолжающееся разжигание ненависти и страстей ставят человечество перед угрозой III Мировой войны в XXI в. В этой связи антимилитаристический пафос Посланий Бахауллы приобретает особо

важное значение, как Завещание человечеству во имя укрепления мира и международного сотрудничества в радости и гармонии созидания: «...Вражда превратится в любовь, будут полностью искоренены первопричины раздоров и распрей, человечество обретет истинное благоденствие, а война уступит место миру».

Литература:

1. Бахауллы. Воззвание царям и правителям мира. [Электронный ресурс]. <https://www.lib.ru/BAHAUL/wozzwanie.txt> (дата обращения 20. 07. 2026).
2. Бахауллы. Крупницы из Писаний / Пер. с англ. 2-е издание, испрв. и дополненное. М.: Централизованная религиозная организация «Община последователей веры бахаи в России», 2009. 121 с.
3. Жданова М. К. Правовое государство и некоторые особенности его формирования в Российской Федерации // Международный научный журнал «Вестник науки». 2022. №5. С. 140–144.
4. Иоаннесян Ю. А. Послания к монархам и правителям и некоторые другие послания // Письменные памятники Востока. 2007. №1 (6). С. 5–14.
5. Касимова Р. И. К. Современное состояние исследований веры бахаи в российском религиоведении // 21 век: фундаментальная наука и технологии. Материалы XXXIX международной научно-практической конференции. Bengaluru, 2026. С. 114–117.
6. Касимова Р. И. К, Касимова М. К. Страницы истории религии баби и веры бахаи конца XIX – нач. XX вв. в России: от истоков к современности // Человек. Социум. Общество. 2026. №7. С. 198–206.
7. Малкина А. В., Касимова Р. И. К. Вера бахаи в отечественном востоковедении и ее влияние на представителей культурной элиты XIX–нач. XX вв. // Человек. Социум. Общество. 2024. № S9. С. 44–52.
8. Малкина А. В. Мистика бахаи и Л. Н. Толстой в свете новых архивных материалов: pro et contra // Общество: философия, история, культура. 2025. № 11(139). С. 162–168.
9. Малкина А. В. Переписка И. А. Гриневской с Л. Н. Толстым: новые архивные материалы // Человек. Социум. Общество. 2026. №7. С.42–48.
10. Малкина А. В. Переписка М. А. Мамедханлы (Мамедханова) с Л. Н. Толстым в свете новых архивных материалов // Социально-гуманитарные знания. 2026. №7. С.66–71.
11. Митник Е. А. И. А. Гриневская. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (продолжение) [главы XVII – XVIII] // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома. 2025. Т. 2025. С. 260–327.
12. Новик В. Ю. Письма Бахауллы правителям Европы и Америки как исторический источник // Вестник современных исследований. 2019. №3. 11 (30). С. 138–141.
13. Пресняков А. Э. Проблема территориально- политической трансформации Австро-Венгрии в проектах французских консерваторов (1914–1918) // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2014. №1 (1). С.166–183.
14. Языкова В. Е. Пий IX: от «Папы либерала» к «узнику» либерального государства. Статья посвящена изучению политической концепции папы Пия IX (понтификат 1846–1878гг.) // Вестник Литературного института им. Горького. 2013. №2. С. 95–108.

Герашенко Ю.Г.

магистрант

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

e-mail: yulcha788@mail.ru

научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»

Ю.А. Наумова

Gerashchenko Yu.G.

Master's Student

Novosibirsk State University of Economics and Management

scientific director – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Novosibirsk State University of Economics and Management

Yu.A. Naumova

ЛИЧНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗЬ С МОТИВАЦИЕЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ СОСТОЯНИЕМ СОТРУДНИКОВ

Аннотация. В настоящей статье исследуется взаимосвязь между организационной приверженностью, мотивацией и эмоциональным состоянием сотрудников, представляющими собой ключевые, определяющие эффективность и благополучие в современной рабочей среде. Цель исследования состоит в выявлении и анализе влияния различных типов организационной приверженности (аффективной, нормативной и продолженной) на мотивацию (внутреннюю и внешнюю) и эмоциональное состояние (удовлетворенность работой, вовлеченность, эмоциональное выгорание, стресс) сотрудников. Для достижения поставленной цели был проведен теоретический анализ существующих научных работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных изучению взаимосвязи организационной приверженности, мотивации и эмоционального состояния. В ходе обзора литературы были рассмотрены различные теоретические модели, объясняющие механизмы влияния организационной приверженности на мотивацию и эмоциональное состояние сотрудников, а также проанализированы эмпирические исследования, подтверждающие или опровергающие эти модели. Особое внимание было уделено изучению роли организационной культуры, стиля лидерства, воспринимаемой поддержки со стороны организации и других контекстуальных факторов в формировании и проявлении организационной приверженности, мотивации и эмоционального состояния сотрудников.

Ключевые слова: организационная приверженность, мотивация, эмоциональное состояние, организационная приверженность, удовлетворенность работой, вовлеченность, выгорание.

PERSONALITY AND ORGANIZATIONAL COMMITMENT: RELATIONSHIP WITH MOTIVATION AND EMOTIONAL STATE OF EMPLOYEES

Abstract. This article examines the relationship between organizational commitment, motivation, and emotional state of employees, which are key factors determining performance and well-being in the modern work environment. The purpose of the study is to identify and analyze the impact of different types of organizational commitment (affective, normative, and continuance) on motivation (internal and external) and emotional state (job satisfaction, involvement, emotional burnout, stress) of employees. To achieve this goal, a theoretical

analysis of existing scientific works by domestic and foreign authors devoted to the study of the relationship between organizational commitment, motivation, and emotional state was conducted. During the literature review, various theoretical models explaining the mechanisms of influence of organizational commitment on motivation and emotional state of employees were considered, and empirical studies confirming or refuting these models were analyzed. Particular attention was paid to studying the role of organizational culture, leadership style, perceived support from the organization and other contextual factors in the formation and manifestation of organizational commitment, motivation and emotional state of employees.

Keywords: organizational commitment, motivation, emotional state, organizational commitment, job satisfaction, involvement, burnout.

Введение

В условиях динамично развивающегося глобального рынка и усиливающейся конкуренции, человеческие ресурсы становятся ключевым фактором устойчивого развития и конкурентоспособности любой организации. Эффективное управление персоналом, направленное на привлечение, удержание и развитие высококвалифицированных и мотивированных сотрудников, приобретает стратегическое значение. В этом контексте концепция организационной приверженности (ОП) выходит на первый план как один из наиболее значимых индикаторов успешности кадровой политики и общего благополучия компании. Организационная приверженность отражает психологическую связь сотрудника с его организацией, проявляющуюся в желании оставаться ее частью, идентификации с ее целями и ценностями, а также готовности прилагать усилия для достижения общих задач.

Несмотря на обширные исследования в области организационной психологии и управления человеческими ресурсами, комплексное понимание факторов, формирующих и поддерживающих высокую организационную приверженность, остается актуальной задачей. В частности, недостаточно изучено интегрированное влияние личностных характеристик сотрудников, их мотивационных установок и эмоционального состояния на уровень приверженности. Существующие исследования часто фокусируются на отдельных аспектах, оставляя без внимания сложную сеть взаимосвязей между этими переменными. Это создает пробел в теоретическом знании и ограничивает возможности разработки эффективных практических стратегий для повышения ОП.

Целью настоящего исследования является выявление и всесторонний анализ взаимосвязи между личностными чертами сотрудников, их организационной приверженностью, уровнем мотивации и эмоциональным состоянием. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

Рассмотреть основные концепции организационной приверженности, ее многомерную структуру и ключевые компоненты, представленные в современной научной литературе.

Проанализировать влияние различных личностных черт, в частности, в рамках модели Большой пятерки, на формирование и проявление организационной приверженности.

Исследовать взаимосвязь между различными типами мотивации сотрудников (внутренней и внешней) и их уровнем организационной приверженности, а также механизмы этого влияния.

Оценить роль эмоционального состояния, включая эмоциональный интеллект и общее психологическое благополучие, в формировании и поддержании организационной приверженности.

Теоретические основы организационной приверженности

В сфере управления персоналом и изучения поведения в организациях, понятие организационной приверженности занимает особое место. Это обусловлено ее прямой связью с ключевыми показателями эффективности бизнеса: от сокращения увольнений до повышения продуктивности и качества работы, а также снижения случаев отсутствия сотрудников. Хотя исследователи предлагают различные

интерпретации этого явления, большинство согласны в одном: организационная приверженность отражает психологическую связь работника с компанией, определяющую его решение о долгосрочном сотрудничестве [3].

Одним из первых и наиболее влиятельных подходов к пониманию организационной приверженности стала теория побочных ставок, предложенная Говардом Беккером в 1960 году. Согласно этой теории, приверженность возникает не столько из-за эмоциональной привязанности, сколько из-за накопленных «побочных ставок» — инвестиций, которые сотрудник делает в организацию и которые будут потеряны в случае ухода. К таким ставкам относятся, например, стаж работы, пенсионные накопления, специализированные навыки, приобретенные внутри компании, социальные связи, репутация и даже географическое местоположение. Чем больше таких инвестиций, тем выше вероятность того, что сотрудник останется в организации, поскольку издержки ухода становятся слишком высокими. Приверженность, таким образом, рассматривается как рациональное решение, основанное на анализе затрат и выгод.

В современной литературе, посвященной организационной приверженности, наибольшее распространение и признание получила трехкомпонентная модель, предложенная Джоном Мейером и Натали Аллен [11]. Отличительной чертой этой модели является многоаспектный подход к пониманию приверженности, представляющий ее как совокупность трех взаимосвязанных, но качественно различных составляющих:

1. **Аффективная приверженность:** Данный компонент отражает эмоциональную связь работника с организацией. Это чувство отождествления с ее целями и ценностями, а также искреннее желание оставаться частью коллектива, обусловленное личным удовлетворением и ощущением принадлежности. Сотрудники, демонстрирующие высокую аффективную приверженность, остаются в компании не по расчету, а по велению сердца. Они гордятся своей организацией, разделяют ее миссию и чувствуют себя неотъемлемой частью команды. Данный тип приверженности закономерно ассоциируется с наиболее позитивными результатами труда, такими как проактивность, высокая эффективность и готовность к вне ролевого поведения.

2. **Продолженная приверженность:** В основе этого компонента лежит осознание работником тех издержек, которые повлечет за собой уход из организации. Сотрудники, характеризующиеся высокой степенью выраженности этого компонента, остаются в компании, поскольку испытывают в этом насущную необходимость. Эти издержки могут носить различный характер: финансовый (потеря заработной платы, компенсационного пакета, пенсионных накоплений), социальный (разрыв сложившихся межличностных связей и необходимость адаптации к новому коллективу) или психологический (неизбежная неопределенность и стресс, сопряженные с поиском нового места работы). Продолженная приверженность часто подразделяется на два подвида: приверженность, обусловленная ощущаемыми жертвами (связанными с уходом), и приверженность, обусловленная отсутствием альтернативных вариантов трудоустройства [8].

3. **Нормативная приверженность:** Этот компонент отражает чувство долга, своего рода моральное обязательство работника оставаться в организации. Сотрудники с высокой нормативной приверженностью остаются в компании, потому что считают, что так и должно быть, что они обязаны это делать. Это чувство может быть вызвано различными причинами, например, взаимными инвестициями (когда организация оплачивает обучение сотрудника, тем самым возлагая на него определенные обязательства), особенностями культуры (в некоторых обществах частая смена работы считается неприемлемой и осуждается), или личными убеждениями, связанными с понятиями лояльности и ответственности. Формирование нормативной приверженности происходит под влиянием процессов социализации и усвоения норм, принятых в организации.

Модель Аллена и Мейера получила широкое эмпирическое подтверждение и стала основой для большинства последующих исследований организационной приверженности. Она позволяет исследователям и практикам более тонко дифференцировать мотивы, по которым сотрудники остаются в организации, и разрабатывать более целенаправленные стратегии управления приверженностью.

Личность и организационная приверженность

Индивидуальные черты сотрудников оказывают определяющее влияние на их восприятие работы и организации в целом, включая степень их организационной приверженности. Осознание механизмов, посредством которых личностные особенности влияют на приверженность, позволяет организациям оптимизировать процесс подбора кадров, внедрять персонализированные стратегии управления и формировать рабочую среду, способствующую повышению лояльности и вовлеченности персонала. В рамках изучения организационного поведения, широкое распространение получила модель "Большой пятерки" (часто обозначаемая аббревиатурой OCEAN), описывающая личность посредством пяти ключевых, относительно независимых измерений: открытость новому опыту, добросовестность, экстраверсия, уступчивость и нейротизм.

Рассмотрим, каким образом каждое из этих измерений "Большой пятерки" может быть связано с различными компонентами организационной приверженности:

Нейротизм: Данная черта характеризует склонность индивида к переживанию негативных эмоций, повышенной тревожности, нестабильности эмоционального фона и низкой устойчивости к стрессовым ситуациям.

Экстраверсия: люди с экстраверсией, ориентированы на внешний мир, они общительны, у них высокая энергичность и им необходимы социальные контакты. Экстраверты, как правило, легче адаптируются в коллективе, активно участвуют в общественной жизни организации, выстраивают прочные межличностные отношения с коллегами и руководством, что способствует формированию устойчивой эмоциональной привязанности к компании. Их повышенная социальная активность и позитивный настрой также могут положительно сказываться на процессе интеграции в организационную культуру.

Уступчивость: Данная характеристика отражает предрасположенность индивида к кооперации, эмпатии, доверию и альтруистическому поведению. Сотрудники, демонстрирующие высокий уровень уступчивости, стремятся к поддержанию гармоничных межличностных отношений, избегают конфликтных ситуаций и проявляют готовность к поиску компромиссных решений. Подобно экстраверсии, уступчивость обнаруживает положительную корреляцию с аффективной приверженностью.

Добросовестность — это понятие, которое включает в себя ответственность, усердие и честность в выполнении обязательств, а также уважение к правам и интересам других. Добросовестность является одним из наиболее надежных предикторов успешности профессиональной деятельности. Результаты исследований демонстрируют положительную связь добросовестности со всеми тремя компонентами организационной приверженности, в особенности с аффективной и нормативной. Добросовестные сотрудники, как правило, отличаются высокой степенью ответственности в отношении выполнения взятых на себя обязательств, ощущают причастность к результатам своей работы и к общему успеху организации. Их нацеленность на достижение поставленных целей и неукоснительное соблюдение установленных правил благоприятствует формированию сильного чувства долга и глубокой идентификации с компанией.

Открытость новому опыту: Данная характеристика отражает любознательность, склонность к креативному мышлению, восприимчивость к новым идеям и нетривиальный подход к решению задач. Взаимосвязь открытости новому опыту с организационной приверженностью носит более сложный и

неоднозначный характер, чем взаимосвязь с другими чертами "Большой пятерки". Отдельные исследования указывают на наличие положительной связи с аффективной приверженностью, особенно в тех организациях, которые активно поддерживают инновации и профессиональное развитие сотрудников. Однако, в более консервативных или бюрократизированных структурах, чрезмерно высокая открытость новому опыту может приводить к ощущению неудовлетворенности и, как следствие, к снижению уровня приверженности в случае, если сотрудники не имеют достаточных возможностей для реализации своего творческого потенциала и новаторских идей.

Мотивация и организационная приверженность

Обеспечение высокой мотивации персонала – залог успешного функционирования любой организации и ключевой фактор, определяющий уровень их организационной приверженности. Мотивированные сотрудники отличаются не только повышенной эффективностью, но и демонстрируют большую лояльность и стремление к долгосрочному сотрудничеству с компанией. Связь между мотивацией и приверженностью носит взаимоусиливающий характер: высокая мотивация способствует укреплению приверженности, а приверженность, в свою очередь, стимулирует мотивационные процессы. Для детального понимания этого взаимодействия необходимо проанализировать основные теории мотивации и их влияние на формирование организационной приверженности.

Среди наиболее известных теорий мотивации, имеющих прямое отношение к организационной приверженности, можно выделить следующие:

Иерархия потребностей Маслоу: Эта теория предполагает, что люди стремятся удовлетворить ряд потребностей, начиная с базовых (физиологические, безопасность) и заканчивая высшими (социальные, уважение, самоактуализация). Организация, которая помогает сотрудникам удовлетворять эти потребности, особенно высшие, способствует формированию аффективной приверженности. Например, возможности для профессионального роста (самоактуализация) или признание заслуг (уважение) могут значительно усилить эмоциональную связь с компанией.

Двухфакторная теория Герцберга: Герцберг разделил факторы, влияющие на удовлетворенность и мотивацию, на две категории: гигиенические (факторы, предотвращающие неудовлетворенность, но не мотивирующие, например, зарплата, условия труда) и мотивирующие (факторы, приводящие к удовлетворению и мотивации, например, признание, ответственность, возможности для роста). Высокий уровень гигиенических факторов может предотвратить отток кадров (влияя на продолжительную приверженность), но именно мотивирующие факторы способствуют формированию аффективной приверженности, поскольку они напрямую связаны с содержанием работы и личным развитием.

Теория ожиданий В. Врума: в соответствии с данной теорией, уровень мотивации индивида определяется взаимодействием трех ключевых факторов: ожиданием (уверенностью в том, что прилагаемые усилия приведут к желаемым результатам), инструментальностью (верой в то, что достигнутые результаты будут вознаграждены) и валентностью (ценностью предлагаемого вознаграждения). Таким образом, если сотрудники убеждены в том, что их усилия приведут к достижению поставленных целей, за которым последует ценное для них вознаграждение, то их мотивация и, как следствие, организационная приверженность будут значительно выше. Данная теория позволяет объяснить, почему наличие прозрачных систем поощрения и четко определенных перспектив карьерного роста оказывает положительное влияние на формирование приверженности [17].

Теория справедливости Дж. Адамса: в рамках данной теории утверждается, что работники постоянно сопоставляют свои вклады (прилагаемые усилия, профессиональные навыки, затраченное время) и получаемое вознаграждение (уровень заработной платы, признание заслуг, предоставляемые льготы) с аналогичными показателями у других сотрудников. В случае, если работник воспринимает данное соотношение как несправедливое, это может привести к снижению его мотивации,

возникновению чувства неудовлетворенности и, как следствие, к ослаблению организационной приверженности, в особенности аффективного ее компонента. Организации, придерживающиеся принципов справедливости и прозрачности, создают благоприятную среду для укрепления приверженности.

Теория постановки целей Э. Локка: Данная теория акцентирует внимание на том, что четко сформулированные, конкретные и достаточно сложные цели, которые разделяются и принимаются сотрудниками, способствуют повышению производительности и усилению мотивации. Когда сотрудники принимают активное участие в процессе целеполагания и осознают, что их вклад непосредственно влияет на достижение общих организационных задач, это усиливает их чувство причастности к общему делу и, как следствие, аффективную приверженность. Более того, успешное достижение поставленных целей может способствовать формированию продолженной приверженности, поскольку результативность зачастую ассоциируется с получением вознаграждения и расширением возможностей для карьерного роста.

Многочисленные эмпирические исследования подтверждают наличие тесной взаимосвязи между мотивацией и организационной приверженностью. В частности, было установлено, что как внутренняя, так и внешняя мотивация оказывают положительное влияние на аффективную, нормативную и продолженную приверженность.

Эмоциональное состояние и организационная приверженность.

Работники, их продуктивность и привязанность к компании в значительной степени зависят от эмоционального состояния. Положительные эмоции, такие как радость от достижений, удовлетворенность условиями труда и увлеченность своим делом, укрепляют связь сотрудника с организацией. В то же время негативные переживания, такие как стресс, беспокойство и профессиональное выгорание, могут серьезно ослабить эту связь. Понимание важности эмоционального благополучия и развитого эмоционального интеллекта помогает руководству создавать более здоровую и, следовательно, более продуктивную атмосферу в коллективе.

Эмоциональное благополучие на рабочем месте — это состояние, при котором сотрудники чувствуют себя комфортно, безопасно и уверенно в рабочей среде. Это не только отсутствие стресса, но и наличие позитивного отношения к работе, здорового баланса между профессиональной и личной жизнью, а также ощущение поддержки со стороны коллег и руководства.

Эмоциональный интеллект (ЭИ) играет определяющую роль в формировании эмоционального фона и, как следствие, лояльности к организации. ЭИ — это способность человека осознавать, понимать, использовать и контролировать как собственные эмоции, так и эмоции окружающих. Люди с высоким ЭИ лучше противостоят стрессу, эффективнее взаимодействуют с коллегами и начальством, быстрее приспосабливаются к переменам и проявляют больше сочувствия. Эти качества способствуют установлению позитивных взаимоотношений внутри коллектива и с компанией в целом, что непосредственно влияет на эмоциональную привязанность к ней. Исследования показывают, что развитый эмоциональный интеллект положительно сказывается на всех аспектах организационной приверженности.

Влияние позитивных и негативных эмоций:

Позитивные эмоции: Радость от работы, гордость за достижения, удовлетворенность условиями и общее воодушевление, испытываемые сотрудниками, напрямую влияют на их эмоциональную связь с компанией. Когда работник ощущает признание своего труда, видит результаты своих усилий и понимает, что его деятельность имеет значение, формируется крепкая эмоциональная привязанность. Кроме того, позитивный настрой стимулирует так называемое "гражданское поведение" — готовность помогать коллегам, проявлять инициативу и брать на себя дополнительные задачи, не входящие в

должностные обязанности.

Негативные эмоции: Постоянный стресс, тревожность, разочарование и выгорание оказывают крайне негативное воздействие на эмоциональное состояние сотрудников и их лояльность к организации. Выгорание – это состояние, характеризующееся физическим, эмоциональным и умственным истощением, возникающее в результате продолжительного или чрезмерного стресса. Профессиональное выгорание на работе – это серьезная проблема, которая влияет на продуктивность труда и моральное состояние человека. Оно может произойти из-за стресса и конфликтов на рабочем месте, излишней нагрузки, отсутствия самореализации и ряда других факторов. С выгоранием может столкнуться каждый – это не признак лени или некомпетентности, а естественная реакция психики на истощение. Чем раньше выявлен синдром, тем проще с ним справляться [2].

Интегративная модель взаимосвязи

Взаимодействие личностных особенностей, мотивационных установок и эмоционального фона сотрудников с их приверженностью организации формирует нелинейную, многоаспектную систему. В этой системе каждый компонент оказывает взаимное влияние на остальные, создавая сложную динамическую структуру взаимосвязей. Разработка и применение комплексной, интегративной модели позволяет не только упорядочить существующие научные данные, но и детально проанализировать прямые и косвенные корреляции, а также определить функции модераторов и медиаторов в этих многофакторных процессах. Такая модель обеспечивает более глубокое понимание механизмов формирования и поддержания организационной приверженности, что критически важно для разработки эффективных управленческих стратегий [4].

Прямые связи:

Личность → Организационная приверженность: личностные черты, особенно в рамках модели Большой пятерки (экстраверсия, доброжелательность, добросовестность), напрямую влияют на аффективную и нормативную приверженность. Так добросовестные сотрудники, которые привыкли к ответственности и порядку, могут больше показывать высокую приверженность.

Мотивация → Организационная приверженность: Различные теории мотивации (Врум, Адамс, Лок) подчеркивают прямое влияние мотивационных установок на приверженность. Сотрудники, которые чувствуют себя мотивированными, видят смысл в своей работе и верят в справедливость вознаграждения, проявляют более высокий уровень всех компонентов приверженности, особенно аффективной.

Эмоциональное состояние → Организационная приверженность: Позитивное эмоциональное состояние и высокий эмоциональный интеллект напрямую способствуют формированию аффективной приверженности. Сотрудники, испытывающие удовлетворение и радость от работы, эмоционально привязаны к организации, тогда как негативные эмоции, такие как стресс и выгорание, напрямую снижают приверженность.

Опосредованные связи (медиация):

Медиация описывает ситуацию, когда влияние одной переменной на другую происходит через третью переменную. В нашей модели можно выделить следующие медиаторные роли:

Личность → Мотивация → Организационная приверженность: Личностные черты могут влиять на тип и уровень мотивации сотрудника, которая, в свою очередь, опосредует влияние личности на приверженность. Например, экстраверты будут больше нацелены на командную работу, это способствует повышению их аффективной приверженности.

Личность → Эмоциональное состояние → Организационная приверженность: Личные черты также могут влиять на эмоциональное состояние сотрудника. Например, низкий нейротизм связан с более стабильным и позитивным эмоциональным состоянием, это способствует формированию аффективной приверженности.

Мотивация → Эмоциональное состояние → Организационная приверженность: Удовлетворение потребностей и достижение целей (мотивация) могут приводить к позитивным эмоциям и улучшению эмоционального благополучия, что затем усиливает приверженность. Например, если сотрудник достигает поставленных целей и получает признание (мотивационные факторы), это вызывает чувство удовлетворения и гордости, что укрепляет его эмоциональную связь с организацией.

Модераторы во взаимосвязях:

Модераторы – это переменные, которые изменяют силу или направление взаимосвязи между двумя другими переменными. В контексте данной модели, модераторами могут выступать:

Организационная культура: Культура, поощряющая открытость, сотрудничество и поддержку, может усиливать положительное влияние экстраверсии и доброжелательности на приверженность. В то же время, авторитарная или жесткая культура может нивелировать позитивное влияние некоторых личностных черт.

Стиль управления: Руководство, основанное на вдохновении и развитии потенциала сотрудников (трансформационный стиль), способно значительно усилить влияние мотивации и позитивного эмоционального настроения на их преданность компании. В то же время, поддерживающий стиль управления помогает смягчить негативные последствия стресса для эмоционального состояния работников и их приверженности организации.

Особенности работы: Интересные, требующие интеллектуальных усилий задачи, возможность самостоятельно принимать решения и разнообразие выполняемых функций способны укрепить взаимосвязь между внутренней мотивацией сотрудника и его эмоциональной привязанностью к компании. Работа, предоставляющая пространство для личного роста и самореализации, становится особенно привлекательной для тех, кто открыт новому опыту, что, в свою очередь, усиливает их лояльность.

Таким образом, формирование организационной приверженности – это сложный процесс, зависящий от множества факторов: индивидуальных черт характера сотрудника, его мотивационных установок, эмоционального состояния, а также от особенностей организации, в которой он работает. Осознание этих взаимосвязей позволяет компаниям разрабатывать более эффективные стратегии управления персоналом, направленные на создание команды лояльных и преданных своему делу профессионалов.

Практические рекомендации для организаций

Осознание того, насколько тесно связаны личностные особенности, мотивация, эмоциональный настрой и преданность сотрудников своей компании, открывает перед организациями широкие возможности для оптимизации управления человеческими ресурсами. Внимательное отношение к этим факторам позволяет не только повысить уровень лояльности персонала, но и положительно повлиять на их самочувствие, продуктивность и, как следствие, на общую эффективность работы организации. В дальнейшем будут представлены основные практические рекомендации, основанные на анализе этой взаимосвязи.

Учет личностных особенностей при найме и развитии

Психодиагностика при найме: Включение валидных и надежных психодиагностических методик (например, тестов на основе модели Большой пятерки) в процесс отбора персонала. Это позволит выявлять кандидатов, чьи личностные черты (например, высокая добросовестность, экстраверсия для командных ролей, низкий нейротизм) коррелируют с высокой аффективной приверженностью и успешностью в конкретной организационной среде. Важно помнить, что личностные тесты должны быть лишь одним из инструментов оценки, а не единственным критерием.

Индивидуальный план программы адаптации: необходимо учитывать индивидуальные

характеристики новых сотрудников. Например, для интровертов нужна более мягкая и структурированная адаптация, с небольшим количеством социальных контактов на начальном этапе, но при этом уделять внимание четким инструкциям и поддержке.

Развитие потенциала: необходимо уделять внимание тем личным качествам, которые влияют на приверженность к организации. Это могут быть, например, тренинги, вебинары или оффлайн встречи, направленные на развитие навыков коммуникации или стрессоустойчивости.

Создание благоприятного эмоционального климата для сотрудников:

— Формирование открытой коммуникации. В первую очередь нужно наладить открытую и честную коммуникацию между сотрудниками и руководством. Это способствует доверию и взаимопониманию, что является основой хорошего микроклимата. Регулярные встречи и обсуждения в демократичном формате позволяют быстро решать возникающие проблемы и избегать недопонимания.

— Поощрение и признание достижений. Признание заслуг и поощрение успехов сотрудников повышает их мотивацию и лояльность к компании, именно поэтому премии, бонусы, грамоты и похвальные листы должны стать частью корпоративной культуры. Это не только формирует позитивную атмосферу, но и стимулирует к дальнейшим достижениям.

— Решение конфликтов и стрессовых ситуаций. Своевременное выявление и разрешение противоречий помогает поддерживать благоприятный микроклимат. Обучение менеджеров навыкам управления конфликтами и стрессом значительно улучшает общую ситуацию в коллективе.

— Поддержка эмоционального благополучия сотрудников. Необходимо проводить опросы или тесты на определение уровня стресса и морально-психологического климата в коллективе. На основе этих данных можно разработать план по улучшению атмосферы на работе [1].

Заключение

Мотивация играет ключевую роль в формировании и поддержании организационной приверженности. Удовлетворение потребностей сотрудников, справедливость вознаграждения, четкая постановка целей и возможности для профессионального роста напрямую влияют на их мотивационные установки, что, в свою очередь, усиливает все компоненты приверженности.

Эмоциональное состояние и благополучие сотрудников оказывают существенное влияние на их приверженность. Позитивные эмоции, высокий эмоциональный интеллект и благоприятная психологическая атмосфера способствуют формированию сильной аффективной приверженности. Напротив, стресс, выгорание и негативные эмоции значительно снижают уровень приверженности и могут привести к уходу сотрудников.

Взаимосвязи между исследуемыми переменными носят не только прямой, но и опосредованный характер. Личность может влиять на приверженность через мотивацию и эмоциональное состояние, а мотивация, в свою очередь, может формировать эмоциональное благополучие, которое затем влияет на приверженность. Организационный контекст (культура, стиль руководства, характеристики работы) выступает в роли модератора, усиливая или ослабляя эти взаимосвязи.

Направления для дальнейших исследований:

Проведение эмпирических исследований с использованием больших выборок и разнообразных методов сбора данных (опросы, интервью, наблюдение) для подтверждения и уточнения предложенной интегративной модели.

Изучение роли специфических личностных черт, не входящих в модель Большой пятерки (например, устойчивость, проактивность), на организационную приверженность.

Исследование влияния различных организационных интервенций (например, программ развития лидерства, систем управления стрессом) на мотивацию, эмоциональное состояние и приверженность сотрудников.

Анализ долгосрочных эффектов организационной приверженности на карьерный рост сотрудников и устойчивость организаций.

В заключение, организационная приверженность является критически важным активом для любой современной организации. Понимание ее взаимосвязи с личностью, мотивацией и эмоциональным состоянием сотрудников позволяет не только эффективно управлять человеческими ресурсами, но и создавать рабочую среду, способствующую процветанию как индивидов, так и организации в целом. Применение полученных знаний на практике позволит компаниям построить сильную, мотивированную и лояльную команду, способную успешно справляться с вызовами современного мира.

Литература:

1. Голубева Н.Ю., Багрецов С.А., Львов В.М. Психологические аспекты формирования организационного взаимодействия специалистов в структурах организаций // Текст научной статьи по специальности «Психологические науки». — URL: clck.ru/3GiEzL (дата обращения: 28.06.2025).

2. Жигулина М.А., Кононов А.Н. Профессиональное выгорание как объект исследования в психологической науке // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2021. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-vygoranie-kak-obekt-issledovaniya-v-psihiologicheskoy-nauke> (дата обращения: 27.06.2025).

3. Исаева О. М., Алимов А. А. Опосредующая роль эмоционального интеллекта во взаимосвязи организационных условий и организационной приверженности персонала // Вестник науки. 2025. №11 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oposreduyuschaya-rol-emotsionalnogo-intellekta-vo-vzaimosvyazi-organizatsionnyh-usloviy-i-organizatsionnoy-priverzhennosti> (дата обращения: 27.06.2025).

4. Кузнецова Д.А. Особенности компонентов установок по отношению к профессиональной деятельности у сотрудников с разным стажем // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-komponentov-ustanovok-po-otnosheniyu-k-professionalnoy-deyatelnosti-u-sotrudnikov-s-raznym-stazhem> (дата обращения: 27.06.2025).

5. Липатов С.А., Синчук Х.И. Социально-психологические факторы организационной приверженности сотрудников (на примере коммерческих организаций) // Организационная психология. 2015. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihiologicheskie-factory-organizatsionnoy-priverzhennosti-sotrudnikov-na-primere-kommercheskih-organizatsiy> (дата обращения: 28.06.2025).

6. Петровская И.А., Каширина В.Ю., Приверженность организации и удовлетворённость работой у двух поколений российских работников // Организационная психология. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priverzhennost-organizatsii-i-udovletvoryonnost-rabotoy-u-dvuh-pokoleniy-rossiyskih-rabotnikov> (дата обращения: 28.06.2025).

7. Понятия приверженности и обязательств. Aivars Lasmanis. URL: <http://vadiba.mozello.lv/iv-organizacionnoe-povedenie/19-organizacionnaja-priverzhennost-i-objazatelstva/> (дата обращения: 27.06.2025).

8. Приверженность в организации. Психология и бизнес. URL: <https://psycho.ru/library/3286> (дата обращения: 28.06.2025).

9. Смирнова В.В. Организационная приверженность как показатель референтных отношений в организации // Logos et Praxis. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnaya-priverzhennost-kak-pokazatel-referentnyh-otnosheniy-v-organizatsii> (дата обращения: 28.05.2025).

10. Сущность и формы проявления приверженности. Eduherald. URL: <https://s.eduherald.ru/pdf/2021/2/20510.pdf> (дата обращения: 29.06.2025).

11. Трёхкомпонентная модель приверженности организации. Wikipedia. URL: <https://clck.ru/3ViB9K> (дата обращения: 28.06.2025).

12. Трофимова Е.Л., Бондаренко В.Ю. Исследование приверженности персонала к организации // Психология в экономике и управлении. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-priverzhennosti-personala-k-organizatsii> (дата обращения: 27.06.2025).

13. Трофимова Е.Л., Бондаренко В.Ю. Проблема приверженности персонала к организации в отечественной и зарубежной литературе // Психология в экономике и управлении. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-priverzhennosti-personala-k-organizatsii-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-literature> (дата обращения: 28.06.2025).

14. Чернобровкина С.В., Куатов Р.К. Типологические особенности приверженности сотрудников организации // ОмГУ. 2007. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-osobennosti-priverzhennosti-sotrudnikov-organizatsii> (дата обращения: 28.06.2025).

15. Шубин В. С. Приверженность организации: внешний и внутренний аспекты // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/priverzhennost-organizatsii-vneshniy-i-vnutrenniy-aspekty> (дата обращения: 26.06.2025).

16. Adams, J.S. (1965) Inequity in Social Exchange. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2, 267-299. [http://dx.doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60108-2](http://dx.doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60108-2) (дата обращения: 29.06.2025).

17. Vroom V. H. *Work and Motivation*. — New York: John Wiley & Sons, 1964. (дата обращения: 29.06.2025).

Котельникова С.О.

магистрант

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

e-mail: sofya-kotelnikova@inbox.ru

научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

А.М. Лужецкая

Kotelnikova S.O.

Master's Student

Irkutsk State University

scientific director – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Irkutsk State University

A.M. Luzhetskaya

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ТРУДНОСТЯМИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования коммуникативной компетентности у подростков 15–16 лет с трудностями построения межличностных отношений. Выявлен противоречивый профиль коммуникативной компетентности: высокий уровень базовых и ассертивных умений сочетается с дефицитами в сфере сотрудничества, регуляции конфликтов и речевых навыков. Установлен диссонанс между выраженной потребностью в аффективном принятии и низкой готовностью доверять партнёрам. Обоснована интегративная программа психологического консультирования, сочетающая клиент-центрированный и когнитивно-поведенческий подходы. Предложены практические рекомендации по работе с подростками, испытывающими трудности межличностного взаимодействия.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, подростковый возраст, межличностные отношения, психологическое консультирование, социальные умения, тревожность, социальный интеллект.

DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE IN ADOLESCENTS WITH INTERPERSONAL COMMUNICATION DIFFICULTIES THROUGH PSYCHOLOGICAL COUNSELING

Abstract. The article presents the results of an empirical study on the communicative competence of adolescents aged 15–16 who experience difficulties in establishing interpersonal relationships. A contradictory profile of communicative competence was identified: a high level of basic and assertive skills coexists with deficits in cooperation, conflict regulation, and verbal communication skills. A dissonance was established between a pronounced need for affective acceptance and a low willingness to trust others. An integrative psychological counseling program combining client-centered and cognitive-behavioral approaches is substantiated. Practical recommendations are proposed for working with adolescents experiencing difficulties in interpersonal interaction.

Keywords: communicative competence, adolescence, interpersonal relationships, psychological counseling, social skills, anxiety, social intelligence.

Введение

Современные социокультурные изменения, активная цифровизация и сокращение практики живого общения актуализируют проблему развития коммуникативной компетентности в подростковом возрасте. Согласно культурно-исторической теории Л. С. Выготского и возрастной периодизации Д. Б. Эльконина, ведущей деятельностью в 11–17 лет становится интимно-личностное общение со сверстниками, которое опосредует формирование самосознания, идентичности и социальной ответственности. Нарушения в этой сфере приводят к изоляции, снижению самооценки, тревожности и дезадаптации [2,7].

Особую уязвимость демонстрируют подростки, уже имеющие дефициты коммуникативной компетентности – интегративного личностного образования, включающего когнитивные, поведенческие, эмоционально-регулятивные и мотивационно-ценностные компоненты [5]. В зарубежной традиции близкие конструкты разрабатывались Д. Хаймсом, М. Канале, Б. Х. Спизбергом, в отечественной – А. А. Бодалевым, Л. А. Петровской, Ю. Н. Емельяновым, Е. А. Васиной.

Вместе с тем, большинство существующих исследований либо ограничиваются диагностикой уровня коммуникативных навыков, либо описывают общие принципы консультирования подростков, не предлагая конкретных моделей целенаправленного развития системной компетентности. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Цель – изучить коммуникативную компетентность у подростков с трудностями построения межличностных отношений в процессе психологического консультирования.

Гипотеза – для подростков с трудностями коммуникативной компетентности, будут характерны следующие проблемы: дефициты когнитивного, эмоционально-волевого и поведенческого компонентов, а интегративная программа консультирования позволяет их скорректировать.

Материалы и методы

Выборка. Исследование проведено на базе МБОУ СОШ №23 г. Иркутска. В нём приняли участие 45 учащихся 10-х классов (19 девочек, 26 мальчиков), возраст – 15–17 лет. Критерий включения – наличие трудностей межличностного общения, подтверждённых классными руководителями и результатами скрининга.

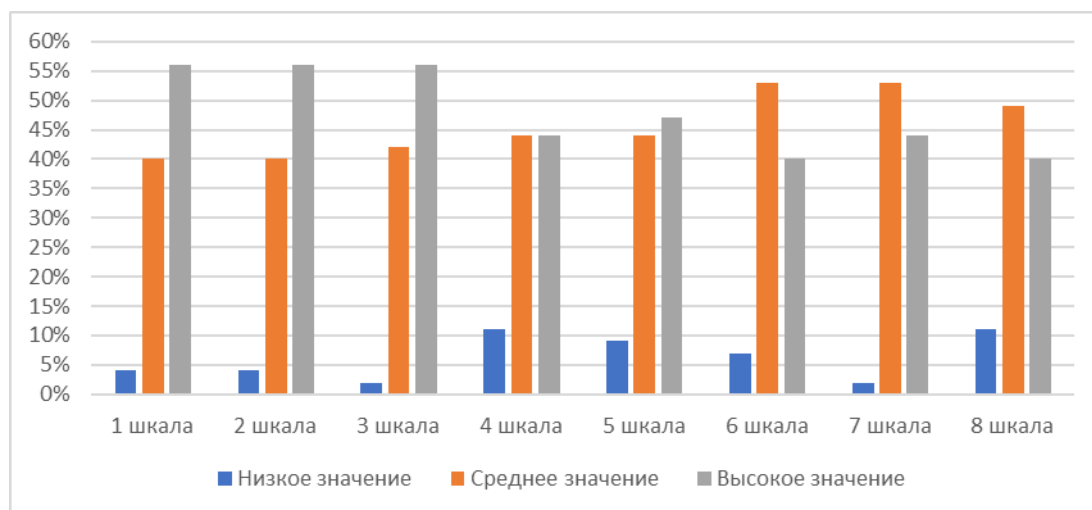
Методики:

Тест «Социальные умения личности – 60» (СУМ-60) Е. А. Васиной (диагностика 20 шкал, в исследовании использованы 8 – базовые коммуникативные умения, межличностное понимание, асертивность, сотрудничество, регуляция конфликтов, коммуникативная компетентность, альтероцентрическая ориентация, речевые умения). Опросник межличностных отношений ОМО (адаптация А. А. Рукавишников на основе FIRO-B В. Шютца) – измеряет потребности во включении, контроле и аффекте. Авторская анкета «Субъективная репрезентация трудностей межличностного общения».

Процедура. Исследование включало три этапа: организационно-подготовительный, диагностический, итогово-обобщающий. Первичная диагностика проведена на первом этапе программы консультирования. Статистическая обработка – методы описательной статистики, качественный контент-анализ.

Результаты

1. Данные методики СУМ-60

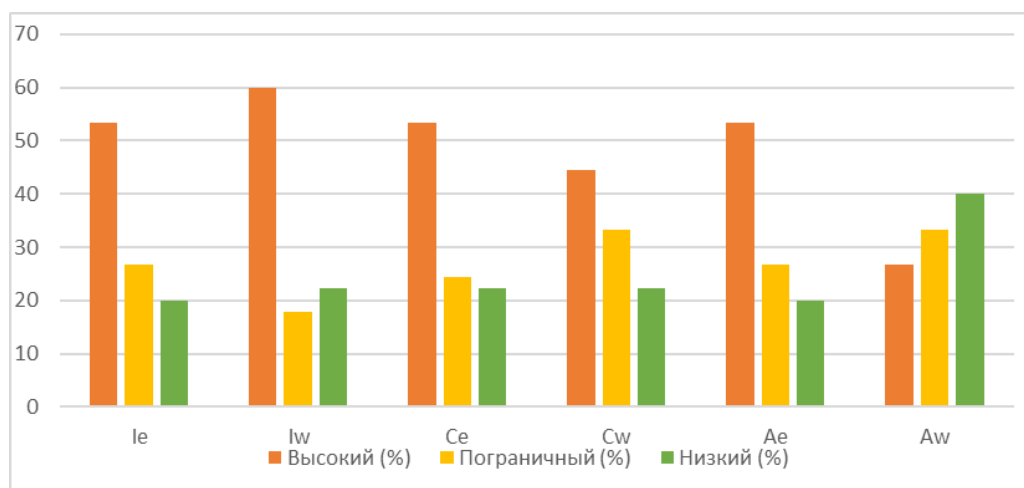

Условные обозначения: 1 - шкала «Базовые коммуникативные умения», 2 - шкала «Межличностное понимание», 3 - шкала «Ассертивные умения», 4 - шкала «Сотрудничество», 5 - шкала «Регуляция конфликтов», 6 - шкала «Коммуникативная компетентность (доп.)», 7 - «Альтероцентрическая ориентация (доп.)», 8 – «Речевые умения (доп.)».

Рисунок 1. Показатели шкал коммуникативной компетентности у подростков СУМ – 60

По представленным показателям, отметим, что у большинства подростков хорошо развиты базовые навыки и способность к пониманию другого, но выражены дефициты кооперации, конструктивного разрешения споров и вербального оформления мыслей. Наименьший процент высоких баллов зафиксирован по шкалам 6 («Коммуникативная компетентность») и 8 («Речевые умения») — всего 40% диагностируемых по каждой из них.

2. Данные опросника ОМО

Условные обозначения: Ie – выраженное поведение в сфере «включение» (стремление принимать других, устанавливать контакты); Iw – требуемое поведение в сфере «включение» (потребность, чтобы другие включали в общение); Ce – выраженное поведение в сфере «контроль» (стремление контролировать, влиять, брать ответственность); Cw – требуемое поведение в сфере «контроль» (потребность в контроле со стороны других); Ae – выраженное поведение в сфере «аффект» (стремление устанавливать близкие, эмоциональные отношения); Aw – требуемое поведение в сфере «аффект» (потребность в эмоциональной близости со стороны других).

Рисунок 2. Показатели шкал межличностного общения у подростков

По итогу методики выявлен диссонанс в аффективной сфере: 53% испытуемых демонстрируют высокий уровень выраженного поведения (A_e – готовность к близости), но 40% имеют низкие значения требуемого поведения (A_w – ожидание близости от других). В сфере контроля – неоднородность: около половины участников стремятся к лидерству (C_e), другая половина – к пассивному подчинению. Потребность во включении (I_e и I_w) – преимущественно высокая.

Это указывает на страх эмоциональной уязвимости, недоверие и нестабильность в вопросах власти и зависимости, что характерно для подросткового кризиса идентичности.

3. Данные авторской анкеты

Рисунок 3. Основные партнёры, с которыми возникают трудности у подростков

Из диаграммы можем заметить, что партнёры, вызывающие трудности у подростков в коммуникации составляют: 58% – незнакомые люди; 30% – родители; 20% – сверстники противоположного пола; 16% – онлайн-общение (рис. 3). Полученные данные демонстрируют необходимость направленности работы в стороны безопасного общения с незнакомцами, конструктивного диалога со взрослыми, уверенного поведения в ситуациях романтического и онлайн-общения.

Рисунок 4. Эмоционально-когнитивные проявления у подростков

Эмоционально-когнитивные проявления: страх отвержения и негативной оценки – 70%; автоматические мысли о некомпетентности («скажу глупость») – 65%; физиологическая тревога – 50%; стыд – 45% (рис. 4).

Рисунок 5. Поведенческие дефициты подростков

Поведенческие дефициты: трудности начала разговора – 65%; замкнутость – 45%; неспособность попросить о помощи – 38%, наименьшие значения имеют показатели – сложность отказа и резкость/грубость (рис. 5). Связи с данными на диаграммах 4 и 5, можем предположить, что внешняя пассивность, избегание и даже редкая грубость могут являться не столько отсутствием желания общаться у подростков, сколько защитными механизмами от ожидаемого отвержения.

Рисунок 6. Запрос на помощь, что было бы полезно для подростков

Мотивационная готовность к обращению к психологу: положительно – 32%; нейтрально – 35%; отрицательно – 15% (рис. 6). Отмечается, что нейтральное отношение часто обусловлено не отказом от помощи, а непониманием формата работы (подростки запрашивают тренинги и разбор моделей поведения, не связывая это с деятельностью психолога).

Обсуждение

Полученный профиль коммуникативной компетентности можно охарактеризовать как диссоциативный: при внешне благополучных базовых навыках фиксируются значимые трудности в ситуациях кооперации, конфликта и спонтанного диалога. Ключевым механизмом, опосредующим коммуникативные сбои, выступает ситуативная и социальная тревога, которая блокирует реализацию имеющихся умений. Этот вывод согласуется с исследованиями И. А. Зимней и А. М. Прихожан о роли тревожности как устойчивого личностного образования [3, 6].

Высокая потребность во включении и аффекте при низкой готовности ожидать того же от других отражает амбивалентность подростковой идентичности – желание близости сочетается со страхом отвержения. Этот феномен подробно описан в работах Г. С. Салливана и Э. Эриксона. Влияние цифровой

среды, сокращающей практику невербальной коммуникации, усугубляет дефициты речевых умений и эмпатии (согласно модели компьютерно-опосредованной компетентности Б. Х. Спизберга) [10].

На основе полученных данных разработана программа психологического консультирования, выстроенная по этапной модели Р. Кочюнаса и включающая 6 стадий: установление контакта, диагностика, осознание проблемы, выработка целей, активная работа с навыками, завершение. Программа сочетает клиент-центрированные установки (К. Роджерс) и когнитивно-поведенческие техники (А. Бек, А. Эллис). Основные форматы – групповая работа (снижение стигматизации, безопасная практика) и индивидуальные сессии (для наиболее тревожных участников). Содержательные модули: тренинг активного слушания, асертивности, регуляции конфликтов, когнитивная перестройка иррациональных установок, работа с эмоциями.

Особое внимание уделено преодолению настороженного отношения к психологу: в программе предусмотрены вводные индивидуальные встречи, возможность замены части групповых занятий на индивидуальные, а также упражнения, повышающие психологическую грамотность и снижающие страх оценки.

Выводы

У большинства подростков достаточный уровень сформированности коммуникативных навыков. Стоит обратить внимание на дисбаланс между развитыми базовыми и асертивными умениями и дефицитами в кооперации, регуляции конфликтов и речевой сфере (результаты СУМ-60), что подтверждает частично гипотезу исследования.

Эти данные подкрепляются результатами методики ОМО, который показывает нам диссонанс в аффективной сфере: подростки нуждаются в эмоциональной близости и вовлеченности (Ie, Ae), но проявляют низкую готовность ожидать того же от других (Aw), также они мало готовы к выстраиванию партнерских отношений, что нам демонстрирует шкала контроля.

Таким образом, можем сказать, что центральным психологическим механизмом трудностей выступает социальная тревога и страх отвержения, а не отсутствие навыков. Выявлен диссонанс между потребностью в близости и недоверием к партнёрам.

Разработанная интегративная программа психологического консультирования, учитывающая возрастные и индивидуальные особенности, может служить эффективным средством развития когнитивного, эмоционально-волевого и поведенческого компонентов коммуникативной компетентности.

Практическая значимость работы состоит в создании конкретного инструментария для школьных психологов, включая алгоритм диагностики, этапную модель работы и систему упражнений для развития коммуникативной компетентности подростков.

Перспективы исследования – апробация программы в формате лонгитюдного эксперимента с контрольной группой и разработка критериев оценки динамики.

Литература:

1. Васина Е.А. Социальные умения личности: диагностика и подходы к анализу // Интерактивная наука. 2021. № 2 (57). С. 7–26.
2. Выготский Л.С. Педология подростка // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 5–242.
3. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 38 с.
4. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999. 240 с.

5. Петровская Л.А. Компетентность в общении: Социально-психологический тренинг. М.: Изд-во МГУ, 1989. 216 с.
6. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.
7. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
8. Canale M., Swain M. Theoretical bases of communicative approaches to second language teaching and testing // *Applied Linguistics*. 1980. Vol. 1, No. 1. P. 1–47.
9. Hymes D.H. On communicative competence // *Sociolinguistics* / Eds. J.B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269–293.
10. Spitzberg B.H. Preliminary development of a model and measure of computer-mediated communication (CMC) competence // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2006. Vol. 11, No. 2. P. 629–666.
11. Schutz W.C. FIRO: A Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior. New York: Rinehart, 1958. 267 p.

Зуева Т.Р.

бакалавр психологических наук
департамент психологии и образования
ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»

Zueva T.R.

Bachelor of Science in Psychology
Department of Psychology and Education Far Eastern Federal University

МЕЖПОКОЛЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РАСШИРЕННОЙ СЕМЬЕ: ПРИЧИНЫ, ДИНАМИКА И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности возникновения и развития межпоколенных конфликтов в современной расширенной семье как сложной социально-психологической системе. Актуальность исследования обусловлена трансформацией института семьи, изменением семейных ролей, ростом продолжительности жизни населения, а также сохранением практики тесного взаимодействия нескольких поколений в условиях социально-экономической нестабильности. Цель исследования заключается в комплексном теоретическом анализе причин возникновения межпоколенных конфликтов, выявлении факторов их эскалации и определении наиболее эффективных механизмов регулирования.

Методологическую основу исследования составили системный, структурно-функциональный, конфликтологический и социально-психологический подходы. Использованы методы анализа, синтеза, сравнительно-теоретического исследования и обобщения научной литературы отечественных и зарубежных авторов.

Установлено, что межпоколенные конфликты обусловлены совокупностью структурных, психологических и социокультурных факторов. Наиболее конфликтогенными сферами выступают воспитание детей, организация семейного быта, распределение власти и ответственности, а также различия ценностных ориентаций представителей разных поколений. Особое внимание уделено роли нарушения внутрисемейных границ, ролевой неопределенности, формированию межпоколенных коалиций и недостаточной коммуникативной компетентности членов семьи. Показано, что современные межпоколенные конфликты являются закономерным следствием трансформации семейных отношений и могут выполнять конструктивную функцию при использовании эффективных моделей взаимодействия.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке программ семейного консультирования, психологического сопровождения семьи, профилактики внутрисемейных конфликтов, а также при подготовке специалистов в области психологии, конфликтологии и социальной работы.

Ключевые слова: расширенная семья, межпоколенный конфликт, семейные отношения, конфликтология, семейная психология, семейная система, социальная психология, внутрисемейное взаимодействие.

INTERGENERATIONAL CONFLICTS IN THE MODERN EXTENDED FAMILY: CAUSES, DYNAMICS AND REGULATION MECHANISMS

Abstract. The article examines the features of the emergence and development of intergenerational conflicts in the modern extended family as a complex socio-psychological system. The relevance of the study is determined by the transformation of the family institution, changes in family roles, increasing life expectancy,

and the preservation of close interaction between several generations. The purpose of the study is to provide a comprehensive theoretical analysis of the causes of intergenerational conflicts, identify the factors contributing to their escalation, and determine effective mechanisms for their regulation.

The methodological basis includes systemic, structural-functional, conflictological and socio-psychological approaches. Methods of theoretical analysis, synthesis, comparison and generalization of scientific literature were applied.

The findings indicate that intergenerational conflicts are determined by structural, psychological and socio-cultural factors. The most conflict-prone areas include child upbringing, household management, distribution of authority and responsibility, and differences in value orientations between generations. Particular attention is paid to the violation of family boundaries, role ambiguity, intergenerational coalitions and ineffective communication. The study concludes that intergenerational conflicts represent a natural consequence of the transformation of family relations and can perform constructive functions under conditions of effective conflict regulation.

Keywords: extended family, intergenerational conflict, family psychology, family relations, conflict resolution, family systems, social psychology.

Введение

В современных условиях трансформации института семьи особую актуальность приобретает изучение межпоколенных отношений, определяющих устойчивость семейной системы и качество внутрисемейного взаимодействия. Несмотря на распространение нуклеарной модели семьи, расширенная семья продолжает сохранять значительную роль в российском обществе. Экономические факторы, увеличение продолжительности жизни населения, жилищные ограничения, а также устойчивые культурные традиции взаимопомощи обуславливают активное участие представителей старшего поколения в воспитании детей и организации семейной жизни.

Одновременно изменение социальных условий сопровождается существенной трансформацией ценностных ориентаций, моделей воспитания, семейных ролей и коммуникативных практик. Представители разных поколений формировались в неодинаковых социально-экономических условиях, что обусловило различия в представлениях о родительстве, распределении ответственности, семейной иерархии и допустимых формах взаимодействия. В результате расширенная семья становится пространством не только взаимной поддержки, но и повышенной конфликтности.

Межпоколенные конфликты представляют собой сложное социально-психологическое явление, которое невозможно объяснить исключительно личностными особенностями участников взаимодействия. Их возникновение обусловлено совокупностью структурных, культурных, психологических и коммуникативных факторов. При этом конфликт выступает не только как источник дестабилизации семейной системы, но и как механизм ее адаптации к изменяющимся условиям общественного развития.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных семье и внутрисемейным отношениям, проблема межпоколенных конфликтов в расширенной семье сохраняет научную актуальность. Особый интерес представляет комплексный анализ данного феномена с использованием достижений социологии семьи, конфликтологии, социальной и семейной психологии. Такой междисциплинарный подход позволяет рассматривать конфликт одновременно как следствие трансформации института семьи, форму перераспределения семейных ролей и ресурсов, а также результат особенностей эмоционального взаимодействия членов семьи.

Целью настоящего исследования является комплексный теоретический анализ причин возникновения межпоколенных конфликтов в современной расширенной семье, выявление факторов их эскалации и определение основных механизмов конструктивного регулирования.

Материалы и методы исследования

Исследование носит теоретический характер и основано на анализе отечественной и зарубежной научной литературы, посвященной проблемам семьи, межпоколенного взаимодействия, конфликтологии и семейной психологии. Методологическую основу исследования составили структурно-функциональный, конфликтологический, системный и социально-психологический подходы, позволяющие рассматривать расширенную семью как сложную динамическую систему, функционирование которой определяется взаимодействием социальных институтов, внутрисемейных ролей и индивидуально-психологических особенностей ее членов.

В ходе исследования использовались методы анализа, синтеза, сравнения, систематизации и обобщения научных источников. Такой подход позволил выявить основные закономерности возникновения межпоколенных конфликтов, определить наиболее значимые конфликтогенные факторы и обобщить современные представления о механизмах предупреждения и регулирования внутрисемейных конфликтов.

Результаты исследования и обсуждение

Расширенная семья как объект социально-психологического анализа

В современной социологии и психологии расширенная семья рассматривается как особая форма организации семейных отношений, объединяющая представителей нескольких поколений, связанных родственными, эмоциональными и функциональными связями. В отличие от традиционного понимания расширенной семьи как совместно проживающего сообщества родственников, современные исследования акцентируют внимание не столько на территориальном единстве семьи, сколько на сохранении устойчивых отношений взаимопомощи, эмоциональной поддержки и совместного участия в решении повседневных задач.

Для российского общества расширенная семья продолжает оставаться одной из наиболее распространённых моделей семейного взаимодействия. Это обусловлено как экономическими причинами, включая жилищные трудности и необходимость взаимной материальной поддержки, так и культурными традициями, предполагающими активное участие старшего поколения в воспитании детей и сохранении семейных ценностей. В результате представители нескольких поколений оказываются включёнными в единую систему повседневного взаимодействия, где интересы каждого участника неизбежно пересекаются.

С позиции структурно-функционального подхода расширенная семья представляет собой социальный институт, обеспечивающий выполнение важнейших функций: социализации личности, эмоциональной поддержки, экономической взаимопомощи, передачи культурного опыта и сохранения преемственности поколений. Однако усложнение внутренней структуры семьи сопровождается увеличением количества социальных ролей, что создаёт предпосылки для возникновения ролевой неопределённости. Родители и прародители нередко претендуют на выполнение сходных воспитательных функций, что становится одной из причин внутрисемейного напряжения.

Системный подход рассматривает расширенную семью как целостную эмоциональную систему, в которой изменение поведения одного её участника неизбежно отражается на функционировании остальных членов семьи. Нарушение внутрисемейного равновесия приводит к изменению характера взаимодействия между поколениями, формированию устойчивых коалиций и перераспределению семейных ролей. Подобные процессы особенно выражены в ситуациях, когда отсутствуют согласованные правила принятия решений или не определены границы ответственности каждого поколения.

С социально-психологической точки зрения устойчивость семейной системы определяется не отсутствием конфликтов, а способностью семьи конструктивно адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды. Поэтому межпоколенные противоречия следует рассматривать как закономерный результат изменения социальных условий функционирования семьи, а не исключительно как проявление неблагополучия отдельных её членов.

Причины и основные сферы возникновения межпоколенных конфликтов

Проведённый анализ научной литературы показывает, что межпоколенные конфликты возникают вследствие одновременного воздействия социальных, психологических и культурных факторов. Их специфика определяется различиями жизненного опыта представителей разных поколений, особенностями социализации, неодинаковыми ценностными ориентациями и различным пониманием семейных ролей.

Наиболее конфликтной сферой остаётся воспитание детей. Именно здесь сталкиваются различные представления о допустимых методах воспитания, дисциплине, режиме дня, образовательных приоритетах и распределении родительской ответственности. Старшее поколение чаще ориентируется на собственный жизненный опыт и традиционные модели воспитания, тогда как молодые родители используют современные психолого-педагогические подходы, основанные на уважении личности ребёнка, развитии самостоятельности и эмоциональной поддержке. Подобные различия постепенно перерастают из обсуждения конкретных воспитательных решений в борьбу за право определять стратегию семейного воспитания.

Другой значимой сферой возникновения конфликтов является организация семейного быта. Совместное проживание нескольких поколений сопровождается различиями в привычках, режиме дня, распределении домашних обязанностей, финансовой ответственности и использовании общего пространства. На первый взгляд бытовые разногласия кажутся малозначительными, однако именно они становятся причиной накопления эмоционального напряжения, которое впоследствии проявляется в открытых конфликтах.

Особое место занимают ценностно-мировоззренческие противоречия. Современные поколения формировались в различных социально-экономических условиях, что обусловило различия в отношении к труду, семье, воспитанию детей, профессиональной самореализации и личной свободе. Старшее поколение чаще ориентировано на коллективистские ценности, уважение к авторитету и сохранение традиций, тогда как представители молодого поколения придают большее значение индивидуальной автономии, свободе выбора и личностному развитию. Несовпадение этих ценностных установок становится глубинной причиной многих семейных конфликтов.

Таким образом, межпоколенные противоречия формируются одновременно на нескольких уровнях — поведенческом, эмоциональном и мировоззренческом. Их развитие определяется не отдельными бытовыми ситуациями, а особенностями функционирования всей семейной системы.

Факторы эскалации и механизмы регулирования межпоколенных конфликтов

Анализ современных исследований позволяет выделить несколько групп факторов, способствующих усилению внутрисемейного конфликта. К ним относятся структурно-ролевые, коммуникативные и социально-психологические факторы.

Структурно-ролевые факторы связаны прежде всего с отсутствием чёткого распределения семейных функций. Неопределённость полномочий родителей и прародителей, размытость внутрисемейных границ и конкуренция за лидерство приводят к формированию устойчивых конфликтных моделей взаимодействия. Особенно негативное влияние оказывает ситуация, когда ребёнок оказывается вовлечённым в противостояние взрослых, становясь посредником или объектом формирования межпоколенных коалиций.

Коммуникативные факторы проявляются в использовании неконструктивных способов общения. Взаимные обвинения, критика, игнорирование позиции другого, категоричность оценок и эмоциональное давление препятствуют достижению взаимопонимания. Отсутствие навыков конструктивного диалога постепенно способствует накоплению взаимных претензий и снижению уровня доверия между поколениями.

Социально-психологические факторы обусловлены высоким уровнем эмоциональной зависимости членов семьи, недостаточным уважением личных границ, сохранением неразрешённых конфликтов прошлого и влиянием семейных сценариев, передающихся между поколениями. В результате даже незначительные повседневные ситуации приобретают выраженную эмоциональную окраску и становятся причиной длительных конфликтов.

Вместе с тем анализ научной литературы свидетельствует, что межпоколенный конфликт обладает не только деструктивным, но и конструктивным потенциалом. При условии эффективного управления конфликт способствует уточнению семейных ролей, перераспределению ответственности, развитию коммуникативной культуры и формированию новых моделей взаимодействия между поколениями.

Наиболее эффективными механизмами регулирования межпоколенных конфликтов являются открытый внутрисемейный диалог, согласование семейных ролей и обязанностей, развитие навыков активного слушания и использование «Я-высказываний», позволяющих выражать собственные переживания без обвинения партнёра по взаимодействию. Существенное значение имеет соблюдение психологических границ семьи, признание автономии родительской подсистемы при сохранении значимой роли старшего поколения в качестве источника опыта, эмоциональной поддержки и семейных традиций.

Таким образом, конструктивное регулирование межпоколенных конфликтов предполагает переход от борьбы за лидерство к сотрудничеству, основанному на взаимном уважении, доверии и согласовании интересов всех членов семьи. Подобный подход способствует укреплению устойчивости семейной системы и снижению вероятности возникновения хронических внутрисемейных противоречий.

Заключение

Проведённое исследование позволило обобщить современные научные представления о природе межпоколенных конфликтов в расширенной семье и определить основные закономерности их возникновения и развития. Анализ отечественных и зарубежных исследований показал, что расширенная семья продолжает выполнять важнейшие социальные функции, связанные с воспитанием детей, передачей культурного опыта, эмоциональной поддержкой и взаимопомощью между поколениями. Вместе с тем усложнение внутрисемейной структуры и трансформация общественных отношений создают предпосылки для усиления конфликтного потенциала семейной системы.

Установлено, что межпоколенные конфликты обусловлены совокупностью взаимосвязанных факторов. К числу наиболее значимых относятся изменение традиционных семейных ролей, различия ценностных ориентаций представителей разных поколений, размытость внутрисемейных границ, ролевая неопределённость, особенности семейной коммуникации и влияние накопленного межпоколенного опыта. Наиболее выраженные противоречия возникают в вопросах воспитания детей, распределения семейной ответственности, организации повседневного быта и принятия значимых семейных решений.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что межпоколенный конфликт не следует рассматривать исключительно как деструктивное явление. В условиях конструктивного взаимодействия конфликт способствует адаптации семейной системы к изменяющимся социальным условиям, уточнению распределения семейных ролей, формированию новых моделей сотрудничества и укреплению внутрисемейной коммуникации. Определяющее значение при этом приобретают уважение

личных границ членов семьи, открытый диалог, согласование взаимных ожиданий и развитие конфликтологической компетентности участников взаимодействия.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов при организации семейного консультирования, психологического сопровождения семей, разработке профилактических программ предупреждения внутрисемейных конфликтов, а также в образовательной подготовке специалистов в области психологии, социальной работы и конфликтологии.

Перспективы дальнейших исследований связаны с проведением эмпирических исследований межпоколенных конфликтов в различных типах российских семей, выявлением влияния цифровой среды на особенности семейной коммуникации, а также разработкой и апробацией программ психологической профилактики и конструктивного регулирования межпоколенных конфликтов.

Литература:

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 304 с.
2. Антонов А.И. Микросоциология семьи. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 368 с.
3. Боуэн М. Теория семейных систем. – М.: Когито-Центр, 2005. – 496 с.
4. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб.: Петрополис, 1998. – 272 с.
5. Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. – 1997. – № 1. – С. 72-79.
6. Дармодехин С.В. Семья как объект государственной политики. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2004. – 148 с.
7. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 317 с.
8. Колесникова Г.И. Социология и психология семьи: учебник для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 263 с.
9. Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 255 с.
10. Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
11. Козер Л. Функции социального конфликта. – М.: Идея-Пресс, 2000. – 295 с.
12. Малярова Н.В. Конфликт в семье: причины и пути преодоления. – М.: Просвещение, 2006. – 158 с.
13. Медков В.М. Демография семьи и семейная политика. – М.: МГУ, 2002. – 224 с.
14. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

Симкина Т.А.

Независимый искусствовед-исследователь

e-mail: tatialexan1@yandex.ru

Simkina T.A.

Art Historian and Researcher

ФЕОФАН ГРЕК И «КРУГ ФЕОФАНА»: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЛИЯНИЯ В НОВГОРОДСКОЙ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ XIV ВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается степень и характер художественного влияния Феофана Грека на новгородскую монументальную живопись XIV века на материале росписей Спаса на Ильине, церкви Феодора Стратилата и Успения на Волотовом поле.

Ключевые слова: Феофан Грек, круг Феофана, Новгородская монументальная живопись 14 века, проблема художественного влияния в Новгородской живописи 14 века.

THEOPHANES THE GREEK AND THE "THEOPHANES CIRCLE": THE PROBLEM OF ARTISTIC INFLUENCE IN 14TH-CENTURY NOVGOROD MONUMENTAL PAINTING

Abstract. The article examines the extent and nature of Theophanes the Greek's artistic influence on Novgorod monumental painting of the 14th century, using the materials of the paintings of the Savior on Ilyin, the Church of Theodore Stratelates, and the Dormition on Volotovo Field.

Keywords: Theophanes the Greek, Theophanes' circle, Novgorod monumental painting of the 14th century, the problem of artistic influence in Novgorod painting of the 14th century.

Новгородская монументальная живопись XIV века занимает особое место в истории древнерусского искусства, поскольку именно в этот период в Новгороде складывается высокоразвитая художественная среда, в которой византийская традиция не только сохранялась, но и творчески переосмыслилась местными мастерами. В условиях политической самостоятельности Новгорода, его богатой церковной культуры и активных художественных связей формируется собственная живописная школа, отличающаяся выразительностью образов, напряженностью духовного содержания и особой пластической системой.

Проблема художественного влияния Феофана Грека на новгородскую живопись до сих пор остается одной из наиболее сложных и дискуссионных в отечественном искусствознании. С одной стороны, фрески Спаса Преображения на Ильине улице в Новгороде являются единственным документированным произведением мастера на русской почве и потому служат главным ориентиром для выявления его индивидуальной художественной манеры. С другой стороны, росписи церкви Феодора Стратилата и Успения на Волотовом поле демонстрируют черты, сближающие их с феофановским кругом, но не позволяющие свести их к простому подражанию или прямому копированию. Это делает необходимым сопоставительный анализ данных памятников для определения характера и степени влияния византийского мастера на новгородскую стенопись конца XIV века.

Сравнение конкретных изображений в росписях церквей Спаса Преображения на Ильине улице, Феодора Стратилата на Ручью и Успения на Волотовом поле позволяет перейти от общих характеристик к более точному анализу авторства, датировки и художественных связей между памятниками. Для решения этой задачи особенно важно рассматривать не только композиционные схемы в целом, но и

отдельные фигуры, орнаментальные мотивы, принципы построения пространства и способы моделировки ликов. Именно на уровне конкретного изображения отчетливее всего проявляются как индивидуальные черты мастера, так и особенности художественной среды, в которой создавались эти росписи.

В росписи Спаса Преображения на Ильине улице ключевым для сопоставления является образ Иоанна Предтечи (рис. 1) в барабане храма. Этот мотив важен не только потому, что он входит в иконографическую программу купольного пространства, но и потому, что в нем предельно ясно выражены признаки феофановской манеры: внутренне напряженный ритм, резкая светотеневая лепка, предельная собранность силуэта и почти аскетическая отрешенность образа. В. Н. Лазарев подчеркивал, что в росписях Спаса на Ильине особенно отчетливо проявляется «резкая, решительная, смелая манера» письма, в которой духовная экспрессия достигается не внешней декоративностью, а предельным обобщением формы. Эти образы можно считать опорными при сравнении с более поздними и более мягкими по стилю новгородскими памятниками.

Если сопоставить эти образы с росписями церкви Феодора Стратилата, становится заметно, что здесь та же экспрессивная основа получает иное художественное воплощение. В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что роспись Феодоровского храма ближе к Спасу на Ильине, чем к Волотову, однако это сходство не является механическим повторением. В росписи Феодора Стратилата многие фигуры решены мягче, колорит становится более прозрачным и лиричным, а ритм — более плавным и ритмически уравновешенным. Это особенно заметно в сопоставлении с образами святых: если у Феофана они словно выстраиваются в поле духовного напряжения, то в Феодоровском храме они обретают более спокойную, но все же выразительную пластическую организацию (рис. 2). Именно поэтому Т. Ю. Царевская подчеркивает, что речь идет о самостоятельном памятнике, принадлежащем к позднепалеологовскому экспрессивному направлению, но не сводимом к прямому участию Феофана.

Волотово поле представляет особый интерес, поскольку этот ансамбль предшествует росписи Феофана на Ильине и тем самым позволяет уточнить само направление художественного развития Новгорода. Орнаментальные мотивы Волотова, как показали специальные исследования, отличаются необыкновенным богатством и разнообразием. На стенах и столбах храма были помещены орнаментальные фризы с «архитектурными» мотивами антикизирующего характера, которые организуют пространство росписи и связывают отдельные сцены в цельный художественный поток. Эта орнаментика не является второстепенной: она показывает, что волотовская роспись уже обладает собственной декоративной логикой и самостоятельной пластической системой, не нуждающейся в опоре на феофановский стиль.

При сравнении Волотова со Спасом на Ильине особенно важно, что волотовские фрески часто трактуются как более свободные и ранние по отношению к феофановской экспрессии. Здесь композиция более разомкнута, фигуры менее драматизированы, а колористическая организация строится на более светлом, воздушном строе (рис. 3). Это не означает примитивности или незрелости: напротив, речь идет о самостоятельной ветви новгородской живописи, вероятно складывающейся как синтез византийской традиции (и до Феофана греки могли трудиться в Новгороде) и русских мастеров - новгородцев, которая предшествует Феофану и в известной мере подготавливает художественную среду для его работы. Тем самым Волотово выступает важным хронологическим ориентиром: оно показывает, что экспрессивная тенденция в Новгороде возникла раньше 1378 года и не может быть объяснена лишь воздействием Феофана.

Именно на фоне Волотова особенно отчетливо видна специфика Спаса Преображения на Ильине. В купольной и барабанной росписи Феофана фигуры пророков и праотцев, включая и Илию, и Иоанна Предтечу, приобретают почти предельную духовную напряженность. Эта напряженность достигается не

количеством деталей, а их предельно точной художественной организацией: взглядом, линией, отношением света и тени, соотношением фигуры и пустоты. В отличие от более декоративного и орнаментально богатого Волотова, Спас на Ильине строится на сдержанном, почти суровом пластическом языке. Это различие особенно ценно для атрибуции: оно подтверждает, что Феофан не просто повторяет уже существующую манеру, а доводит ее до максимальной духовной и художественной концентрации.

Сравнение трех росписей позволяет уточнить и саму проблему авторства. Для Спаса на Ильине документированное авторство Феофана Грека является наиболее надежным ориентиром. Для Феодора Стратилата вопрос сложнее: в литературе подчеркивается, что роспись принадлежит к кругу, близкому Феофану, но непосредственное авторство мастера не доказано. Волотово же, напротив, должно рассматриваться как самостоятельный и более ранний памятник, созданный под воздействием византийской традиции и дополненный местными чертами. В нем уже присутствуют особенности, позднее усиленные у Феофана.

Таким образом, сравнение конкретных изображений подтверждает, что речь идет не о линейной зависимости «Волотово — Феофан — Феодор Стратилат», а о более сложной системе параллельных и частично пересекающихся художественных процессов.

С точки зрения датировки, сравнение конкретных изображений дает еще один важный результат. Если Волотово демонстрирует ранний этап развития экспрессивной новгородской живописи, то Спас на Ильине фиксирует ее наиболее зрелую и напряженную форму. Феодор Стратилат занимает промежуточное положение: его роспись показывает восприятие и переработку того художественного языка, который был уже известен в Новгороде, но еще не достиг феофановской концентрации. Следовательно, сопоставление трех ансамблей не только уточняет стилистические различия, но и помогает выстроить более надежную хронологию новгородской монументальной живописи второй половины XIV века.

В итоге можно утверждать, что анализ отдельных изображений из трех храмов существенно уточняет проблему авторства и датировки. Спас на Ильине остается единственным надежно документированным памятником Феофана Грека и главным критерием для его стилиевой идентификации. Феодор Стратилат представляет собой памятник, близкий к этому кругу, но самостоятельный по художественной структуре. Волотово же показывает, что основа экспрессивного языка новгородской живописи сложилась раньше и развивалась параллельно с феофановской манерой. Таким образом, именно сопоставление конкретных изображений позволяет отказаться от упрощенной схемы прямого влияния и увидеть новгородскую живопись XIV века как сложное и многослойное художественное явление.

Рисунок 1

Церковь Спаса Преображения на Ильине улице Иоанн Предтеча в барабане храма

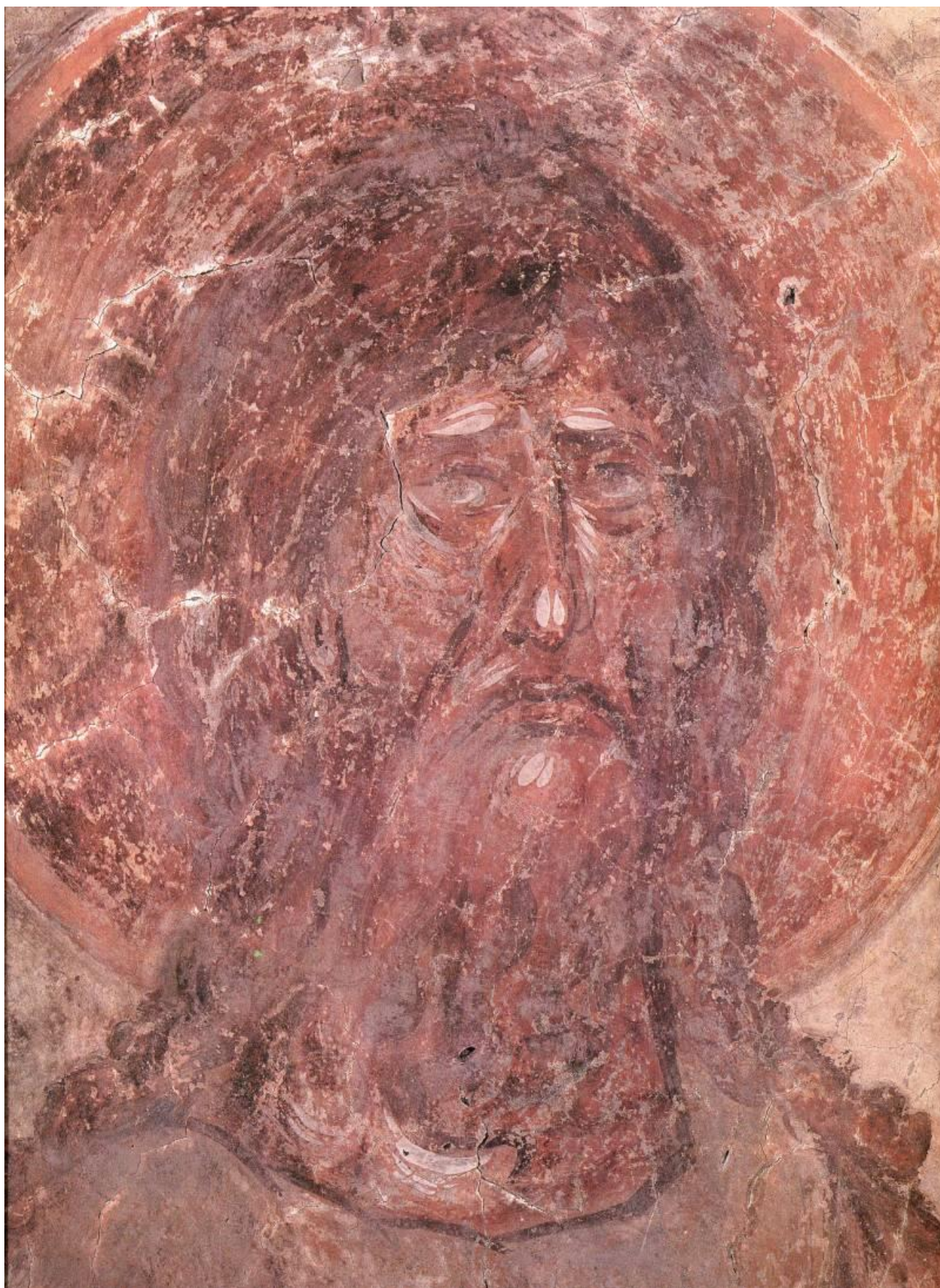

Рисунок 2

Церковь Феодора Стратилата на Ручью
Святой воин Федор Стратилат

Рисунок 3

Храм Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле.

Св. благоверный князь Борис

Фотография, 1910 год (Мацулевич Л. А.),

калька, 1894 год (Фомина Ф. М.).

139. 1
Князь Борис. Фото Л. А. Мацулевича, 1910

139. 2
Князь Борис. Калька Ф. М. Фомина, 1894/5

Литература:

1. Алпатов М. В. Фрески церкви Успения на Волотовом поле: альбом. М., 1977. 16 с.
2. Вздорнов Г. И. Волотово. Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М.: Искусство, 1989. 343 с.
3. Вздорнов Г. И. Феофан Грек. Творческое наследие. М.: Искусство, 1983. 340 с.
4. Лазарев В. Н. Искусство Древней Руси. Мозаики и фрески. М.: Искусство, 1973. 398 с.
5. Лазарев В. Н. Искусство Новгорода. М.; Л.: [б. и.], 1947. 256 с.

6. Орлова М. А. Об одной группе орнаментальных мотивов во фресках церкви Успения на Волотовом поле // Визуальная теология. 2024. Т. 6, № 2. С. 325–336. DOI: 10.34680/vistheo-2024-6-2-325-336.

7. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и её место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века [Электронный ресурс] // icon-art.info. URL: https://www.icon-art.info/bibliogr_item.php?id=11178 (дата обращения: 24.06.2026).

8. Царевская Т. Ю. Изучение монументальной живописи Великого Новгорода второй половины XIV — первой трети XV века: итоги и перспективы исследований (вопросы датировки и атрибуции) // Вестник древней истории искусства. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-monumentalnoy-zhivopisi-velikogo-novgoroda-vtoroy-poloviny-xiv-pervoy-treti-xv-veka-itogi-i-perspektivy-issledovaniy> (дата обращения: 24.06.2026).

9. Царевская Т. Ю. Роспись церкви Фёдора Стратилата на Ручью в Новгороде и её место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М.: Северный паломник, 2007. 616 с.

10. Царевская Т. Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата в Новгороде: связь с палеологовской традицией и черты новаторства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 320–325.

11. Царевская Т. Ю. Феофан Грек. Фрески в Великом Новгороде [Текст]: альбом / Т. Ю. Царевская. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2018. 319 с.

12. Церковь Успения на Волотовом поле [Электронный ресурс] // icon-art.info. URL: https://www.icon-art.info/location.php?lng=&loc_id=172 (дата обращения: 24.06.2026).

13. Феофан Грек. Церковь Спаса Преображения на Ильине улице [Электронный ресурс] // Лазарев В. Н. Искусство Древней Руси. Мозаики и фрески. URL: https://www.icon-art.info/book_contents.php?lng=ru&book_id=121&chap=6&ch_l2=6 (дата обращения: 24.06.2026).

Решетова Е.И.

учитель-логопед

МБДОУ №62 «Улыбка», г. Железнодорожск

e-mail: e-reche2012@yandex.ru

Reshetova E.I.

Speech Therapist

Preschool Educational Institution No. 62 "Ulybka," Zheleznogorsk

КОМПЛЕКС КОРРЕКЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос формирования невербальных средств общения у дошкольников с задержкой психического развития посредством разработанного комплекса коррекционных мероприятий. Описан диагностический комплекс, этапы, содержание и результаты реализации комплекса коррекционных мероприятий. Комплекс может быть реализован в практике дошкольного образования с целью решения важных задач адаптации детей в социуме. Предназначен для педагогов, работающих с детьми с задержкой психического развития и тяжелыми нарушениями речи (дизартрией, алалией).

Ключевые слова: общение, невербальные средства, жесты, мимика, социально-коммуникативное развитие, задержка психического развития, комплекс коррекционных мероприятий, эффективность, формирование.

A CORRECTIVE SET OF MEASURES AS AN EFFECTIVE MEANS OF DEVELOPING NON-VERBAL COMMUNICATION IN SENIOR PRESCHOOL CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION

Abstract. This article examines the development of non-verbal communication skills in preschool children with mental retardation through a developed set of interventions. The diagnostic tool, stages, content, and results of implementing the interventions are described. The set can be implemented in preschool education to address important issues of children's social adaptation. Designed for teachers working with children with mental retardation and severe speech impairments (dysarthria, alalia).

Keywords: communication, nonverbal means, gestures, facial expressions, social and communicative development, mental retardation, complex interventions, effectiveness, development.

Введение

На современном этапе изменились приоритеты дошкольного образования. Во ФГОС ДО [5] требования к результатам освоения Федеральной образовательной программы представлены в виде целевых ориентиров, одним из которых является умение ребенка активно взаимодействовать со сверстниками и взрослыми. При этом поставлена задача обеспечить каждому ребенку условия позитивной социализации и максимального достижения целевых образовательных результатов.

Задачи ФГОС ДО распространяются и на детей с ограниченными возможностями здоровья, среди которых достаточно большое количество (от 25% - до 35%) составляют дети с задержкой психического развития (далее ЗПР). Исследователями доказано, что развивается ребенок с ЗПР своеобразно, что

обусловлено дефектом. В частности, несовершенство его коммуникативной сферы не обеспечивает полноценный процесс общения. Существенные трудности в общении оказывают неблагоприятное воздействие на развитие различных видов деятельности дошкольника с ЗПР (игровой, исследовательской, познавательной и др.).

Имеющиеся методики формирования навыка общения у детей с задержкой психического развития в большей степени учитывают вербальный аспект. Таким образом, выявлено противоречие между: недостаточностью методических разработок, направленных на создание специальных образовательных условий для максимально эффективного формирования невербальных средств общения дошкольников с ЗПР в условиях дошкольного образовательного учреждения и их практической востребованностью в коррекционно-педагогической работе.

Данное противоречие позволило определить проблему, которая заключается в поиске эффективных методов и приемов коррекционного воздействия на формирование невербальных средств общения (жестов и мимики) у дошкольников с ЗПР, которые позволят повысить уровень общения и будут способствовать достижению ими целевого ориентира дошкольного образования.

Мы предположили, что коррекционные мероприятия, направленные на формирование навыка общения, эффективны, если имеют комплексный характер и учитывают особенности понимания и использования невербальных средств общения дошкольником с ЗПР.

Особенности сформированности невербальных средств общения у детей с ЗПР

Для установления актуального уровня сформированности невербальных средств общения (жестов и мимики) мы выбрали методики диагностики. А именно исследовали владение представлениями, умения распознавать эмоциональные состояния и использовать мимику и жесты для выражения собственных чувств.

Целью диагностики являлось определение особенностей сформированности невербальных средств общения (далее НСО) детей старшего дошкольного возраста с ЗПР.

К подбору методик мы применили авторский вклад, который заключался в адаптации к возрасту детей, т.е. использовались игровые задания, а также к особенностям развития.

Например, в методике «Сюжетные картинки» (адаптированная методика Р.Р. Калининой) наглядный материал подбирался таким образом, чтобы изображенные мимика и жесты были выразительными, а сюжеты понятны детям. Также были адаптированы инструкции педагога, используемые в пробах. В методике «Лицевые маски» (адаптированная методика Л.И. Савва, Е.Ю. Семькиной) авторами предлагались схематичные черно-белые пиктограммы, мы выбрали пиктограммы с изображением лиц детей. Для обследования мы оставили 6 базовых эмоций, более доступных детям вместо восьми (усталость, подозрительность). В методиках «Мимика» и «Жесты» процедура обследования осуществлялась с помощью специально подобранных словесных инструкций, в которых ребенок мог передать с помощью мимики и жестов собственные чувства и переживания. Оценивали результаты с помощью уровневого подхода (три уровня по каждой из проб). Максимальное количество баллов, которое может набрать ребенок за время выполнения задания – 105 баллов.

Анализ первичной диагностики показал, что уровень сформированности НСО у детей с ЗПР выглядит вот так:

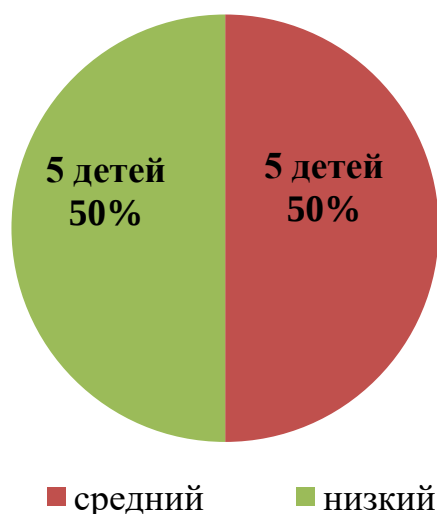

Рисунок 1. Средний количественный показатель сформированности невербальных средств общения

Качественный анализ первичной диагностики детей с ЗПР показал, что низкий уровень у детей характеризуется трудностями по всем показателям обследования: не понимают смысл у демонстрируемых мимики и жестов по сюжетным картинкам, путают эмоциональные состояния: страх и злость, неправильно обозначают эталоны эмоциональных состояний, понимание эмоции «спокойствие» отсутствует, не доступны жесты «радость» и «спасибо», понимают и пользуются жестами: «не знаю», указательными жестами и отчасти изобразительными жестами, используют стереотипные движения в демонстрации жестов. Также выявлено отсутствие комплексной демонстрации жестов и мимики.

Дети со средним уровнем были более успешны: понимают смысл передаваемых жестов и мимики, не всегда правильно объясняют смысл, собственные эмоциональные реакции незначительные, умеют определять 4-5 эмоциональных состояний по лицу, не всегда правильно вербально обозначают эталоны, понимание и объяснение эмоции «спокойствие» доступно 4 детям, адекватно использовали мимику в 5-6 эмоциональных ситуациях, испытывали трудности в изображении адекватных ситуации поз.

Отметим, что анализ полученных в процессе обследования данных показал, что у пяти детей прослеживается закономерность в невыполнении определенных заданий (в частности, трудности в понимании и использовании мимики, связанной с эмоциональными состояниями: «страх», «злость», «спокойствие» и конвенциональных жестов: «приветствие», «спасибо», «злость», «страх», включающих эмоциональную составляющую). Это дало нам основание для планирования дифференцированной коррекционной работы для этой группы детей.

Структура комплекса коррекционных мероприятий. Используемые методы и приемы

На основе полученных результатов мы составили комплекс коррекционных мероприятий, включающий в себя три направления: коррекционно-игровые занятия учителя-логопеда, организацию развивающей предметно-пространственной среды и работу воспитателя в группе.

Цель комплекса: формирование невербальных средств общения (жестов и мимики) старших дошкольников с ЗПР с помощью коррекционных мероприятий.

Задачи:

- 1) сформировать представления о жестах и мимике как об особых средствах общения;
- 2) сформировать у дошкольников умение распознавать эмоциональные состояния, ориентируясь на мимические и жестовые средства;

3) сформировать у дошкольников умение передавать эмоциональные состояния, используя мимические и жестовые средства выразительности;

4) способствовать развитию эмоциональной сферы детей, развитию чувства эмпатии;

5) способствовать развитию мимической мускулатуры, крупной и мелкой моторики.

Составляя комплекс, мы применили авторский вклад, который заключается в комплексности подхода к формированию невербальных средств общения. В реализации комплекса с детьми взаимодействовало несколько педагогов, при этом каждый из них решал свои задачи. Дифференцированный подход позволил спланировать содержание коррекционно-развивающей работы и подобрать методы и приемы обучения к выявленным уровням владения детьми с ЗПР невербальными средствами общения. Также были разработаны авторские идеи в организации развивающей предметно-пространственной среды.

Комплексно-дифференцированный подход к содержанию коррекционной работы учителя-логопеда и музыкального руководителя применен к подгруппе детей с крайне низким показателем освоения конкретных эмоций и конвенциональных жестов. Начинается занятие по обычной схеме, затем учитель-логопед проводит игру с одной подгруппой детей и решает коррекционную задачу для выделенной подгруппы, музыкальный руководитель с другой, далее дети вновь объединяются для следующей игры.

Комплекс коррекционно-игровых занятий «Мир удивительных эмоций» встроен в АООП для детей с ЗПР в область «Социально-коммуникативное развитие» был реализован в 2023 году и предполагает участие минимум трех педагогов (воспитателя, учителя-логопеда и музыкального руководителя). Два раза в неделю специально разработанные занятия по развитию невербального общения в процессе музыкально-игровой деятельности проводит учитель-логопед и музыкальный руководитель (продолжительность 30 мин.). Весь цикл коррекционных занятий реализуется в три этапа: подготовительный, основной и заключительный. Каждое занятие имеет определенную структуру и выстроено по определенной схеме:

1) организационный момент, в котором педагог предлагает определенный способ приветствия, либо дети его выбирают самостоятельно. Данная традиция способствует более быстрому включению всех детей в деятельность и обеспечивает эмоциональную готовность к занятию;

2) в основной части занятия реализуются главные задачи. В нее могут быть включены: беседы, ритмо-пластические этюды, упражнения на развитие мимики и жестикуляции, музыкальные подвижные игры, игры-инсценировки;

3) релаксация позволяет снять возможную усталость, эмоциональное напряжение, дает возможность расслабиться;

4) прощаясь, можно обсудить интересные моменты в занятии и подвести итог.

В коррекционно-игровых занятиях были использованы методики М.И. Чистяковой [4], Л.А. Мартыненко, Л.Д. Постоевой [3], Н.В. Ключевой [2], Т.В. Бойко [6].

Развивающая среда представлена центром «Мое настроение». Подобраны игры эмоционального содержания, авторские игры, которые доступны детям в течение всего дня. С помощью родителей составлены фотоальбомы с наиболее яркими эмоциями членов семьи, которые дети с удовольствием рассматривают. Авторское многофункциональное пособие «Цветы эмоций», имеющее несколько вариантов игр и используемое в течение дня как маркеры настроения, с помощью которых ребенок может показать свое настроение в любом виде деятельности.

Воспитателям рекомендованы варианты упражнений и игр для проведения в режимных моментах, как часть занятия и в свободной деятельности детей.

В режимных моментах целесообразно использовать: массаж (самомассаж) лица, статические и динамические мимические упражнения, мимическая гимнастика, игры «Зеркало», «Где мы были – мы не скажем, а что видели – покажем», упражнения «Приветствие и прощание жестами», рассматривание фотоальбомов.

Во время занятий целесообразно использовать: рассматривание схематических изображений лиц с выражением различных эмоциональных состояний и определение «зашифрованной» эмоции; рисование лиц, выражающих определенные эмоции, дорисовывание; игры «Кто самый грустный?» «Кто веселее всех?» по картинкам; игра «Кто лишний?» (нахождение лишней положительной или отрицательной эмоции).

В свободной деятельности рекомендовано использовать: игры с изображениями лиц различных эмоциональных состояний; рисование лиц, выражающих определенные эмоции, дорисовывание; игры «Собери портрет» «Домик настроений»; игра «Кто лишний?» (нахождение лишней положительной или отрицательной эмоции).

Для более углубленного представления об эмоциях рекомендуем эффективную методику «Развиваем эмоциональный интеллект». Подходит для детей, имеющих высокий уровень распознавания и использования эмоций в повседневной жизни, а также как последний этап в обучении (6-7 лет). Например, знакомство с соседями радости (злорадство и восторг), формирование умения различать в повседневной жизни.

Результативность комплекса коррекционных мероприятий

Количественный анализ итоговой диагностики выглядит вот так:

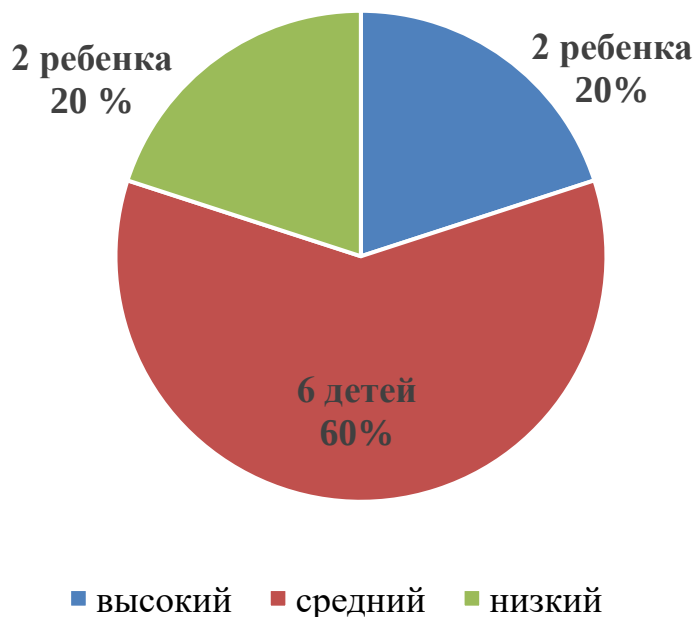

Рисунок 2. Средний количественный показатель сформированности НСО

На гистограмме видно, что дети показали более высокий уровень владения НСО.

Качественный анализ результатов по методикам итоговой диагностики выявил, что дети существенно повысили свои показатели.

Дети, показавшие низкий уровень: испытывают трудности в установлении причинно-следственных связей, не всегда вербально обозначают эталоны эмоциональных состояний, объясняют

смысл ситуаций по несущественному признаку. Но дети стали более успешны в использовании указательных жестов и изобразительных жестов, умеют определять эмоциональное состояние по мимике.

Дети, достигшие среднего уровня, не всегда правильно вербально обозначают эталоны эмоциональных состояний, научились распознавать и передавать с помощью жестов и мимики эмоциональные состояния (в том числе эмоциональные состояния: «страх», «спокойствие», злость» и конвенциональные жесты), адекватно используют мимику и жесты в предлагаемых ситуациях и ситуациях взаимодействия. Дети с высоким уровнем набрали наибольшее количество баллов по всем пробам и показали высокий уровень владения НСО.

Заключение

Таким образом, разработанный и апробированный комплекс коррекционных мероприятий способствует преодолению специфических трудностей в освоении НСО старшими дошкольниками с ЗПР.

В целом педагоги, работающие с детьми, отметили, что дети стали более эмоциональны, коммуникабельны и открыты. С удовольствием принимают участие в утренниках, драматизациях и детсадовских мероприятиях, что будет способствовать успешной социализации детей в школе.

Данный комплекс коррекционных мероприятий эффективен для детей с ЗПР, безречевых детей как запускающий механизм речи, для детей с ТНР, в том числе и с уровнем актуального развития на нижней границе возрастной нормы.

Дальнейшее использование комплекса может быть продолжено по следующим направлениям: масштабирование и реализация комплекса для детей с ТНР, а также дополнение комплекса и составление парциальной программы, являющейся частью АОП для детей с ЗПР.

Литература:

1. Выготский Л. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 2007. – 352 с.
2. Ключева Н. В. Учим детей общению / Н. В. Ключева, Ю. В. Касаткина. – Ярославль: Академия развития, 2008. – 321 с.
3. Л.А. Мартыненко, Л.Д. Постоева. Коррекция речевых нарушений у детей 5-6 лет. Программа психолого-логопедических занятий. – СПб: Речь; М: Сфера, 2010.
4. Чистякова М.И. Психогимнастика / Под ред. М.И. Буянова. – М.: Просвещение, 1997. С. 23-27.
5. Федеральный Государственный стандарт дошкольного образования / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Просвещение, 2013.
6. Формирование коммуникативного и социального опыта у детей с ЗПР. Система коррекционно-развивающих занятий /авт.-сост. Т.В. Бойко. – Изд. 2-е, испр. – Волгоград: Учитель, 2019.

Павлова А.С.

магистрант

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского»
e-mail: as.pavlova@vk.com

Pavlova A.S.

Master's Student

Saratov State University

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ КОНЦЕПЦИЮ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК С.С. ХОРУЖЕГО

Аннотация. В статье анализируется трансформация механизмов социального воспроизводства в условиях индивидуализации через концепцию антропологических практик С.С. Хоружего. Социальное воспроизводство рассматривается как возобновление отношений, диспозиций и способов действия посредством практик. Сопоставляются подходы Хоружего, П. Бурдьё, Э. Гидденса, У. Бека и Э. Бек-Гернсхайм, З. Баумана, Н. Элиаса и А. Реквица. Показано, что индивидуализация не отменяет социальное воспроизводство, а переносит часть механизмов преемственности из устойчивых сообществ в индивидуально конструируемую биографию. Вводится понятие «биографизация социального воспроизводства» для обозначения режима, при котором сохранение практик в возрастающей степени зависит от последовательности индивидуальных решений. На материале Хоружего обосновывается различие между воспроизводством отдельной практики и воспроизводством формы социальности, обеспечивающей ее передачу.

Ключевые слова: социальное воспроизводство, индивидуализация, антропологические практики, С.С. Хоружий, синергичная антропология, социальные практики, традиция, субъект.

TRANSFORMATION OF SOCIAL REPRODUCTION MECHANISMS UNDER CONDITIONS OF INDIVIDUALIZATION: FROM THE PERSPECTIVE OF S.S. KHORUZHYY'S CONCEPT OF ANTHROPOLOGICAL PRACTICES

Abstract. The article examines the transformation of mechanisms of social reproduction under conditions of individualization through S.S. Khoruzhy's concept of anthropological practices. Social reproduction is understood as the temporal renewal of relations, dispositions and modes of action through practices. The approaches of Khoruzhy, Pierre Bourdieu, Anthony Giddens, Ulrich Beck and Elisabeth Beck-Gernsheim, Zygmunt Bauman, Norbert Elias and Andreas Reckwitz are compared. It is argued that individualization does not abolish social reproduction but shifts part of the mechanisms of continuity from stable communities to individually constructed biographies. The concept of 'biographization of social reproduction' is introduced to designate a regime in which the continuity of practices increasingly depends on sequences of individual decisions. Khoruzhy's framework makes it possible to distinguish between the reproduction of a practice and the reproduction of the social form that sustains its transmission.

Keywords: social reproduction, individualization, anthropological practices, Sergey Khoruzhy, synergic anthropology, social practices, tradition, subject.

Проблема социального воспроизводства обычно рассматривается через устойчивость институтов, норм, ролей и механизмов социализации. Однако такая оптика оставляет в тени практический уровень, на котором социальная форма воспроизводится как способ действия, восприятия и самоотношения конкретных субъектов. В условиях индивидуализации этот уровень приобретает особое значение: жизненные траектории всё в меньшей степени задаются единой системой коллективных предписаний, а индивид всё чаще должен самостоятельно выбирать практики, посредством которых он организует собственное существование.

Цель данного исследования состоит в выявлении того, как при таком смещении трансформируется механизм социального воспроизводства. Концепция антропологических практик С.С. Хоружего используется здесь не как готовая социологическая теория, а как эвристическая модель, позволяющая увидеть зависимость устойчивости практики от способов передачи опыта, нормативных критериев и сообщества носителей. В рамках исследования социальное воспроизводство понимается в процессуальном, а не субстанциальном смысле: как возобновление во времени отношений, правил, диспозиций и способов действия, благодаря которым социальный порядок сохраняет узнаваемую форму, оставаясь способным к изменению. Такой подход позволяет различить как минимум три уровня преемственности. Первый связан с повторяемостью самой практики; второй – с воспроизводством типа субъекта, способного ее осуществлять; третий – с сохранением отношений и сред, в которых практика передается, истолковывается и признается значимой. Индивидуализация затрагивает эти уровни неодинаково. Практика может продолжать существовать и даже расширять круг носителей, одновременно утрачивая прежнюю связь с сообществом и механизмами межпоколенческой передачи, поэтому центральным объектом анализа становится не исчезновение практик, а возможное расхождение разных уровней их воспроизводства.

В теории структуриации Э. Гидденса социальное воспроизводство не сводится к сохранению уже существующего порядка. Социальные системы существуют как воспроизводимые во времени и пространстве отношения акторов, организованные в регулярные практики; структурные свойства одновременно выступают средствами деятельности и ее результатами. Поэтому «социальное воспроизводство» Гидденс специально предлагает не приравнивать к укреплению «социальной сплоченности»³. Для настоящего исследования это различие принципиально: ослабление привычных коллективных связей еще не означает прекращения воспроизводства социальности. Меняться может сам способ, которым практики сохраняют преемственность и вновь создают условия собственного осуществления.

Праксеологическая перспектива П. Бурдьё позволяет конкретизировать этот механизм на уровне формирования действующего субъекта. Габитус определяется им как «система устойчивых и переносимых диспозиций», способная функционировать в качестве «структурирующей структуры» и порождать практики и представления⁴. Будучи продуктом истории, габитус делает прошлый социальный опыт практически действенным в настоящем и тем самым поддерживает относительное постоянство практик во времени⁵. В таком случае воспроизводство обеспечивается не простым повторением нормы, а совпадением между усвоенными диспозициями и социальным миром, в котором они продолжают функционировать. Особенно важно, что у Бурдьё этот механизм не является безусловным. Модель почти

³ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации / пер. с англ. И. Тюриной. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – С. 69–73.

⁴ Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. – С. 102.

⁵ Там же. – С. 105.

циклического воспроизводства, по его замечанию, в полной мере работает лишь тогда, когда условия формирования габитуса и условия его последующего функционирования остаются тождественными или близкими⁶. Именно здесь обнаруживается точка перехода к проблеме индивидуализации. Если социальные контексты быстро меняются, а жизненная траектория строится через неоднородные институциональные и культурные среды, практики уже не могут автоматически опираться на стабильное соответствие между прошлым опытом и настоящими условиями. Воспроизводство становится более зависимым от рефлексивного выбора, переноса и переинтерпретации практических схем.

Обращение к теории социальных практик позволяет избежать противопоставления индивидуального действия и надындивидуальной структуры. Практика понимается автором теории, А. Реквием, как рутинизированный тип поведения, включающий взаимосвязанные телесные и ментальные действия, использование вещей, фоновое понимание, практическое знание, эмоции и мотивации⁷. Ее носителем является отдельный агент, но знание, конституирующее практику, имеет коллективный и историко-культурный характер⁸. Следовательно, даже тогда, когда действие совершается индивидуально, его воспроизводимость предполагает нечто большее, чем личное решение: освоенный способ различения, навыки, материальные условия и общую структуру смысла. Эта мысль создает методологический мост к синергийной антропологии С.С. Хоружего, хотя характер исследуемых им практик существенно иной. У Хоружего духовная практика представляет собой не рутину, а направленную антропологическую трансформацию, обладающую телосом, ступенчатой организацией и процедурами контроля опыта. Тем не менее именно предельная индивидуализированность работы человека с собой обнаруживает ее неустранимую социальную сторону. Решение задач организации, истолкования и проверки опыта, по Хоружему, невозможно в границах одной индивидуальной практики: для этого необходим органон, создаваемый и сохраняемый сообществом, продолжающимся в поколениях. Автор формулирует положение: «духовная традиция – особая личностная среда, где созданы, поддерживаются и транслируются во времени необходимые условия для прохождения духовной практики»⁹. Здесь можно выделить двухстороннюю связь: сообщество передает практику и условия ее осуществления, тогда как практика формирует субъектов, способных нести и продолжать соответствующую традицию. Эта связь становится еще яснее в работе «К феноменологии аскезы», где содержание традиции определяется как «не просто “опыт”, но опыт проработанный»; в него входят принципы, указания и процедуры организации и истолкования пережитого¹⁰. Значит, передается не набор изолированных приемов, а способ различать корректное и ошибочное, существенное и случайное, этапы и направление преобразования. В другой работе Хоружий характеризует такую передачу как «антропологическую трансляцию», совершающуюся прежде всего в парадигме личного общения, а духовную традицию – как сообщество, осуществляющее воспроизводство и передачу опыта определенной стратегии¹¹. В социально-философском плане это позволяет рассматривать традицию как инфраструктуру

⁶ Там же. – С. 122.

⁷ Reckwitz A. Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing // European Journal of Social Theory. – 2002. – Vol. 5, No. 2. – P. 249.

⁸ Ibid. – P. 253.

⁹ Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 307.

¹⁰ Хоружий С.С. Исследования по исихастской традиции: в 2 т. Т. 1: К феноменологии аскезы. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 130.

¹¹ Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 379–381.

воспроизводства практики: она удерживает не только содержание действий, но и критерии их связывания в общую форму жизни.

Индивидуализация изменяет именно эту инфраструктуру. Так, например, философы У. Бек и Э. Бек-Гернсхайм подчеркивают, что речь идет не об освобождении субъекта из общества, а об институционально производимой необходимости самостоятельно организовывать биографию. «Нормальная биография превращается в “биографию выбора”, “рефлексивную биографию”, “биографию, сделанную своими руками”»¹². Возможности, риски и решения, которые прежде в значительной мере задавались семьей, локальным сообществом, сословием или классом, все чаще должны быть восприняты и согласованы самим индивидом¹³. Следовательно, коллективное не исчезает: институты продолжают структурировать поле возможностей, однако ответственность за сборку жизненной траектории переносится на отдельный субъект. Сходную трансформацию З. Бауман описывает как превращение идентичности из предзаданного положения в задачу. По его формулировке, индивидуализация заключается в «преображении человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия»¹⁴. Для проблемы социального воспроизводства важен не только рост индивидуальной ответственности, но и изменение режима передачи практик. То, что ранее осваивалось как элемент относительно целостного образа жизни, может быть вынесено из исходного контекста, отобрано и включено в индивидуальную биографическую конструкцию. Тем самым практика способна сохраняться как повторяемая техника, ценностная установка или режим самоорганизации, не обеспечивая автоматически воспроизводство того сообщества, из которого она была получена.

Такое положение нельзя описывать как простую атомизацию. Исследования показывают, что форма поведения индивида определяется сетью прошлых и настоящих отношений с другими людьми; даже автономизация жизненной траектории происходит внутри изменяющихся взаимозависимостей¹⁵. Поэтому индивидуализация означает не отмену социальности, а перестройку конфигурации связи между индивидуальным и коллективным. В терминах рассматриваемой проблемы меняется локус преемственности: если в традиционной модели носителем длительности выступает сообщество, внутри которого субъект осваивает практику, то в индивидуализированной модели существенная часть работы по поддержанию длительности переносится в биографию самого субъекта. Эту трансформацию можно обозначить как биографизацию социального воспроизводства. Под ней предлагается понимать такой режим, при котором продолжение практик и связанных с ними нормативных образцов все в большей степени зависит от цепочки индивидуальных решений о выборе, сочетании, сохранении или отказе от них. Данное понятие не утверждает, что социальные структуры становятся продуктом произвольного личного конструирования. Напротив, институциональные ограничения сохраняются, но действие механизмов преемственности требует возрастающего вклада агента: ему необходимо самому соотнести разнородные требования, выбрать источники авторитета, поддержать регулярность практики и встроить ее в собственную биографию. В результате воспроизводство становится селективным: отдельные элементы практики могут успешно циркулировать, тогда как целостный комплекс отношений, критериев и способов передачи, обеспечивавший их прежнюю социальную форму, ослабевает.

¹² Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. – London: SAGE Publications, 2002. – P. 3. Перевод авторский.

¹³ Там же. – P. 4.

¹⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – С. 181.

¹⁵ Элиас Н. Общество индивидов / пер. с нем. А. Антоновского, А. Иванченко, А. Круглова. – М.: Праксис, 2001. – С. 36–37.

Отсюда следует еще одно различие. Индивидуальный выбор практики сам по себе не делает ее индивидуальной по происхождению и содержанию: субъект выбирает из социально произведенного репертуара и действует средствами, которым научился в отношениях с другими. Новым является то, что связь между практикой и ее носителем перестает в прежней мере обеспечиваться принадлежностью к устойчивой общности. То, что ранее принималось вместе с социальной позицией, образом жизни и кругом обязанностей, теперь требует отдельного подтверждения и может быть пересмотрено независимо от других элементов. Воспроизводство тем самым приобретает дискретный характер: преемственность собирается из решений, которые не обязаны складываться в единый коллективный проект. Это повышает вариативность социальных форм, но одновременно делает их долговременность зависимой от способности создавать новые способы координации и передачи. В этом пункте концепция С.С. Хоружего приобретает диагностическое значение. Она показывает предельный случай практики, для которой отделение техники от органона и традиции означает изменение условий самого опыта. Перенос этого тезиса в социальную философию требует осторожности: нельзя отождествлять духовную практику с любыми повседневными практиками и тем более считать всякое изменение традиции деградацией. Однако хоружиевская модель позволяет поставить общий критерий: воспроизводится ли вместе с действием та сеть отношений, интерпретаций и проверок, благодаря которой действие сохраняет определенный смысл и формирует соответствующий тип субъекта? Если нет, следует говорить не о прекращении практики, а о расхождении между воспроизводством практического элемента и воспроизводством формы социальности, исторически его поддерживавшей.

Индивидуализация трансформирует социальное воспроизводство не посредством его устранения, а через перераспределение механизмов преемственности. Схема «сообщество передает практику – практика формирует субъектов – субъекты воспроизводят сообщество» дополняется и частично замещается иной логикой: «индивид выбирает и комбинирует практики – встраивает их в собственную биографию – воспроизводит отдельные практические формы без обязательного воспроизводства исходной общности». Социально-философская продуктивность обращения к Хоружему состоит в том, что его концепция делает видимым обычно скрытый компонент воспроизводства – инфраструктуру передачи опыта. В условиях индивидуализации именно ее состояние определяет, станет ли расширение индивидуального выбора основанием новых форм совместности или приведет к сохранению практик в отрыве от долговременных механизмов формирования общего мира.

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
2. Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. – 562 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюриной. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
4. Хоружий С.С. Исследования по исихастской традиции: в 2 т. Т. 1: К феноменологии аскезы. – СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – 240 с.
5. Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 408 с.
6. Элиас Н. Общество индивидов / пер. с нем. А. Антоновского, А. Иванченко, А. Круглова. – М.: Праксис, 2001. – 336 с.

7. Beck U., Beck-Gernsheim E. Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences. – London: SAGE Publications, 2002. – 221 p.

8. Reckwitz A. Toward a Theory of Social Practices: A Development in Culturalist Theorizing // European Journal of Social Theory. – 2002. – Vol. 5, No. 2. – P. 243–263.

Кошман А.

студент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Koshman A.

Student

Saint-Petersburg State University

МОБИЛИЗАЦИЯ И ВОЕННЫЕ СУДЬБЫ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА НАУМОВКИ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ И БЛИЗЛЕЖАЩИХ СЕЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Памятник воинам, погибшим и пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны, расположенный в селе Наумовка Аккольского района Акмолинской области, представляет ценность не только как объект историко-культурного наследия, но и как источник персональных сведений о военных судьбах жителей сельского сообщества. Цель исследования: выявить возможности использования паспорта памятника для реконструкции мобилизации, военной службы, потерь и географии военных судеб жителей Наумовки и близлежащих сел. Материал и методы исследования: основу исследования составили 169 персональных записей военнослужащих, содержащихся в паспорте памятника. Применялись источниковедческий, статистический, просопографический, сравнительный и биографический методы. Анализировались годы рождения и призыва, возраст мобилизованных, воинские звания, подразделения, награды, характер выбытия, сведения о пропавших без вести, местах гибели и захоронения. Результаты исследования: установлено, что основная волна призыва через Сталинский районный военный комиссариат пришлась на 1941–1942 годы. Выявлен широкий возрастной диапазон мобилизованных, разнообразие воинских специальностей и званий, наличие неоднократно награжденных военнослужащих. В 43 записях военнослужащие обозначены как пропавшие без вести, причем большинство случаев связано с призывом первых лет войны. География военных судеб охватывает территорию от центральных районов Советского Союза до Польши и Германии. Одновременно выявлены неполные, повторные и противоречивые записи, требующие дальнейшей архивной проверки. Сделан вывод о значительном источниковедческом потенциале паспорта памятника для изучения мобилизации, военных потерь и локальной исторической памяти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Наумовка, памятник, военные судьбы, воинские потери, пропавшие без вести, награды, воинские захоронения.

MOBILIZATION AND WARTIME FATES OF THE RESIDENTS OF NAUMOVKA AND NEIGHBORING VILLAGES IN THE AKMOLA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The memorial to soldiers who were killed or went missing during the Great Patriotic War, located in the village of Naumovka in the Akkol District of Akmola Region, is significant not only as an object of historical and cultural heritage but also as a source of personal information on the wartime fates of members of the local rural community. Objective: the study aims to assess the potential of the memorial passport as a source for reconstructing the mobilization, military service, losses, and geographical trajectories of the wartime experiences of residents of Naumovka and nearby villages. Materials and Methods: the study is based on 169 individual records of servicemen contained in the memorial passport. Source analysis, statistical, prosopographical, comparative, and biographical methods were applied. The analysis covered years of birth and conscription, age at mobilization, military ranks and units, decorations, types of military losses, missing-in-action

records, and places of death and burial. Results: the main wave of conscription through the Stalin District Military Commissariat occurred in 1941–1942. The records reveal a broad age range among conscripts, diverse military specialties and ranks, and cases of servicemen receiving multiple military decorations. Forty-three records identify servicemen as missing in action, with most such cases associated with those conscripted during the early years of the war. The geographical scope of their wartime trajectories extends from the central regions of the Soviet Union to Poland and Germany. The analysis also identified incomplete, duplicate, and contradictory records requiring further archival verification. Conclusion: the memorial passport has considerable potential as a historical source for studying mobilization, wartime losses, individual military trajectories, and local historical memory.

Keywords: Great Patriotic War, Naumovka, memorial, military service, military losses, missing in action, military decorations, military burials.

Памятники, посвященные погибшим в годы Великой Отечественной войны, традиционно рассматриваются, прежде всего, как объекты исторической памяти. Однако содержащиеся в их паспортах списки имен, биографические сведения, данные о воинских частях, местах гибели и захоронения позволяют использовать такие документы и как самостоятельные исторические источники. Особенно важное значение они имеют для изучения истории небольших населенных пунктов, где именно мемориальные списки нередко становятся отправной точкой для реконструкции судеб жителей, ушедших на фронт.

Результаты проведенной работы, включая сведения о памятнике и данные об увековеченных на нем лицах, были обобщены и опубликованы авторами в книге «Память в обелиске», подготовленной по материалам исследовательской и полевой работы в рамках одноименного проекта в 2025 году [10, с. 276]. Персональные данные в большинстве своем взяты из интернет-ресурса «Память народа» – информационной системы Министерства обороны РФ [13]. В данной статье будут проанализированы паспортные данные одного памятника из данной книги.

Памятник в селе Наумовка был создан в 1980 г. Автором композиции являлся С. Тынбаев, средства на строительство выделил совхоз «Хлебоборб», которым руководил В. В. Коноплюк. Памятник посвящен памяти воинов, призванных на фронт из сел Наумовка, Филипповка, Виноградовка, Орнек и Коскарагай. В документе сообщается о 254 фамилиях погибших, пропавших без вести и ветеранов войны, умерших уже в мирное время. Объектом нашего исследования являются данные по 169 бойцам, которые не вернулись с войны [Рисунок 1].

Рисунок 1. Памятник войнам, погибшим, пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны и участникам войны. Село Наумовка Акмолинской области. 2025 г.

Источник: из личного архива автора.

Мемориальный комплекс включает в себя три элемента: стелу, памятную плиту и Вечный огонь. Стелла, выполненная в форме штыка, представляет собой выразительный художественный образ. На ней изображено лицо солдата в каске с зажатой в руке гранатой - символ решимости и мужества. Сбоку размещена надпись «Вечная память воинам-землякам». Памятная плита, выполненная из белого гранита, содержит список фамилий – погибших, пропавших без вести и умерших в мирное время ветеранов войны. Справа на плите выбиты годы «1941–1945», обозначающие эпоху народного подвига. У подножия стелы находится Вечный огонь, который ежегодно зажигается в День Победы, напоминая всем поколениям о бессмертном подвиге защитников Родины. Размеры памятника: памятная плита имеет высоту 1,5 метра и длину 5 метров, стела достигает 4 метра в высоту и 1 метра в ширину. В 2018 году мемориал был отреставрирован, что позволило сохранить его историческое и культурное значение для будущих поколений.

Таким образом, мемориал изначально создавался не только как символ Победы, но и как форма персонализированного сохранения памяти о конкретных жителях сельского сообщества.

При анализе использовались количественный, просопографический и биографический методы. Для каждой записи учитывались год рождения, место проживания или рождения, военкомат, год призыва, воинское звание, подразделение, награды, характер выбытия, дата и место гибели, сведения о пропаже без вести, первичном и последующем захоронении. Там, где паспорт не содержит необходимых данных, сведения не восстанавливались предположительно.

Одним из наиболее информативных элементов паспорта являются сведения о призыве. В значительном числе биографических записей указан Сталинский районный военный комиссариат Акмолинской области. Следует уточнить, что в период с 1928 по 1961 год территория современного Аккольского района входила в состав Сталинского района и призыв осуществлял Сталинский районный военный комиссариат (РВК) [Ошибка! Источник ссылки не найден.]. Именно через него проходила основная часть военнослужащих, связанных с Наумовкой и расположенными рядом селами.

По результатам предварительной статистической обработки в 82 персональных записях прямо упоминается Сталинский РВК. Для 61 из них удалось установить год призыва. Распределение по годам

выглядит следующим образом: в 1940 г. – 4 записи, в 1941 г. – 28, в 1942 г. – 19, в 1943 г. – 8, в 1944 г. – 2. Еще в 21 записи военкомат указан, однако год призыва отсутствует.

Таким образом, абсолютный максимум мобилизации приходится на 1941 год: на этот год приходится 28 из 61 записи с установленным годом призыва через Сталинский РВК. В совокупности 1941 и 1942 годы охватывают 47 записей, что составляет около 77% всех случаев, в которых удалось установить год мобилизации через данный военкомат.

Такое распределение закономерно отражает чрезвычайно напряженный характер первых военных лет. Летом и осенью 1941 г. в ряды Красной армии направлялись мужчины различных возрастов, а в 1942 г. мобилизационный ресурс сельской местности продолжал интенсивно использоваться. В последующие годы число новых записей о призыве заметно сокращается.

Характерны отдельные персональные примеры: Балпанов Барий, 1916 г. рождения, был призван Сталинским РВК 7 июля 1941 г. и уже в феврале 1942 г. числился пропавшим без вести **[Ошибка! Источник ссылки не найден.]** Гудеев Михаил Давидович из Филипповки был призван 14 августа 1941 г., в ходе службы получил ранение, проходил лечение в нескольких госпиталях, а в марте 1944 г. пропал без вести [1].

Емельянов Владимир Тихонович был призван 14 июня 1941 г., служил сержантом и погиб в январе 1943 г. в Воронежской области [5].

Анализ показывает также, что Сталинский РВК обслуживал не только жителей самой Наумовки. В документах встречаются военнослужащие из Филипповки, Воронежки, Виноградовки, Орнека, Островки, а также других населенных пунктов и сельсоветов. Следовательно, памятник отражает историю более широкого сельского сообщества.

Возрастная структура является важнейшей характеристикой мобилизации. Однако паспорт памятника далеко не во всех случаях содержит одновременно и год рождения, и год призыва, поэтому средний возраст может быть рассчитан только для той части записей, где имеются оба показателя.

Для мобилизованных Сталинским РВК, по которым удалось выполнить такой расчет, средний возраст в 1941 г. составлял примерно 29,8 года, в 1942 г. – 26,6 года, в 1943 г. – около 22,8 года, а в 1944 г. – около 26 лет. Эти показатели следует рассматривать как характеристики доступной выборки, а не всего мобилизованного населения.

Особенно показательное различие между средним и медианным возрастом в отдельные годы. Например, для части призывников 1942 г. среднее значение заметно превышает присутствием мужчин старших возрастов, тогда как значительная доля мобилизованных была значительно моложе.

В документе представлены военнослужащие нескольких поколений. Бондаренко Иван Максимович, родившийся в 1926 г., был призван в ноябре 1943 г., то есть его расчетный возраст составлял около 17 лет [9, с.135]. Есть вероятность неточности в записях, сохранившихся в военкоматах. В то же время Найда Емельян Сидорович, родившийся в 1897 г., был призван в 1943 г., то есть его возраст мог составлять около 45 – 46 лет [9, с.142].

Таким образом, сельская мобилизация охватывала не только традиционно ассоциируемых с фронтом молодых мужчин 18–25 лет. В боевые части попадали представители значительно более широкого возрастного диапазона. Эта особенность хорошо показывает масштаб человеческого напряжения, которое испытывали сельские территории в годы войны.

Персональные записи содержат сведения не только о призыве и гибели, но и о характере военной службы. В документах упоминаются стрелковые, артиллерийские, механизированные, кавалерийские, инженерные и гвардейские соединения. Представлены военнослужащие различных специальностей: стрелки, автоматчики, артиллеристы, связисты, радиотелеграфисты, понтонеры, командиры орудий.

Преобладающую часть военнослужащих, для которых указано звание, составляли рядовые и представители младшего командного состава. Встречаются формулировки «красноармеец», «рядовой», «ефрейтор», «младший сержант», «сержант», «старший сержант», а также офицерские звания, прежде всего лейтенант. Например, Дьячук Максим Трофимович имел звание гвардии старшего сержанта и служил старшим радиотелеграфистом 6-й батареи 195-го гвардейского артиллерийского полка 91-й гвардейской стрелковой дивизии [4]. Кияшко Василий Васильевич имел звание лейтенанта и служил в подразделениях 317-й стрелковой дивизии [9]. Сутковой Иван Иванович служил автоматчиком полковой роты автоматчиков 255-го гвардейского стрелкового полка 65-й гвардейской стрелковой дивизии [16]. Старостин Владимир Павлович был рядовым в 21 мотоинженерной бригаде и был понтонера [15].

Подобные сведения позволяют сделать важный вывод: мобилизованные из небольших сельских населенных пунктов не образовывали однородную массу стрелков. В ходе войны они осваивали различные военно-учетные специальности, становились младшими командирами, артиллеристами, связистами, специалистами инженерных подразделений. Сведения памятника в этом отношении дает возможность увидеть процесс военной профессионализации сельского населения.

Особую ценность имеют содержащиеся в паспорте сведения о наградах. По предварительной обработке, как минимум у 13 персональных записей зафиксировано наличие одной или нескольких боевых наград. Встречаются медали «За отвагу», «За боевые заслуги», ордена Славы III степени, Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

Некоторые военнослужащие были награждены неоднократно. Дьячук Максим Трофимович был отмечен орденом Отечественной войны I степени и орденом Красной Звезды [4]. Его военный путь завершился в октябре 1944 г. в Восточной Пруссии. Крутько Николай Романович, уроженец Воронежа, был награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Славы III степени [11]. Он умер от ран 2 сентября 1944 г., а место его захоронения указано в Люблинской области Польши. Калупа Федор Иванович был награжден медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу» [7]. Несмотря на наличие достаточно подробных сведений о службе и награждениях, его окончательная судьба в паспорте обозначена как «пропал без вести» в марте 1945 г. Этот пример особенно важен для источниковедческого анализа: высокая степень документированности боевого пути не всегда означает наличие точных данных о конечной судьбе военнослужащего.

Наградные сведения позволяют увидеть за краткими мемориальными строками реальный боевой опыт людей. Они свидетельствуют о длительном пребывании на фронте, участии в боях, выполнении сложных военных задач, а в отдельных случаях и о формировании значительного личного боевого пути.

Одной из наиболее трагических и одновременно сложных для исследования категорий являются пропавшие без вести. В рассматриваемых 169 записях предварительно выявлено 43 случая, где эта формулировка присутствует прямо.

Наибольшее число таких случаев связано с военнослужащими, мобилизованными в первые годы войны. Среди записей, где одновременно известен год призыва, выделяются: призыв 1940 г. – 5 случаев, 1941 г. – 17, 1942 г. – 11, 1943 г. – 2, 1944 г. – 2. В шести случаях год призыва определить не удалось.

Таким образом, более двух третей выявленных случаев пропажи без вести связано с военнослужащими, призванными в 1941–1942 гг. Это один из наиболее выразительных результатов статистической обработки.

Особенно высоки потери среди тех, кто был мобилизован непосредственно перед войной или в первые ее месяцы. Невенчанный Михаил Лукич, 1920 г. рождения, был призван 12 декабря 1940 г. и пропал без вести уже в октябре 1941 г. [8]. Побережнюк Алексей Демидович был призван 14 июля 1941 г. и пропал без вести в ноябре того же года [12].

Иногда источник позволяет установить конкретное место исчезновения. Пышный Петр Алексеевич пропал без вести 10 октября 1944 г. в районе Ружана в Польше [14]. Тертый Иван Трофимович, согласно одной из записей, пропал без вести в январе 1943 г. в районе города Воронежа [17].

Однако во многих случаях указаны только месяц и год. Формулировки «пропал без вести в феврале 1942 г.», «в марте 1943 г.», «в феврале 1944 г.» не позволяют восстановить конкретное место последнего боя.

Отдельного внимания заслуживает запись о Слюнько Иване Филипповиче. В документе одновременно указано, что он пропал без вести 10 февраля 1944 г. в районе деревни Перевередув Ровенской области и что в тот же день попал в плен, а впоследствии был освобожден [9, с. 146]. Это демонстрирует сложность самой категории «пропавший без вести». Она может фиксировать состояние учета на определенный момент, но не всегда является окончательным итогом биографии человека.

Персональные сведения позволяют увидеть чрезвычайно широкую географию военных судеб жителей Наумовки и соседних сел. Она простирается от центральных районов РСФСР и Сталинградского направления до Украины, Белоруссии, Прибалтики, Польши и Германии.

В документах зафиксированы места гибели и захоронения в современных России, Украине, Беларуси, Польше, Латвии, Литве, Молдове и Германии. При этом необходимо различать место гибели, первичное место погребения и современное место захоронения: они нередко не совпадают.

Так, Земсков Петр Максимович первоначально был захоронен в деревне Ливадия Смоленской области [6]. Позднее, в 1950-е гг., останки были перенесены в братскую могилу села Высокое Калужской области. В паспорте отмечается, что в этой братской могиле захоронено 15 446 воинов. Марков Григорий Маркович первоначально был похоронен в деревне Красная Горка Калужской области, а в качестве последующего места захоронения указана деревня Климов-Завод Калужской области [9, с.141]. Цымбал Савелий Тарасович погиб у села Зайцево Полтавской области [9, с.148]. В документе указано последующее захоронение в селе Удовиченки Полтавской области и отмечено место, откуда он был перезахоронен.

Особое место в общей географии занимают судьбы военнослужащих, дошедших до завершающего этапа войны. Дьячук Максим Трофимович погиб в октябре 1944 г. в Восточной Пруссии [9, с.136]. Козлов Иван Федотович погиб 12 марта 1945 г. в Германии [9, с.140].

Таким образом, с территорией Германии связаны как минимум три записи рассматриваемого массива. Они особенно демонстрируют, что военный путь некоторых уроженцев и жителей сельского округа завершился уже практически в самом конце войны в Центральной Европе.

При всей ценности паспорта как исторического источника его сведения требуют осторожного использования. Для значительной части военнослужащих отдельные биографические показатели отсутствуют. Встречается формулировка «Сведения уточняются», отсутствуют годы рождения, даты призыва, звания, части, места гибели или сведения о захоронении.

Одни военнослужащие исчезли уже в первые месяцы войны. Другие прошли долгий боевой путь, неоднократно меняли части, получали ранения и награды. Третьи дошли практически до самого завершения боевых действий в Европе.

Туров Виктор Никифорович, награжденный орденом Славы III степени и орденом Красной Звезды, погиб в марте 1945 г. в Восточной Пруссии [18]. С другой стороны, множество имен сопровождается одной короткой фразой – «сведения уточняются». Такая лаконичность сама по себе является частью исторической реальности. Она свидетельствует не только о неполноте современного учета, но и о масштабах разрушения семейных связей и документации в военные годы.

Паспорт памятника в селе Наумовка представляет собой значительно более сложный исторический источник, чем может показаться при его формальном рассмотрении. За мемориальным перечнем имен скрывается история мобилизации нескольких сельских населенных пунктов, судьбы людей различных возрастов и профессий, сведения о прохождении службы, награждениях, ранениях, плене, гибели и пропаже без вести.

Выводы: Предварительная обработка 169 персональных записей позволяет сделать несколько основных выводов.

Во-первых, основная нагрузка мобилизации через Сталинский районный военный комиссариат пришлась на 1941–1942 гг. Именно эти два года дали подавляющую часть случаев призыва, для которых дата может быть установлена.

Во-вторых, возрастной состав мобилизованных был чрезвычайно неоднородным. Наряду с 17–20-летними юношами на фронт отправлялись мужчины старше 30 и даже 40 лет. Следовательно, война затронула практически все трудоспособные поколения сельского сообщества.

В-третьих, военнослужащие из Наумовки и близлежащих населенных пунктов служили в различных родах войск и подразделениях. Среди них были стрелки, артиллеристы, связисты, кавалеристы, понтонеры, автоматчики и младшие командиры. Часть из них была награждена несколькими боевыми наградами.

В-четвертых, одной из наиболее значительных категорий потерь являются пропавшие без вести. В рассматриваемом массиве предварительно выявлено 43 соответствующие записи. Особенно велик их удельный вес среди военнослужащих, призванных в первые годы войны.

В-пятых, география военных судеб исключительно широка. Места гибели и захоронений прослеживаются от центральных районов России и Сталинграда через Украину и Белоруссию до Польши, Прибалтики и Германии. В судьбах отдельных военнослужащих фактически отражено движение фронта с востока на запад.

Наконец, паспорт памятника сохраняет не только информацию, но и следы ее утраты. Повторные записи, противоречивые даты, неизвестные места гибели и многочисленные случаи, когда сведения остаются неуточненными, показывают необходимость продолжения исследовательской работы.

Поэтому памятник в селе Наумовка Акмолинской области целесообразно рассматривать не только как объект историко-культурного наследия и место коллективной памяти. Он является отправной точкой для реконструкции истории конкретного сельского сообщества в годы Великой Отечественной войны. Последовательное сопоставление мемориальных записей с архивными источниками способно вернуть многим именам полноценные биографии, уточнить географию потерь и захоронений и сохранить для последующих поколений историю людей, для которых война стала личной судьбой.

Литература:

1. Базанова Ф. Н. Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 г. – декабрь 1936 г.). - Алма-Ата: Арх. упр. МВД Казахской ССР, 1959. – С. 276.
2. Болпанов Барий // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN3jc> (дата обращения: 18.08.2026).
3. Гудеев Михаил Давыдович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN43a> (дата обращения: 18.08.2026).
4. Дьячук Максим Трофимович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN6HF> (дата обращения: 18.08.2026).
5. Емельянов Владимир Тихонович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN4CG> (дата обращения: 18.08.2026).

6. Земсков Петр Максимович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN6q9> (дата обращения: 18.08.2026).
7. Калута Федор Иванович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN6US> (дата обращения: 18.08.2026).
8. Книга памяти Акмолинской области. Том II. – Кокшетау: АО «Кокше-Полиграфия», 2015. 504 с.
9. Книга памяти защитников Родины – алексеевцев, погибших на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в других боевых действиях. – Алексеевка, 1985. 220 с.
10. Кошман Т.В., Кошман А.К., Лысакова Л.И. Память в обелиске. - Астана. ТОО «Beknazar Group», 2025. – С.134-150.
11. Крутько Николай Романович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN6LQ> (дата обращения: 18.08.2026).
12. Побережнюк Алексей Демидович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN6b4> (дата обращения: 18.08.2026).
13. Поиск документов об участниках войны // Память народа URL: pamyat-naroda.ru (дата обращения: 18.08.2026).
14. Пышной Петр Алексеевич // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN6fa> (дата обращения: 18.08.2026).
15. Старостин Владимир Павлович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN6DC> (дата обращения: 18.08.2026).
16. Сутовой Иван Иванович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN5HF> (дата обращения: 18.08.2026).
17. Тертый Иван Трофимович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN6hb> (дата обращения: 18.08.2026).
18. Туров Виктор Никифорович // Память народа [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clck.ru/3VN57x> (дата обращения: 18.08.2026).

Гердович Е.Б.

студент

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»

Gerdovich E.B.

Student

Omsk State Pedagogical University

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ВОПРОСЫ ДИАГНОСТИКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Аннотация. Военная служба, особенно в условиях участия в боевых действиях и локальных военных конфликтах, сопряжена с серьезными психоэмоциональными нагрузками, риском для жизни и здоровья, а также возможностью столкновения с травмирующими событиями. Одним из наиболее серьезных и распространенных последствий таких переживаний является посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), которое представляет собой хроническое состояние, характеризующееся рядом негативных психологических реакций и эмоциональных переживаний, которые существенно снижают качество жизни человека.

Данная статья посвящена изучению особенностей проявления и факторов риска посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у бойцов, участвовавших в специальной военной операции, а также вопросам диагностики и психологической реабилитации военнослужащих.

В исследовании использованы следующие методы: теоретический анализ научной литературы и источников по проблеме исследования, синтез, систематизация, обобщение, сравнительный анализ, моделирование структуры и содержания психологической реабилитации военнослужащих.

Результатом исследования стал вывод о том, что эффективная система реабилитации ПТСР у военнослужащих требует глубокого понимания этиологии и проявлений расстройства, применения научно обоснованных методов лечения, а также создания многоуровневой системы психосоциальной поддержки, которая учитывает специфику военной службы и обеспечивает непрерывность помощи на всех этапах адаптации.

Ключевые слова: посттравматическое расстройство (ПТСР), специальная военная операция (СВО), военная психология, реабилитация, диагностика.

POSTTRAUMATIC DISORDER IN SOLDIERS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

Abstract. Military service, especially under conditions of participation in hostilities and local military conflicts, is associated with serious psychosocial stress, risk to life and health, and the possibility of traumatic events. One of the most significant and widespread consequences of these experiences is posttraumatic stress disorder (PTSD), a chronic condition characterized by numerous negative psychological reactions and emotional responses that significantly impair a person's quality of life. This article examines the features of PTSD in soldiers who have participated in special military operations, as well as developing a comprehensive rehabilitation program for military personnel.

The following methods were used in the study: theoretical analysis of scientific literature and sources on the research problem, synthesis, systematization, generalization, comparative analysis, modeling of the structure and content of psychological rehabilitation for military personnel.

The study concluded that an effective system for PTSD rehabilitation among military personnel requires a deep understanding of the etiology and manifestations of the disorder, the use of scientifically sound treatment methods, and the creation of a multilevel psychosocial support system that takes into account the specific needs of military service and ensures continuity of care throughout the adaptation process.

Keywords: posttraumatic stress disorder (PTSD), special military operations (SMO), military psychology, rehabilitation, diagnosis.

Актуальность проблемы психологической реабилитации военнослужащих с ПТСР обусловлена современной политической обстановкой в мире, в частности, специальной военной операцией: непрекращающиеся локальные конфликты и участие в них воинских контингентов приводят к постоянному притоку ветеранов, нуждающихся в специализированной психологической помощи, что формирует значительный запрос со стороны общества и государства на разработку и внедрение эффективных реабилитационных программ.

Негативные последствия ПТСР не ограничиваются индивидуальным уровнем: они приводят к серьезным трудностям в социальной адаптации военнослужащих, дестабилизации семейных отношений, проблемам с трудоустройством, росту девиантного поведения, а в ряде случаев – к повышению риска суицидов, что создает значительную социально-психологическую и экономическую нагрузку на общество [8].

Современное понимание психического здоровья подчеркивает необходимость своевременной и адекватной помощи – уходят в прошлое стереотипы о «слабости» и стигматизация психических расстройств, что позволяет военнослужащим более открыто обращаться за помощью. В связи с этим, исследование и совершенствование методик психологической реабилитации становится не только медицинской, но и важнейшей социальной задачей, направленной на сохранение человеческого потенциала и обеспечение полноценной реинтеграции защитников Отечества в мирную жизнь [6].

Проблема психологической реабилитации военнослужащих, страдающих посттравматическим стрессовым синдромом (ПТСР), является одной из наиболее актуальных и активно разрабатываемых в современной психологии, медицине и социологии. Значительный вклад в её научную разработанность внесли как отечественные, так и зарубежные исследователи:

- Теоретические основы понимания стресса, дезадаптации и психогений в экстремальных условиях: Ю.А. Александровский [1], А.Б. Леонова и А.С. Кузнецова [11], Р. Кочюнас [9] и С. Глэддинг [4].

- Специфика военной психологии и боевого стресса: А.Г. Караяни [5–8], Я.В. Подоляк [15], Е.О. Лазебная и М.Е. Зеленова [10], Х.Б. Ахмедовой [2], Е.А. Миско [13].

- Методические и практические аспекты психологической реабилитации: В.Ф. Мисюры [14], А.В. Бабенко и Л.Н. Домашенко [3], Е.М. Черепанова [18], А. Т. Мещениной [12], Н.В. Якушина [19], И. Соловьева [16–17].

Согласно современным диагностическим критериям (DSM-5 и МКБ-11), ПТСР характеризуется наличием симптомов, относящихся к нескольким кластерам – а именно: интрузивные симптомы, избегание, негативные изменения в мышлении и гипервозбудимость.

Сущность ПТСР у военнослужащих имеет свои особенности, обусловленные спецификой военной службы. Военнослужащие могут подвергаться не единичному, а множественным травматическим событиям. Психологическая травма часто связана с прямым участием в насилии, либо в качестве жертвы что может вызывать острое чувство вины или стыда [2].

После возвращения из зоны боевых действий военнослужащие сталкиваются с необходимостью адаптации к мирной жизни, которая может кардинально отличаться от привычной им военной среды.

Разрыв с боевым братством, непонимание со стороны гражданского населения, трудности с трудоустройством усугубляют симптоматику. Исторически в воинской среде существовала стигматизация психических проблем, что затрудняло своевременное обращение за помощью [14].

Так, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) по своей сути является отсроченной и/или пролонгированной психической реакцией на чрезвычайно стрессовое событие или серию событий исключительной угрожающей или катастрофической природы. Его сущность проявляется в устойчивом комплексе характерных симптомов. Ключевым является то, что ПТСР не является обычной реакцией на стресс, а представляет собой дезадаптивный ответ психики, существенно нарушающий повседневное функционирование и качество жизни человека, требующий специализированного вмешательства [10].

Развитие посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у военнослужащих обусловлено комплексным взаимодействием факторов, которые делятся на три группы: предбоевые – повышают уязвимость военнослужащего к возникновению травмы, боевые – являются непосредственно причиной ПТСР, и постбоевые – усугубляют расстройство [9].

Диагностика посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у военнослужащих является критически важной задачей, осложняемой рядом специфических факторов, присущих военной среде и характеру травматических событий. Эффективный диагностический процесс требует комплексного подхода, сочетающего глубокое понимание психической травмы с учетом уникальных особенностей данной категории лиц. Среди основных диагностических методик стоит выделить следующие: клиническое интервью, самоопросники и скрининговые шкалы, сбор анамнеза из дополнительных источников, психофизиологические и нейропсихологические методы [15].

Психологическая реабилитация военнослужащих, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР), является сложным феноменом, требующим специализированных подходов, учитывающих уникальность военного опыта и специфику контингента. Целью реабилитации является не только снижение симптоматики, но и полное восстановление и улучшение качества жизни [5].

В целом, современные методики, применяемые в психологической реабилитации, обладают рядом общих характеристик, обеспечивающих их эффективность и адаптивность, все они опираются на высокую доказательную базу, что подтверждает их действенность в лечении ПТСР.

В современной практике для реабилитации пациентов с ПТСР применяются множество научно обоснованных подходов, которые также адаптированы для работы с военнослужащими, учитывая специфику их травматического опыта, представим их в таблице 1.

Таблица 1. Методы психологической реабилитации военнослужащих с ПТСР

Метод реабилитации	Суть и механизм воздействия
Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ)	Помогает выявить и изменить дезадаптивные мысли и убеждения, связанные с травмой
Групповая терапия	Создаёт безопасную среду, где военнослужащие могут свободно общаться и обмениваться опытом. В процессе общения они находят решение проблем, применяют чужой опыт, получают социальную поддержку и снижают чувство изоляции.
Терапия с использованием виртуальной реальности (VR-терапия)	Метод экспозиционной терапии, при котором в контролируемой и безопасной среде пациент дозированно переживает элементы травмирующей ситуации
Семейная терапия	Направлена на то, чтобы не только ветеран, но и его близкие научились новым моделям взаимодействия
Организационные методы	Включают установление чёткого режима работы и отдыха, вовлечение в активную деятельность (учебную, служебную), сохранение военной формы одежды

Аутогенные методы (методы саморегуляции)	Включают простейшие приемы саморегуляции и сложные психорегулирующие комплексы и позволяют самостоятельно управлять уровнем стресса, тревоги и гнева, купируя симптомы гипервозбуждения.
--	--

Перечисленные в таблице методы психологической реабилитации военнослужащих с ПТСР могут применяться как по отдельности, так и в рамках комплексного реабилитационного плана. Их сочетание позволяет воздействовать на разные стороны анализируемого расстройства: когнитивные искажения, избегающее поведение, физиологическое возбуждение и социальную дезадаптацию

Длительность лечения обычно варьируется от нескольких недель до нескольких месяцев, что зависит как от специфики выбранной методики, так и от индивидуальной тяжести состояния пациента. Проведение сессий возможно как в индивидуальном, так и в групповом формате, что позволяет выбрать наиболее подходящий вариант в зависимости от потребностей. Фармакотерапия используется как вспомогательный метод для купирования наиболее тяжелых симптомов (тревога, депрессия, бессонница, раздражительность), которые могут препятствовать участию в психотерапии.

К дополнительным и поддерживающим методам реабилитации военнослужащих, имеющих ПТСР, относятся следующие подходы [7].

– Психологическое просвещение военнослужащих – данный метод направлен на информирование ветеранов и их семей о специфике ПТСР, а также доступных стратегиях совладания и методах лечения. Повышение осведомленности помогает снизить стигматизацию, сформировать адекватное понимание происходящего и мотивировать на активное участие в процессе реабилитации, делая пациента более компетентным в управлении своим состоянием.

– Методы релаксации включают в себя техники, направленные на снижение физического и психического напряжения, например такие, как глубокое диафрагмальное дыхание, прогрессивная мышечная релаксация, медитация, аутогенная тренировка и управляемая визуализация.

– Арт-терапия позволяет ветеранам прорабатывать травматический опыт и выражать подавленные эмоции через творческие виды деятельности, данный невербальный подход ценен, когда прямая вербализация травмы затруднена, способствуя эмоциональной разрядке и развитию новых способов самовыражения.

– Регулярные физические нагрузки играют важную роль в регуляции нейрохимических процессов в мозге, снижая уровень стресса, тревоги и депрессии. Физическая активность способствует улучшению сна, повышению самооценки и восстановлению ощущения контроля над собственным телом.

– Профессиональная и социальная реинтеграция представляет собой комплекс программ и мероприятий, направленных на успешное возвращение военнослужащих к полноценной гражданской жизни. Здесь стоит отметить такие меры, как помощь в трудоустройстве, получении нового образования, восстановление и укрепление связей с семьей и обществом, а также развитие навыков, необходимых для эффективного функционирования в гражданской среде.

Таким образом, психологическая реабилитация военнослужащих с ПТСР – это длительный процесс, требующий терпения, систематичности и высококвалифицированной помощи. Сочетание научно обоснованных психотерапевтических методов с социальной и фармакологической поддержкой позволяет значительно улучшить состояние человека и вернуть военнослужащих к полноценной и продуктивной жизни.

В заключение стоит отметить, что ключевое значение для надежной диагностики имеет травма-ориентированный подход, включающий клиническое интервью и валидированные опросники. Для купирования и преодоления ПТСР у участников боевых действий, требуется организация системы психологической реабилитации и психосоциальной поддержки, которая должна представлять собой многоуровневую систему помощи – от ранней профилактики и кризисного вмешательства до

специализированной амбулаторной, стационарной и долгосрочной поддержки, включающей психологическое просвещение, семейную поддержку, работу с сопутствующими проблемами и содействие реинтеграции в общество.

Литература:

1. Александровский, Ю. А. Психогении в экстремальных условиях / Ю. А. Александровский. – М., 1991. – 96 с.
2. Ахмедова, Х. Б. Посттравматические личностные изменения у гражданских лиц, переживших угрозу жизни / Х. Б. Ахмедова // Вопросы психологии. – 2004. – № 3. – С. 93–102.
3. Бабенко, А. В. Методические рекомендации для военных психологов при работе с посттравматическим синдромом / А. В. Бабенко, Л. Н. Домашенко. – Ростов–на–Дону, 2000. – 26 с.
4. Глэддинг, С. Психологическое консультирование / С. Глэддинг. – СПб., 2002. – 722 с.
5. Караяни, А. Г. О системном подходе к психологической реабилитации участников боевых действий / А. Г. Караяни // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2023. – С. 26–34.
6. Караяни, А. Г. Психологические последствия участия в боевых действиях: «не птсром единым» / А. Г. Караяни // Российский военно–психологический журнал. – 2023. – № 2(2). – С. 75–83.
7. Караяни, А. Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей сухопутных войск в локальных военных конфликтах / А. Г. Караяни. – М., 1998. – 355 с.
8. Караяни, А. Г. Психологические последствия участия в боевых действиях: «не птсром единым» / А. Г. Караяни // Российский военно–психологический журнал. – 2023. – № 2(2). – С. 75–83.
9. Кочюнас, Р. Основы психологического консультирования / Р. Кочюнас. – М., 1999. – 240 с.
10. Лазебная, Е. О. Военно–травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий / Е. О. Лазебная, М. Е. Зеленова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 5. – С. 62–74.
11. Миско, Е. А. Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на ЧАЭС / Е. А. Миско, Н. В. Тарабрина // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 3. – С. 44–52.
12. Мисюра, В. Ф. Психологическая реабилитация военнослужащих / В. Ф. Мисюра. – М., 1995. – 25 с.

Тришин Г.А.

студент

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Trishin G.A.

Student

Moscow City Pedagogical University

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ГЕНЕАЛОГИИ У ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема методологических аспектов преподавания генеалогии в школе как одного из действенных инструментов патриотического воспитания детей и молодежи. На основе анализа научных исследований автором систематизируются основные методы и формы преподавания генеалогии. Обосновываются ключевые педагогические принципы генеалогического воспитания, а также выявляются возрастные особенности применения различных методов и форм: от игровых и наглядных методов в начальной школе до полноценных исследовательских проектов и работы в архивах в старших классах. Автор приходит к выводу, что наиболее результативным является комплексный подход, интегрирующий различные методы и формы в единую образовательную систему, а также подчеркивает необходимость разработки единой программы преподавания генеалогии в рамках Федерального государственного образовательного стандарта.

Ключевые слова: генеалогия, история семьи, семейная память, воспитание подрастающего поколения, внеурочная деятельность, урочная деятельность, семейные ценности.

FORMS AND METHODS OF TEACHING GENEALOGY TO SCHOOLCHILDREN

Abstract. This article examines the methodological aspects of teaching genealogy in schools as an effective tool for patriotic education of children and youth. Based on an analysis of scientific research, the author systematizes the main methods and forms of teaching genealogy. Key pedagogical principles of genealogical education are substantiated, and age-specific characteristics of the application of various methods and forms are identified: from game-based and visual methods in elementary school to full-fledged research projects and archival work in high school. The author concludes that an integrated approach integrating various methods and forms into a unified educational system is the most effective, and emphasizes the need to develop a unified genealogy curriculum within the framework of the Federal State Educational Standard.

Keywords: genealogy, family history, family memory, education of the younger generation, extracurricular activities, classroom activities, family values.

В современном мире генеалогия является важным инструментом патриотического воспитания детей и молодежи. Она играет значимую роль в формировании гражданско-культурной идентичности и укреплении преемственности поколений. Однако высокий потенциал генеалогии не является сам по себе гарантией ее успешного внедрения в образовательный процесс. Ключевым условием превращения генеалогии в действенное средство воспитания является применение релевантных методов и форм ее преподавания.

Проблема методологии генеалогического образования в школе остается недостаточно разработанной. Как отмечают А.Ю. Курин и О.А. Самохвалова, актуальность исследования теоретических основ генеалогических проектов в системе общего образования обоснована

«недостаточной разработанностью теоретических основ управления генеалогическими проектами в системе общего образования, несмотря на их высокий воспитательный потенциал, закреплённый в Федеральном государственном образовательном стандарте». В научной литературе фрагментарно представлены отдельные методические разработки, однако отсутствует целостное представление о системе методов и форматов преподавания генеалогии, учитывающей возрастные особенности учащихся и специфику образовательных учреждений [6].

Цель настоящей статьи – охарактеризовать и систематизировать основные методы и форматы преподавания генеалогии у школьников, выявить условия их эффективного применения и обосновать необходимость комплексного подхода к организации генеалогической работы в школе.

Прежде чем приступать к характеристике методов и форматов, необходимо определить концептуальные основы преподавания генеалогии в школе. Генеалогическая культура, как отмечает Н.И. Извеков, представляет собой совокупность знаний об истории происхождения семьи, рода и семейных традициях, а также служит инструментом воспитания личности на основе семейных ценностей и исторической памяти [4].

Следовательно, первоначально преподавание генеалогии должно быть направлено не столько на передачу формальных знаний о родственных связях, сколько на формирование у школьников ценностного отношения к истории своей семьи, а через нее – к истории страны.

Н.И. Извеков формулирует и характеризует следующие ключевые педагогические принципы в генеалогическом воспитании учащихся:

- принцип сохранения преемственности поколений (данный принцип предполагает воспитание подрастающего поколения в духе традиционных ценностей, передачи опыта предков и сохранения семейных традиций);
- принцип толерантности (подразумевает под собой нейтральное, но при этом, ценностное отношение к каждой отдельно взятой личности из семейного древа);
- принцип полиинформативности (преподавание генеалогии должно опираться на знания и методы различных дисциплин, например, таких как история, обществознание, география, информатика);
- принцип культуроцентричности (под ним понимается взаимовлияние в формировании нравственной и генеалогической культуры, учитывая различные составляющие);
- принцип единства духовно-нравственных знаний, мотивационной сферы и деятельности, эмоционально-волевой сферы.

Совокупное применение этих принципов, как считает автор, являются основополагающим и стратегически важным в преподавании генеалогии детям и молодежи [5].

Методы преподавания генеалогии представляют собой совокупность способов совместной деятельности учителя и учащихся, направленных на достижение образовательных и воспитательных целей. На основе анализа педагогической практики и научных исследований можно выделить несколько групп методов.

Проектный метод. Рядом исследователей данный метод позиционируется как один из наиболее эффективных в преподавании генеалогии. Он предполагает самостоятельную исследовательскую работу учащихся по сбору, систематизации и презентации информации о своей родословной. Как отмечает С.Е. Макарова, особое значение проектная деятельность приобретает в младшем школьном возрасте. Особенно популярен тот формат, в ходе которой школьники строят свое генеалогическое древо с применением цифровых технологий [8].

Проектная работа по генеалогии может иметь различную сложность в зависимости от возраста учащихся. В начальной школе это может быть простое составление генеалогического древа с фотографиями ближайших родственников. В средней школе проект может являться уже более глубоким

исследованием с изучением семейных архивов и документов, устными опросами и систематизации информации. Для старшеклассников вполне применим формат полноценного научного исследования, включающего в себя работу в архивах и использование специализированных баз данных (например, таких как «Память народа» и «Памяти героев Великой войны 1914–1918»).

А.Ю. Курин и О.А. Самохвалова предлагают структурно-функциональную модель управления генеалогическим проектом, которая интегрирует различные блоки: целевой, теоретический, методический и результативный. Как подчеркивается в исследовании, важность реализации такого формата как генеалогический проект заключается в его «высокой личностной значимости, междисциплинарности и этической обусловленности». Эти особенности авторы и предлагают учитывать при выборе методов и форматов преподавания [6].

Исследовательский метод. Тесно связан с проектным методом, но имеет свою специфику. Данный формат обучения предполагает более глубокое погружение в источники, овладение историческими методами научного поиска и анализа. Как показывает опыт организации учебно-исследовательской работы в Санкт-Петербурге, описанный В.И. Аксельродом, генеалогические исследования школьников включают работу с документами, интервьюирование родственников, анализ архивных материалов.

Исследовательская деятельность в области генеалогии формирует у школьников важные учебные и исследовательские компетенции. К ним относятся: умение работать с источниками, анализировать и систематизировать информацию, делать обоснованные выводы, представлять результаты своего труда. При этом, В.И. Аксельрод отмечает, что генеалогические исследования «объединяют младшие и старшие поколения внутри одной семьи», в них заложен «большой нравственный смысл» [1].

Игровые методы. Делают процесс изучения генеалогии более увлекательным и доступным для детей младшего и среднего возраста. К таким методам можно отнести: настольные игры-путешествия по родословной, викторины и квесты на генеалогическую тематику. Игровые методы способствуют эмоциональному вовлечению школьников, развитию интереса к истории семьи и формированию положительного отношения к генеалогическим исследованиям [9].

Словесно-наглядные методы. Являются базовыми для любого образовательного процесса. В преподавании генеалогии они используются для знакомства учащихся с историей генеалогии как науки, с основными понятиями (род, поколение, родословная, генеалогическое древо), а также с методами генеалогических исследований. Важным элементом наглядного обучения является демонстрация примеров генеалогических деревьев, образцов исторических документов. Как показывает практика, интерес у школьников вызывает изучение родословных на примере известных исторических личностей, а также знакомство с генеалогическими схемами, составленными их сверстниками [2].

Формы преподавания генеалогии определяют организационную структуру образовательного процесса. В современной школе могут быть использованы различные форматы, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения.

Урочная деятельность. Является основной формой организации образовательного процесса в школе. Однако, как отмечается в исследовании А.Ю. Курина и О.А. Самохваловой, такая деятельность должна быть постоянной и равномерно распределенной. Авторы делают особый акцент на том, что фрагментарное изучение генеалогии не позволяет сформировать устойчивый интерес к семейной истории и осознанное отношение к ней. Тем не менее, урочная деятельность создает необходимую основу для генеалогического образования. В рамках предмета «Окружающий мир» в начальной школе учащиеся знакомятся с понятием семьи, семейных ценностей, традиций. На уроках истории и обществознания в средней и старшей школе может быть организовано изучение генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины. В рамках предмета «Индивидуальный проект» в старшей школе учащиеся могут также выполнять генеалогические исследования [6].

Внеурочная деятельность. Открывает значительно более широкие возможности для систематического изучения генеалогии. Н.В. Люля предлагает программу внеурочной работы, направленную на знакомство учащихся с историей происхождения семьи, рода, семейными традициями. В эту программу автор предлагает включать как организацию ежемесячных занятий для школьников, так и повышение квалификации преподавательского состава по вопросам генеалогии [7].

Одной из форм внеурочной работы также является школьный кружок. Г.Н. Еременко представляет программу работы школьного кружка «Твоя родословная», основной целью которого является «нравственно-патриотическое воспитание детей через приобщение их к изучению прошлого семьи». Программа построена с учетом возрастных особенностей учащихся и рассчитана на три года обучения (6–8 классы) [3].

Конкурсы и конференции. Также являются неотъемлемой формой комплексного подхода, стимулирующим исследовательскую активность школьников и дающим возможность представить результаты своей работы. Такие конкурсы является одной из форм генеалогического воспитания школьников.

В пример можно привести конкурс исследовательских работ по родословию, который проводится в Санкт-Петербурге. По его итогам также проводится городская конференция юных генеалогов «Родословные петербургских школьников в истории России и города». Организаторами конкурса и конференции выступают городской Дворец творчества юных, культурно-патриотическое молодежное общественное движение «Юные за возрождение Петербурга» и Всемирный клуб петербуржцев. Важной особенностью данного конкурса является отсутствие возрастных ограничений. В нем могут участвовать не только подростки и старшие школьники, но и учащиеся младших классов. При этом работы дифференцируются по глубине изучения истории семьи. Так, у старшеклассников это серьезные генеалогические исследования, а у младших школьников – небольшие рассказы о семейных историях и преданиях. Как подчеркивает В.И. Аксельрод, в истории каждой семьи «как в капле воды отражается история поколения и всей страны» [1].

Эффективность использования методов и форм преподавания генеалогии во многом зависит от учета возрастных особенностей учащихся. В начальной школе (1–4 классы) целесообразно использовать игровые и наглядные методы, простые проектные задания (поделиться информацией о семейной реликвии, придумать герб семьи). Как показывает практика, в начальной школе основы изучения истории своей семьи только закладываются, поэтому остается важным заинтересовать учащихся и поддерживать их мотивацию к изучению.

В основной школе (5–9 классы) происходит переход к более серьезным исследовательским проектам. Здесь логичнее всего внедрять исследовательские проекты, знакомить школьников с методами сбора информации, давать задания по интервьюированию старших родственников, обучать работе в электронных базах данных.

В старшей школе (10–11 классы) генеалогические исследования могут приобретать характер полноценной научной работы с привлечением архивных источников и применением методов исторического анализа. Собранные информация обобщается и структурируется. Учащиеся проводят в своих работах параллели между историческими событиями своей страны с событиями в истории своей семьи, тем самым составляя целостную картину истории рода. На этом этапе особое значение приобретает проектная деятельность, а также презентация полноценных исследований на конференциях и конкурсах научно-исследовательских работ [7].

Преподавание генеалогии в школе представляет собой педагогический процесс, требующий применения разнообразных методов и форм. К числу основных методов преподавания генеалогии относятся проектный, исследовательский, игровой и словесно-наглядный. Основными формами

организации генеалогической работы выступают урочная деятельность, внеурочные занятия и кружки, конкурсы и конференции.

Эффективное преподавание генеалогии требует учета возрастных особенностей учащихся и предполагает постепенное усложнение задач по мере развития навыков: от составления простого генеалогического древа в начальной школе до полноценных научных исследований в старшей. При этом наиболее результативным является комплексный подход, интегрирующий различные методы и формы в единую образовательную практику.

Проведенный анализ показывает, что ни один из методов или форм обучения сам по себе не может обеспечить полноценное генеалогическое образование. Требуется разработка комплексного подхода, который смог бы интегрировать различные методы и формы в единую образовательную систему.

Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку единой программы преподавания генеалогии в рамках ФГОС и составление конкретных методических рекомендаций для учителей, а также на оценку эффективности влияния различных методов и форм преподавания генеалогии на формирование патриотических чувств и гражданской идентичности школьников.

Литература:

1. Аксельрод, В. И. Соединить разорванную нить / В. И. Аксельрод // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения. – 2013. – № 2.
2. Бабушкина, О. Ю. Особенности организации генеалогических исследований школьниками / О. Ю. Бабушкина // Исследователь/Researcher. – 2009. – № 2.
3. Еременко, Г. Н. «Твоя родословная». Программа работы школьного кружка / Г. Н. Еременко // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. – 2006. – № 4.
4. Извеков, И. Н. Формирование генеалогической культуры учащейся молодежи / И. Н. Извеков // Вестник ТГУ. – 2010. – № 11.
5. Извеков, И. Н. О соотношении теории и практики формирования генеалогической культуры учащейся молодежи / И. Н. Извеков // Гаудеамус. – 2014. – № 1 (23).
6. Курин, А. Ю. Теоретические основы управления генеалогическими проектами в системе общего образования / А. Ю. Курин, О. А. Самохвалова // Гаудеамус. – 2025. – № 4.
7. Люля, Н. В. Формирование генеалогической культуры детей и молодежи посредством внеурочной работы в образовательных учреждениях общего образования / Н. В. Люля // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 11 (103).
8. Макарова, С. Е. Формирование семейных ценностей у младших школьников в процессе изучения предмета «Окружающий мир» / С. Е. Макарова // Молодой ученый. – 2023. – № 3 (450). – С. 257-260.
9. Соколова, Ю. А. Формирование исторических представлений младших школьников через изучение истории семьи и составление родословной / Ю. А. Соколова, Л. А. Милованова // Ученые записки Шадринского государственного педагогического университета. – 2026. – № 2.

Горькавая И.А.

бакалавр

кафедра коммуникационного дизайна

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
имени А.Д.Крячкова»**Gorkavaya I.A.**

Bachelor

Department of Communication Design

A.D. Kryachkov Novosibirsk State University of Architecture, Design, and Arts

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА НА ПРОЕКТИРОВАНИЕ АЙДЕНТИКИ ИСТОРИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ТВОРЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – недостаточной проработки визуальной репрезентации в айдентике исторически значимых творческих пространств. Задача исследования поставлена в определение особенностей стратегии проектирования айдентики для современного образа, творческих пространств, относящихся к региональному культурному коду. Для решения поставленной задачи проведен анализ существующих практик проектирования айдентики культурных и творческих пространств, выполнена проектная разработка айдентики творческой дачи «Рамены» и основанной на ней сувенирной продукции. Для оценки восприятия разработанных решений проведена их апробация посредством пользовательского тестирования, включавшего взаимодействие участников с физическими образцами сувенирной продукции и фиксацию обратной связи от участников. Отмечается взаимосвязь между культурным кодом территории и формированием визуальной идентичности. Сделан вывод о целесообразности использования культурного кода как содержательной основы проектирования айдентики творческих пространств.

Ключевые слова: айдентика, дизайн код, фирменный стиль, культурный код, творческие пространства, брендинг.

THE INFLUENCE OF CULTURAL CODE ON THE DESIGN OF IDENTITY OF HISTORICALLY SIGNIFICANT CREATIVE SPACES

Abstract. The article is devoted to an urgent problem – insufficient elaboration of visual representation in the identity of historically significant creative spaces. The purpose of the research is to determine the specifics of the identity design strategy for the modern image, creative spaces related to the regional cultural code. To solve this problem, the analysis of existing practices of designing the identity of cultural and creative spaces was carried out, the design development of the identity of the creative cottage "Ramena" and souvenir products based on it was carried out. To assess the perception of the developed solutions, they were tested through user testing, which included the interaction of participants with physical samples of souvenir products and recording feedback from participants. The relationship between the cultural code of the territory and the formation of visual identity is noted. The conclusion is made about the expediency of using the cultural code as a meaningful basis for designing the identity of creative spaces.

Keywords: identity, design code, corporate identity, cultural code, creative spaces, branding.

Введение

Актуальность проблемы выражается в активном развитии арт-пространств и растущий интерес к культурным творческим пространствам, в основе которых культурный код территории, а также включено историческое значение выдающихся личностей. Целью статьи является выявление особенностей влияния культурного кода на разработку айдентики исторически значимых творческих пространств и интеграцию в элементы и носители айдентики. Проблема заключается в том, что репрезентация подобных объектов часто выполняется с не достаточная проработка визуальной концепции айдентики. Материалом исследования послужили историко-культурные и визуальные материалы, связанные с жизнью и творчеством В. А. Раменского, а также научные публикации. Основным источником сведений о творческом наследии художника выступила монография Ю. В. Раменской «В. Раменский: жизнь и творчество» [5]. Методологической базой для анализа послужило использование следующих методов исследования: структурно-системный анализ, проектный метод с дальнейшим пользовательским тестированием разработанной брендированной продукции, анализ полученных результатов.

Рассмотрим важность структурированного подхода к разработке айдентики значимых мест. Для исторически значимых творческих пространств, аутентичность приобретает особое значение, поскольку визуальная идентичность должна не только обеспечивать узнаваемость объекта, но и отражать его историко-культурный контекст. Сохранение исторической ценности, часто бывает не подкреплено целостной визуальной системой, раздроблено из-за чрезмерного использования трендовых приемов в средствах визуальной выразительности. Элементы и способы передачи особенностей территории средствами коммуникаций, отражают посыл бренда. Визуальное представление аудитории способствует улучшению продвижения из-за структурной передачи информации по средствам взаимосвязанных графических элементов, ассоциирующихся у потребителя с брендом. Элементы, напрямую контактирующие с потребителем, отражают позиционирование и культурный контекст пространства. Основные элементы: фирменный знак, цвет, шрифт, графические элементы фирменного стиля взаимосвязаны общей историей продукта, презентуемого потребителю. Контекстная взаимосвязь носителей фирменного стиля с территорией или значимой личностью, выделяет компанию на фоне конкурентов. В исследовании М. К. Грегерсена и Т. С. Йохансен, посвящённом визуальной идентичности организаций, среди ключевых направлений исследований выделяется проблема аутентичности визуальной идентичности [7].

Выявление и анализ исторически-значимых для пространства аспектов позволяет сделать элементы и носители фирменного стиля узнаваемыми у целевой аудитории и сохранить аутентичность пространства.

Культурный код как основа формирования айдентики творческих пространств

Культурный код местности состоит из набора характеристик, относящихся к территории, в статье за основу взяты следующие критерии идентичности местности: язык, населяющие её народы, исторически значимые личности, территориальные особенности развития культуры. Визуальная идентичность творческих пространств, которые содержат культурный код местности, поддерживается в элементах и носителях айдентики. Идентичность элементов является важным способом выражения значимости продукта, его особенностей, помогает формировать доверие, ассоциативные связи с брендом, повышая узнаваемость и восприятие культурного контекста местности. Мерчандайзинг позволяет сохранять в айдентике важную тенденцию на повышение эксклюзивности продукта через носители айдентики [7]. То есть **дизайнер не придумывает содержание айдентики с нуля**, а сначала выявляет культурные смыслы, которые уже существуют в пространстве, и являются динамическим конструктором. [3]

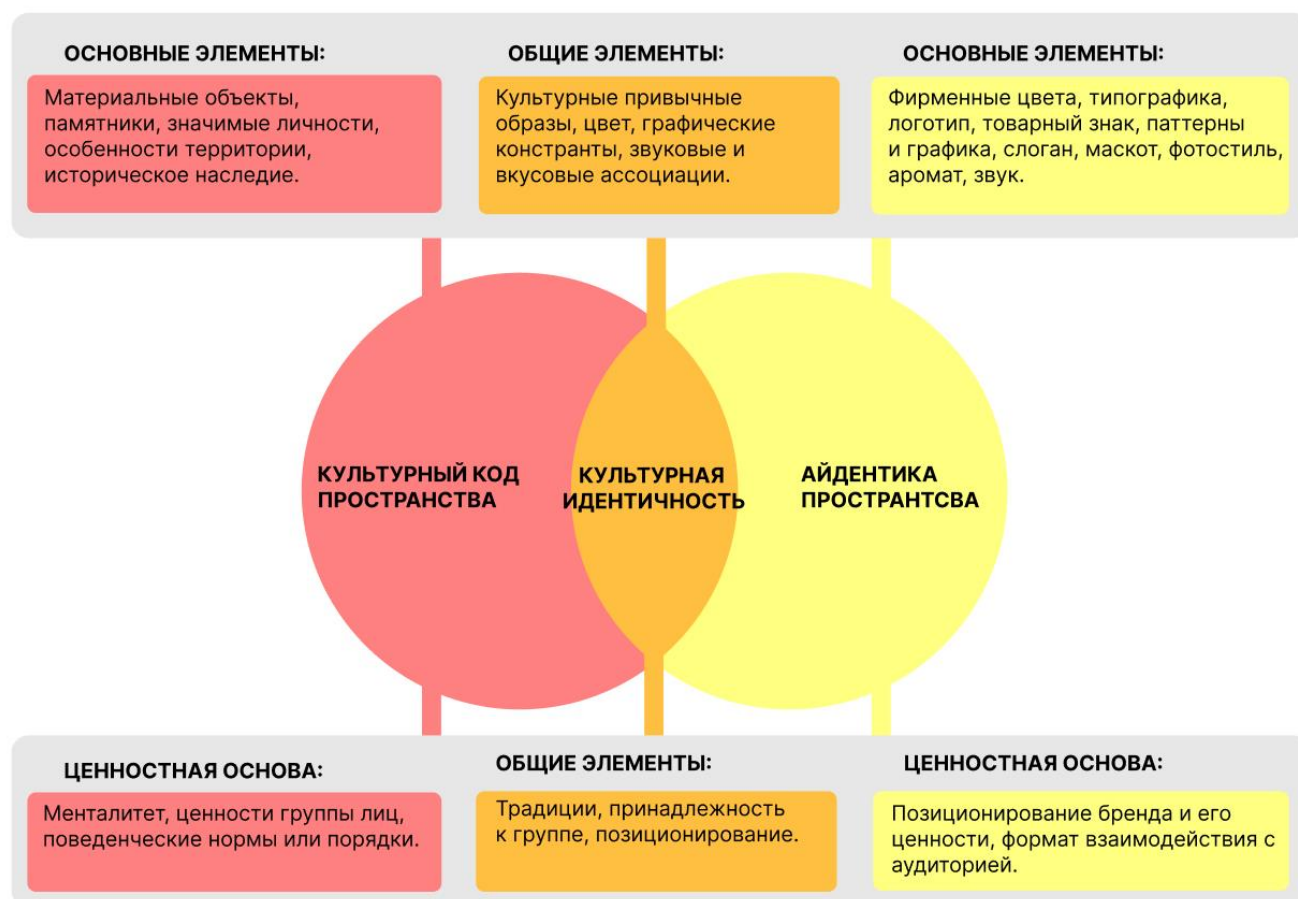

Рисунок 1. Взаимосвязь культурного кода исторически значимой местности с айдентикой творческого пространства.

Источник: составлено автора

Айдентика выделяет культурные смыслы, уже существующие в контексте культурного кода местности, таким образом локальная культура и традиции выступают значимым ресурсом развития творческих пространств, поскольку позволяют формировать их связь с конкретной территорией и актуализировать её культурную идентичность [2, 6]. В своем исследовании О. Бударина связывает культурную идентичность с формированием бренда территории и выделяет её в качестве ресурса создания уникального образа места [1]. Ассоциации, которые первоначально взаимосвязаны с пространством являются основополагающими константами и внедряются в фундамент любой айдентики. Общие элементы между культурным кодом местности и творческим пространством, базирующимся на этой территории тесно взаимосвязаны. Визуальные и ценностные элементы, выполненные в единой системе, отображают айдентику места через традиции, принадлежность к группе и позиционирование бренда.

Так как уникальность творческого пространства определяется культурным контекстом, историей и особенностями территории, при проектировании его айдентики возникает необходимость выявления ключевых графических элементов, подтверждающих его причастность к местности [4, 6]. Отображаемые привычные образы, цвета, графические константы, ассоциации позволяют потребителю обращать внимание на систему смыслов и легче воспринимать проект как презентацию уже имеющейся истории (рис. 1). Такой подход в дизайне позволяет сохранить исторический контекст для современной интерпретации

Интерпретация культурного кода в проектировании айдентики творческой дачи «Рамены»

На примере разработки айдентики творческой дачи Заслуженного художника России В. А. Раменского было выявлено несколько аспектов, по которым следует отбирать элементы культурного наследия для формирования айдентики. Творческая дача Заслуженного художника России В. А. Раменского — культурное пространство, расположенное в селе Озерки в Алтайском крае, связанное с наследием художника. Объект объединяет мастерскую, природный ландшафт и творческую среду, отражающую историю такого феномена.

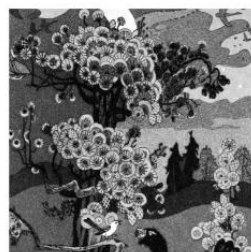
Линогравюры В. А. Раменского; техника выполнения работ.

Дача художника, действующий экскурсионный объект расположенный в частном секторе.

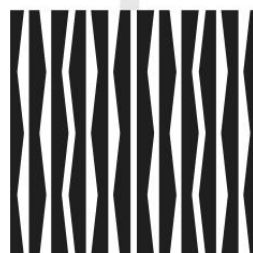
Используемый В. А. Раменским образ коня на алтайских полях.

Образы природы Алтайского края.

Композиция и цвета часто используемые в работах художника.

Динамика линии; темные цвета; контраст.

Образ дачи; Зеленый цвет.

Образ лошади; динамичная текстура.

Образ сосновой ветви.

Образ В. А. Раменского; основной цвет; обрамление композиции рамками.

Рисунок 2. Адаптация культурного кода исторически значимой местности в айдентике творческой дачи «Рамена»

Источник: разработано автора

Анализ материалов о жизни и творчестве В. А. Раменского позволяет выделить несколько групп характеристик, потенциально значимых для формирования культурного кода пространства: художественное наследие, архитектурное наследие творческой дачи, связь с Алтайским краем, книжную графику и особенности авторского художественного языка [5] (рис. 2). Проект айдентики основан на идее возрождения традиции творческих дач как особых культурных пространств, предназначенных для художественного труда, обмена опытом и формирования творческого сообщества. Творческие пространства выступают площадками для реализации художественной деятельности и элементами культурной среды территории. М. В. Казакова рассматривает арт-резиденции как инструмент развития городов, связывая их деятельность с культурным контекстом и особенностями территории [2]. Развитие творческих пространств позволяет привлекать туризм в регион и повышать культурную осведомленность его жителей.

Раменский, использовал технику линогравюры в большинстве своих работ. Основная идея — это соединить узнаваемые черты линогравюры в элементах фирменного стиля. Созданные иллюстрации отсылают на часто используемые в работах художника образы. Взаимодействие с образами и ценностями,

которые уже существуют в контексте культурного кода местности позволяет сделать айденитику структурированным механизмом демонстрации культурного пространства. Графическая интерпретация образа дачи художника, природы Алтайского края, линогравюры, образа художника, демонстрирует особенность творческого пространства.

Взаимосвязь образов В. А. Раменского, работ художника и техники их исполнения с особенностями региональной природы делает объект доступным для понимания широкой целевой аудитории, заинтересованной в региональном туризме. Но не каждый элемент культурного наследия становится репрезентативным символом территории. Как показывает Ю. А. Кривошапова отдельные характеристики приобретают функцию идентификаторов территории благодаря своей устойчивой связи с её образом и закреплению в коллективном восприятии [3]

Апробация предметных носителей айденитики и взаимодействие аудитории с культурным кодом

В рамках исследования было проведено пользовательское тестирование разработанных носителей элементов айденитики. Участникам были представлена демонстрационная брендированная продукция: футболка белого цвета со слоганом «твой отпечаток уникален» и фирменной пиктограммой с изображением В. А. Раменского, кепка фирменного цвета с логотипом, флажок на металлической подставке с логотипом и паттерном, визитная карточка в фирменных цветах из матового пластика 6 миллиметров с выступающей фирменной пиктограммой с образом сосновой ветви и брелоки в фирменных цветах, квадратной формы, из матового пластика 6 миллиметров с выступающей фирменной пиктограммой с тремя вариантами на выбор. При выборе и разработки носителей учитывалось возможность взаимодействия пользователя с ними. В конструкции брелоков особое внимание участников было уделено возможности взаимодействия участников с объектом. Выступающая часть брелоков и визитной карточки при нанесении на неё тонкого слоя краски позволяла оставить отпечатки. Интерпретация техники художника в мерчандайзинге оказала положительное влияние на заинтересованность участников. Взаимодействие с объектами, в которых техника линогравюры В. А. Раменского была переосмыслена средствами современного предметного дизайна, дало незаметный переход от ознакомления с культурным кодом местности к непосредственному взаимодействию с историей. Переход от визуального восприятия информации к взаимодействию вызвал активное общение участников тестирования и повышенный интерес к тематике творческого пространства. Другие макеты брендированной продукции не вызвали аналогичного отклика у участников тестирования.

Следовательно, брендированная продукция, отражающая историю творческих пространств через взаимодействие с аудиторией, повышает вовлеченность. По результатам апробации идентичность бренда стала понятна не информированной группе, которая познакомилась с элементами культурного наследия пространства и включилась в контекст. Инструмент передачи и актуализации культурного кода, выполненный с учетом основной особенности бренда, позволяет вызывать запоминающиеся ассоциации.

Выводы:

В данной статье была установлена важность влияния культурного кода на проектирование айденитики исторически значимых пространств. Сохранение социокультурных традиций на территории исторически-значимых мест можно реализовать через акцентирование на них внимания. Включение дизайнером элементов культурного кода в современной интерпретации позволяет сохранять аутентичность места и делать айденитику структурированной и обоснованно подходящей для организации. Основные элементы и ценностная основа культурного кода местности с реализованной айденитикой создаёт культурную идентичность пространства и позволяет дизайну быть включенным в контекст истории. Общие элементы могут передавать культурные, графические, эмоциональные образы, позволяя потребителю легче включаться в контекст бренда. Реализованный пример айденитики творческой дачи Заслуженного художника России В. А. Раменского демонстрирует способ включения

культурного кода местности в разработку айдентики. Переосмысление принципов формирования элементов фирменного стиля через адаптацию культурного наследия в современной интерпретации позволяет сохранить историю места и заинтересовать широкую аудиторию. Визуальная идентичность способствует лучшему восприятию товара или услуги, которая реализуется творческим пространством. Проведенная апробация сувенирной продукции показала важность взаимодействия аудитории с элементами айдентики. Эмоциональный отклик участников тестирования вызвало физическое взаимодействие с элементами бренда даже без включенности в исторический контекст.

Таким образом при проектировании исторически значимых пространств должен происходить анализ культурного наследия, относящегося к проекту, и дальнейшая адаптация полученной информации по средствам коммуникационного дизайна. Отдельное внимание следует уделять разработке элементов, связанных с историческим контекстом и адаптированных в современной форме. Влияние дизайн кода местности следует рассматривать с учетом актуализации и передачи культурного наследия средствами современного коммуникационного дизайна.

Литература:

1. Бударина О. А. От культурной идентичности – к добавленной стоимости (из французского опыта) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 2 (70). – С. 56–61.
2. Казакова М. В. Междисциплинарные арт-резиденции – новый импульс для развития городов // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 4. – С. 1117–1140. – DOI: 10.18334/ce.15.4.111891. – EDN: NCZYHF.
3. Кривошапова Ю. А. Лингвокультурные идентифицирующие символы Русского Севера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11, вып. 4. – С. 22–32. – DOI: 10.17072/2073-6681-2019-4-22-32.
4. Лапынина М. В. Актуальные тенденции в айдентике арт-пространств // Шаг в науку. – 2023. – № 2. – С. 89–91.
5. Раменская Ю. В. В. Раменский: жизнь и творчество / Ю. В. Раменская; Министерство культуры Алтайского края, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2021. – 288 с.: ил. – (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).
6. Федотова Н. Г. Территориальная идентичность как символический ресурс региона // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – № 7 (90). – С. 105–109.
7. Gregersen M. K., Johansen T. S. Organizational-level visual identity: An integrative literature review // Corporate Communications: An International Journal. – 2022. – Vol. 27, no. 3. – P. 441–456. – DOI: 10.1108/CCIJ-06-2021-0068.

Степанова А.А.

студент

кафедра физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет

имени Козьмы Минина»

e-mail: annistep123456gmail.com@mail.ru

Stepanova A.A.

Student

Department of Physical Education, Sports, and Life Safety
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin

МАССОВЫЙ ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ БЕГ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И СЕУЛЕ: РЕЗУЛЬТАТИВНАЯ И РЕКРЕАЦИОННАЯ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются массовые любительские забеги как форма городской физической культуры и как социальное событие, в котором спортивный результат сочетается с оздоровительной, рекреационной и коммуникативной функциями. Цель работы – сравнить особенности организации и восприятия массовых беговых стартов в Санкт-Петербурге и Сеуле на основе личного опыта участия автора и анализа открытых источников. Используются сравнительно-описательный метод, анализ официальных материалов организаторов, статистических данных и научных публикаций о мотивации рекреационных бегунов. Показано, что в петербургском беговом опыте сильнее проявляется ориентация на личный результат, темп и место в протоколе, тогда как наблюдаемый сеульский старт воспринимался как более рекреационный, семейный и оздоровительный. Сопоставление протоколов финиша иллюстрирует возможное различие в составе участников: в Санкт-Петербурге был зафиксирован результат 81 место из 89, а в Сеуле – 249 место из 706 среди женщин и 548 место из 1297 в общем зачете. Сделан вывод, что различия между стартами связаны не столько с качеством организации, сколько с социальным смыслом участия: массовый бег может быть одновременно пространством спортивного достижения и доступной формой городского досуга.

Ключевые слова: массовый спорт, любительский бег, рекреационный бег, физическая культура, массовые забеги, Санкт-Петербург, Сеул, мотивация участников, городской спорт, здоровый образ жизни, спортивное событие.

MASS AMATEUR RUNNING IN SAINT PETERSBURG AND SEOUL: PERFORMANCE-ORIENTED AND RECREATIONAL MODELS OF PARTICIPATION

Abstract. The article examines mass amateur running events as a form of urban physical culture and as a social event combining athletic performance, health-oriented recreation and communication. The purpose of the paper is to compare the organization and perception of mass running events in Saint Petersburg and Seoul based on the author's personal participation experience and the analysis of open sources. The study uses a comparative-descriptive method, official materials of race organizers, statistical data and academic publications on recreational runners' motivation. The analysis shows that the Saint Petersburg running experience is perceived as more focused on personal performance, pace and race results, whereas the observed Seoul event appears more recreational, family-oriented and health-oriented. The comparison of finish protocols serves as a micro-illustration of this possible difference: in Saint Petersburg the recorded result was 81st out of 89 participants,

while in Seoul it was 249th out of 706 women and 548th out of 1297 participants overall. The paper concludes that the difference between the events is related not only to the quality of organization, but also to the social meaning of participation: mass running can function both as a space of personal achievement and as an accessible form of urban leisure.

Keywords: mass sport, amateur running, recreational running, physical culture, running events, Saint Petersburg, Seoul, participant motivation, urban sport, healthy lifestyle, sport event.

Введение

Массовые любительские забеги в последние годы стали заметной частью городской культуры. Для одних участников это способ проверить физическую подготовку, улучшить личный результат и сравнить себя с другими бегунами. Для других – возможность провести время активно, выйти на старт вместе с друзьями или семьей, получить новый опыт и поддержать привычку к движению. Поэтому массовый бег следует рассматривать не только как спортивное соревнование, но и как социальную практику, связанную с образом жизни, городской средой и культурой досуга.

Актуальность темы связана с общей проблемой недостаточной физической активности населения. По данным Всемирной организации здравоохранения, регулярная физическая активность положительно влияет на физическое и психическое здоровье, однако 31 % взрослых и 80 % подростков в мире не достигают рекомендуемого уровня активности [5]. В этом контексте массовые забеги могут выполнять не только соревновательную, но и просветительскую и оздоровительную функцию: они снижают психологический барьер входа в спорт и делают физическую активность частью городской повседневности.

Цель статьи – сравнить особенности организации и восприятия массовых любительских забегов в Санкт-Петербурге и Сеуле. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: рассмотреть развитие массового бега как формы городской активности; сопоставить организационные параметры российских и южнокорейских стартов; проанализировать личный опыт участия автора; выявить различия в социальном смысле участия – ориентации на результат или на рекреационный формат.

Материалы и методы

Исследование имеет сравнительно-описательный характер. Эмпирическую основу составили данные включенного наблюдения, полученные в ходе участия в массовых любительских забегах в Санкт-Петербурге и Сеуле, а также сведения из протоколов финиша. В процессе наблюдения фиксировались особенности регистрации, стартового пакета, дистанций, организации старта и финиша, поведения участников, присутствия семейной аудитории, работы волонтеров, наличия пунктов воды, навигации, поддержки на трассе и бытовой инфраструктуры после завершения дистанции.

Дополнительно были проанализированы открытые источники: материалы Всемирной организации здравоохранения, World Athletics, данные портала «ПроБЕГ», материалы Министерства культуры, спорта и туризма Республики Корея, а также официальные страницы организаторов Blue Sky Run 2026.

Ограничением исследования является то, что данные включенного наблюдения не являются репрезентативным социологическим опросом и не позволяют утверждать, что все российские или все южнокорейские забеги организованы одинаково. В статье анализируется конкретный опыт участия и сопоставляются два наблюдаемых формата массового старта. Поэтому выводы следует понимать как качественное сравнение, а не как статистическое доказательство превосходства одной беговой культуры над другой.

Массовый бег как форма городской физической культуры

Любительский бег удобен для массового спорта по нескольким причинам. Он не требует сложного оборудования, может быть адаптирован под разные уровни подготовки и легко вписывается в городское пространство: парки, набережные, улицы и стадионы. В одном событии могут участвовать опытные спортсмены, начинающие бегуны, подростки, семьи с детьми и люди, которые воспринимают дистанцию скорее как активную прогулку, чем как соревнование.

Международные данные подтверждают, что для рекреационных бегунов важны не только спортивные достижения. В исследовании World Athletics и Nielsen, проведенном в 10 странах, четыре из десяти респондентов назвали себя бегунами; среди бегунов распределение по полу оказалось почти равным: 53 % мужчин и 47 % женщин. При этом среди главных причин занятий бегом назывались здоровье, возможность двигаться в собственном темпе и отсутствие необходимости в сложной экипировке [3].

Российский рынок массовых стартов также демонстрирует рост. По данным портала «ПроБЕГ», в 2024 году в России прошло не менее 5743 беговых мероприятия, из них 385 – в Санкт-Петербурге. Всего на российских забегах финишировало не менее 901 тыс. человек, а доля женщин среди финишеров составила 44 % [4]. Эти данные показывают, что бег в России уже является развитой массовой практикой, особенно в крупных городах.

В Южной Корее рост интереса к бегу также фиксируется на уровне государственных статистических материалов. Согласно данным Министерства культуры, спорта и туризма Республики Корея, доля занятий «бегом, джоггингом и марафоном» среди регулярно практикуемых видов физической активности выросла с 4,8 % в 2024 году до 7,7 % в 2025 году [6]. Это позволяет рассматривать бег в Корее не только как спортивное соревнование, но и как часть более широкого тренда на здоровый образ жизни.

Организация массовых стартов: Санкт-Петербург и Сеул

Организационно российские и южнокорейские массовые старты имеют много общего: регистрация, стартовый номер, хронометраж, волонтеры, пункты воды, медаль финишера, зона выдачи стартовых пакетов и публикация результатов. Однако различия проявляются в деталях: доступности регистрации, составе участников, ограничениях, коммуникации организаторов и общем восприятии мероприятия.

Официальный регламент Blue Sky Run 2026 в Сеуле указывает три дистанции: 5 км, 10 км и half. Старт был запланирован на 6 июня 2026 года в районе World Cup Park Peace Plaza. Участие было открыто для физически здоровых мужчин и женщин разных возрастов, на всех дистанциях использовался чип-хронометраж, а стоимость участия составляла 50 000 KRW [1]. Стартовый пакет воспринимался не только как технический набор участника, но и как часть событийного формата: в него входили памятные элементы, перекус, медаль, а также фирменная футболка с возможностью выбора размера и цвета. Регистрация на корейский старт воспринималась как более сложная для иностранного участника. Вероятными причинами стали языковой барьер, локальные интерфейсы и раннее закрытие записи на многие мероприятия. При этом сама организация в день старта была понятной и комфортной: были обозначены камера хранения, туалеты, зона получения стартового пакета и основные точки навигации.

Для сравнения, в Санкт-Петербурге включает дистанции 5 км, 10 км, 42,2 км и эстафету. Организаторы указывают сертифицированные трассы, вечерний формат старта, электронную регистрацию, выдачу стартовых пакетов, медицинские требования и отдельные квалификационные условия для попадания в сильные стартовые кластеры [7]. Для дистанции 10 км стоимость участия для граждан России варьировалась от 2500 до 6000 рублей в зависимости от срока регистрации [7]. Кроме того, регламентом запрещено участие с колясками, животными и средствами передвижения на дистанции [7].

Эти различия не означают, что один старт организован лучше другого. Скорее они показывают разные акценты. Петербургский флагманский старт сильнее встроен в спортивную логику: медицинские справки, кластеры, квалификация, фиксированные правила, ориентация на результат. Сеульский старт в наблюдаемом опыте воспринимался мягче: он был понятен на месте, включал подарки, разминку, поддержку, семейную атмосферу и большое количество участников, которые не стремились бежать на пределе.

Таблица 1. Сравнение организационных характеристик массовых забегов в Санкт-Петербурге и Сеуле

Параметр	Санкт-Петербург	Сеул	Комментарий
Наблюдаемый формат	Крупный городской старт с выраженной спортивной логикой	Массовый городской старт с выраженной рекреационной атмосферой	Речь идет о конкретных наблюдаемых стартах, а не обо всех забегах страны
Дистанции	5 км, 10 км, 42,2 км, эстафета	5 км, 10 км, half	
Регистрация	Более привычна для российского участника, но зависит от сроков и лимитов	Для иностранного участника сложнее из-за языка и локальных интерфейсов	Сложность регистрации не означает слабую организацию самого события
Стоимость	10 км – 3500–6000 руб. в зависимости от срока регистрации	50 000 KRW	Стоимость участия в целом сопоставима
Хронометраж	Электронная фиксация результата, стартовые кластеры, квалификация для сильных участников	Чип-хронометраж на всех дистанциях	В обоих случаях результат официально фиксируется
Стартовый пакет	Номер, чип, пакет для камеры хранения, медаль на финише	Футболка, медаль, сертификат, перекус	В Сеуле стартовый пакет воспринимался как часть событийного формата
Семейность	На флагманском старте участие с колясками запрещено	По личным наблюдениям, было больше семей, детей и подростков	Семейность усиливает рекреационный смысл забега
Атмосфера	Больше ориентации на темп, протокол и личный результат	Больше участников, бегущих спокойно, ради здоровья и участия	Это качественное наблюдение

Отношение участников к бегу: результат и участие

Главное различие между двумя стартами проявилось не только в организации, но и в атмосфере. В Санкт-Петербурге, по личным наблюдениям, сильнее ощущалась ориентация на спортивный результат: участники чаще воспринимали забег как проверку темпа, личного прогресса и места в протоколе. Даже если человек не претендует на призовое место, он может сравнивать результат с прошлым стартом, ориентироваться на средний темп и оценивать себя через итоговую позицию.

В Сеуле сильнее проявилась другая сторона массового бега – участие как форма здорового городского досуга. В ходе сеульского старта было отмечено, что значительная часть участников выбирала спокойный темп, переходила на шаг или ненадолго останавливалась для восстановления дыхания. Такое

поведение не воспринималось как неудача или нарушение спортивной логики старта. Также было заметно присутствие семей, детей и подростков. В результате забег воспринимался не только как соревнование, но и как городское событие, в котором важно само участие.

При этом противопоставление «Россия – результат, Корея – удовольствие» было бы слишком упрощенным. В обеих средах есть и сильные спортсмены, и начинающие бегуны, и люди, бегущие ради здоровья. Более корректная формулировка заключается в следующем: в рассматриваемом петербургском опыте сильнее проявилась результативная модель участия, а в наблюдаемом сеульском старте – рекреационная модель, ориентированная на доступность, здоровье и комфортное прохождение дистанции [2].

Сопоставление результатов как иллюстрация различий

Особенно наглядно различие между стартами проявляется при сравнении не абсолютного времени, а относительной позиции в протоколе. В Санкт-Петербурге был зафиксирован результат 81 место из 89 участников. Это означает, что позади осталось около 9 % участников. В Сеуле относительная позиция оказалась выше: 249 место из 706 среди женщин и 548 место из 1297 в общем зачете. Позади осталось около 65 % женщин и около 58 % всех участников.

Эти данные не доказывают, что в Корее «бегают слабее», а в России «бегают сильнее». Такой вывод был бы методологически некорректным, потому что сравниваются разные старты, разные маршруты, погодные условия, состав участников и организационная среда. Однако сопоставление протоколов позволяет сделать более осторожное предположение: в сеульском старте доля рекреационных участников, пришедших ради спокойного финиша, здоровья и участия, могла быть выше, чем в петербургском старте, где состав участников воспринимался как более подготовленный и ориентированный на результат.

Кроме того, в Сеуле дистанция была преодолена примерно на две минуты быстрее, чем в сопоставимом опыте в Санкт-Петербурге. Этот факт также нельзя объяснять только организацией старта. На результат могли повлиять состояние в день забега, погода, маршрут, рельеф, плотность потока, питание, сон и эмоциональный настрой. Тем не менее организационная среда способна косвенно влиять на результат: понятная навигация, работа волонтеров, наличие воды, поддержка на трассе и отсутствие бытового стресса помогают участнику сосредоточиться на дистанции.

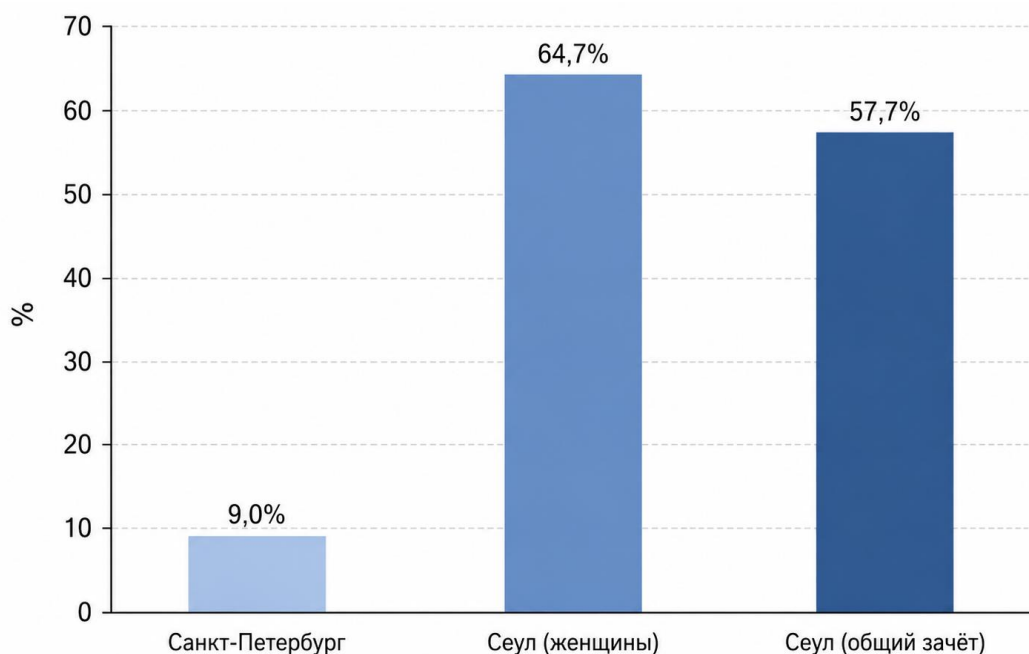

Рисунок 1. Доля участников, оставшихся позади в Санкт-Петербурге и Сеуле

Обсуждение результатов

Проведенное сравнение показывает, что массовый забег выполняет сразу несколько функций. Во-первых, это спортивное событие, где участник может измерить результат. Во-вторых, это инструмент вовлечения в физическую активность. В-третьих, это городское мероприятие, формирующее образ места: улицы, парки и набережные становятся пространством совместного движения.

Для Санкт-Петербурга сильной стороной является развитая беговая инфраструктура, наличие крупных стартов, понятная система регистрации для местных участников и выраженная культура личного результата. Такая модель помогает мотивированным бегунам отслеживать прогресс, дисциплинирует подготовку и поддерживает спортивную идентичность.

Для Сеула в описанном опыте особенно заметны событийность, доступность и более выраженное присутствие семейной аудитории. Поддержка на трассе, стартовый пакет, разминка, медаль, перекус, душевые зоны и спокойная атмосфера делают забег менее пугающим для новичка. Такой формат может быть особенно важен для людей, которые не считают себя спортсменами, но готовы участвовать в физической активности через городской праздник.

Наиболее перспективной представляется не конкуренция этих моделей, а их сочетание. Результативная культура помогает участникам развиваться и видеть прогресс. Рекреационная культура снижает барьер входа, делает бег доступным для семей, детей, подростков и начинающих участников. Чем лучше организатор соединяет эти подходы, тем выше вероятность, что человек вернется к бегу снова.

Выводы

1. Массовый любительский бег следует рассматривать как комплексное явление: это одновременно спорт, городская культура, форма досуга и инструмент вовлечения населения в физическую активность.
2. В рассматриваемом петербургском опыте сильнее проявилась результативная модель участия: внимание к темпу, месту в протоколе, личному прогрессу и спортивной подготовке.
3. В наблюдаемом сеульском старте заметнее была рекреационная модель: участие ради здоровья, комфортного финиша, семейного досуга и атмосферы события.
4. Сопоставление результатов показывает существенную разницу в относительной позиции: в Санкт-Петербурге позади осталось около 9 % участников, в Сеуле – около 65 % женщин и 58 % общего поля.
5. Организационная среда влияет не только на безопасность, но и на эмоциональное состояние участника. Навигация, волонтеры, вода, стартовый пакет, понятная логистика и поддержка на трассе помогают воспринимать забег не как стрессовое испытание, а как доступное городское событие.
6. Для дальнейшего исследования темы целесообразно провести опрос участников массовых забегов в разных странах, отдельно сравнить мотивацию новичков и опытных бегунов, а также изучить влияние стартовой инфраструктуры на желание повторного участия.

Литература:

1. 2026 푸른하늘런. 대회요강 Blue Sky Run 2026. Информация о соревновании [Электронный ресурс]. – URL: <https://blueskyrun.kr/info/> (дата обращения: 13.07.2026). – На кор. яз.
2. Gute D., Schlögl S., Groth A. Keep on Running! An Analysis of Running Tracking Application Features and their Potential Impact on Recreational Runner's Intrinsic Motivation [Продолжай бежать! Анализ функций беговых приложений и их возможного влияния на внутреннюю мотивацию рекреационных бегунов] [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://arxiv.org/abs/2206.09613> (дата обращения: 13.07.2026).

3. World Athletics. New research reveals running boom during COVID-19 pandemic [Новое исследование выявило рост популярности бега во время пандемии COVID-19] [Электронный ресурс] // World Athletics. – 02.06.2021. – URL: <https://worldathletics.org/news/press-releases/global-running-day-research-nielsen> (дата обращения: 13.07.2026).

4. Бег на длинные дистанции в России. Итоги 2024 года [Электронный ресурс] // ПроБЕГ. – 2025. – URL: https://probeg.org/russia_report/2024/ (дата обращения: 13.07.2026).

5. Всемирная организация здравоохранения. Физическая активность: информационный бюллетень [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – 26.06.2024. – URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/physical-activity> (дата обращения: 13.07.2026).

6. Министерство культуры, спорта и туризма Республики Корея. Исследование участия населения в спорте в 2025 году [Электронный ресурс] // Ministry of Culture, Sports and Tourism of the Republic of Korea. – URL: https://www.mcst.go.kr/site/s_policy/subPolicy/sportstour/sportstour29.jsp (дата обращения: 13.07.2026). – На кор. яз.

7. Портал для любителей бега «ПроБЕГ» 2026 [Электронный ресурс] – URL: <https://probeg.org/> (дата обращения: 13.07.2026).

Пульмановская Е.И.

старший преподаватель

кафедра педагогики и психологии

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет спорта»

e-mail: pei.19@mail.ru

Pulmanovskaya E.I.

Senior Lecturer

Department of Pedagogy and Psychology

Smolensk State University of Sport

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ОБРАЩЕНИЮ В ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ СЛУЖБУ ВУЗА

Аннотация. В статье обсуждаются результаты изучения запросов студентов на психологическое консультирование в связи с организацией сети психологических служб в вузах. С помощью опросника «Шкалы психологической разумности» выявлен уровень интереса студентов к своему внутреннему миру, переживаниям, построению достоверного образа Я.

Отмечается понимание пользы обсуждения переживаний, осознания внутреннего опыта, содержания переживаний, студенты открыты новому опыту, готовы к изменениям. Обнаружены проблемы, связанные с недостаточным уровнем навыков рефлексии и готовности к обсуждению проблем в личном контакте с психологом. Найдены гендерные различия в оценках по отдельным шкалам психологической разумности.

Ключевые слова: психологическая разумность, психологическая служба вуза, психологическое консультирование, студенты.

A STUDY OF STUDENTS' READINESS TO APPLY TO UNIVERSITY PSYCHOLOGICAL SUPPORT SERVICES

Abstract. The article discusses the results of a study of students' requests for psychological counseling in connection with the organization of a network of psychological services at universities. Using the "Scales of Psychological mindedness" questionnaire, the level of students' interest in their inner world, experiences, and the construction of a reliable self-image was identified. It is noted that students understand the benefits of discussing their experiences, becoming aware of their inner experience and the content of their feelings; they are open to new experiences and ready for change. Problems related to an insufficient level of reflection skills and readiness to discuss problems in personal contact with a psychologist have been identified. Gender differences have been found in scores on individual scales of psychological rationality.

Keywords: psychological mindedness, university psychological service, psychological counseling, students.

Молодежь является важнейшей социальной категорией, от которой зависит будущее страны. В переломный момент развития общества особенно значимы забота о сохранении здоровья и воспитании подрастающих поколений.

Молодые люди уязвимы к нарушениям ментального здоровья из-за недостаточности жизненного опыта, незрелости нервной системы, неэффективной саморегуляции при высокой стрессовой нагрузке и

требованиях к личности [4]. Характерной особенностью юношества является устремленность в будущее, которое становится все более неопределенным и угрожающим.

Исследователи указывают, что в России пока нет системы профилактики массовых ментальных проблем, аффективных нарушений, а также полноценной медико-психологической помощи, при том, что общество сталкивается с глобальными угрозами [7].

В современных условиях долговременной социально-политической и экономической нестабильности, ухудшающейся социальной и природной среды важнейшим направлением развития личности и целью воспитания детей и молодежи, становится формирование жизнеспособности [3], жизнестойкости и автономии [6].

Идеи и задачи воспитательной деятельности сформулированы в документе «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года». В области здоровья и эмоционального благополучия декларировано расширение доступности и повышение качества оказания психолого-педагогической, психологической помощи.

Актуальной задачей является создание сети психологических служб в вузах по аналогии с подобными службами в сфере общего образования, которые давно функционируют и решают широкий круг проблем.

Разработана «Концепция развития системы психологического сопровождения и психологической помощи в сфере высшего образования Российской Федерации на период до 2030 года» [5]. Необходимость такого нововведения обоснована результатами анализа проблем, связанных с психическим здоровьем, адаптацией к вузу, социализацией, самоактуализацией студентов.

Анализ исследований, посвященных организации психологического консультирования в вузе, показывает, что предметом изучения становятся востребованность этих услуг, характеристики обратившихся за помощью обучающихся (пол, возраст, этап обучения), запросы студентов на оказание консультативной помощи [1, 4].

Данные по изучению запросов студентов на психологическое консультирование очень разнятся, при этом практикующие специалисты подчеркивают существенные расхождения первичного и уточненного запросов, что объясняется особенностями возраста, недостатком жизненного опыта, влиянием интернет-контента, опасением стигматизации и т.д.

При всем разнообразии запросов на первое место выходят проблемы нормализации психического/эмоционального состояния (тревога, стресс, неуверенность, плохое настроение, депрессия, панические атаки).

В психологическом консультировании и коррекции важна готовность клиентов осознавать и обсуждать свои переживания, признавать пользу от обсуждения переживаний. Данное исследование касается процесса психологического консультирования, а именно, готовности студентов быть субъектом консультирования, активно продвигаться в понимании себя и саморегуляции.

Цель исследования: Оценить компоненты психологической готовности студентов к получению консультативной помощи в психологической службе вуза.

Задачи исследования:

1. Выявить основные причины беспокойства и тревоги у студентов, по поводу которых они могли бы обратиться за консультацией к психологу.
2. Изучить интерес и готовность студентов к исследованию своего внутреннего опыта и переживаний, активно включаться в процесс психологического консультирования.

Организация исследования. Исследование проводилось в 2024-2025 уч. году. В нем приняли участие студенты 2 и 3 курсов Смоленского государственного университета спорта (СГУС), которые

были проинформированы о цели исследования, анонимности результатов и дали согласие на участие в исследовании.

Характеристики выборки: 130 испытуемых: 67 юношей, 63 девушки.

Методы исследования

1. Опрос в форме анкетирования для выявления проблем, вызывающих беспокойство. Анкета содержала список наиболее распространенных причин неблагоприятного эмоционального состояния (по литературным данным), а также предлагалось свободно сформулировать причины беспокойства и тревоги.

2. Опросник «Шкалы психологической разумности» (адаптация М.А. Новиковой и Т. В. Корниловой). Опросник изучает процесс самопонимания и самоотношения через познание мира собственных переживаний и мотивации. Понятие «психологическая разумность» или осознанность (psychological mindedness) включает в себя как понимание своего внутреннего мира, так и заинтересованность в мотивации и поведении других людей. Опросник содержит 5 шкал: заинтересованность в сфере переживаний (Ш1), доступность переживаний (Ш2), польза от обсуждения переживаний (Ш3), желание и готовность обсуждать переживания (Ш4), открытость новому опыту (Ш5). Также можно измерить суммарную величину – общую разумность. Методика адаптирована на русской выборке [8].

Результаты исследования.

Результаты изучения проблем, которые могут стать поводом для обращения к психологу студентов отражены на диаграмме (рис.1).

Рисунок 1. Процент студентов, указавших проблему в анкете

С большим отрывом лидирует обеспокоенность будущим, причем эта проблема не совпадает ни с учебой, ни со спортивной карьерой. Будущее, видимо, прежде всего, беспокоит своей неопределенностью и происходящими макросоциальными изменениями (СВО, изменение экономического и политического статуса страны и др.). Впервые психологи столкнулись с необходимостью работать в условиях макросоциального кризиса во время пандемии по COVID-19, когда психическому здоровью многих людей был нанесен серьезный ущерб. Сегодня психологи учатся работе с клиентами, переживающими макросоциальный стресс, и это направление консультирования очень востребовано.

Результаты применения опросника «Шкалы психологической разумности» содержатся в таблице 1.

Таблица 1. Средние значения по опроснику психологической разумности

шкала	ср. значение	max значение	отклонение от медианы
заинтересованность в сфере переживаний	13,84	21	+3,34
доступность переживаний	8,84	18	- 0,16
польза от обсуждения переживаний	11,68	18	+2,68
желание и готовность обсуждать переживания	8,05	18	-0,95
открытость новому опыту (изменениям)	9,21	15	+1,71
общая психологическая разумность	51,6	90	+6,6

Самые высокие показатели получены по шкалам «заинтересованность в сфере переживаний», «польза от обсуждения переживаний» и «открытость новому опыту». Таким образом, студенты проявляют интерес к самопознанию, безоценочному восприятию и изучению собственных переживаний и мотивов, понимают пользу рефлексии эмоций и обсуждения переживаний. Также они открыты новому опыту, готовы к изменениям, даже если они сопряжены с риском.

Согласно литературным данным, психологическая разумность положительно связана с эмоциональным интеллектом, здоровыми способами эмоционального реагирования, такими личностными характеристиками, как социальность, автономность, настойчивость. Высокий уровень психологической разумности коррелирует с толерантностью к неопределенности и интернальностью [8]. Перечисленные характеристики отражают высокие адаптационные возможности, чрезвычайно важные для сохранения психического здоровья, эффективного функционирования в стрессогенных, иногда экстремальных условиях [6].

Открытость к новому опыту связана с готовностью к развитию.

Современные подходы к пониманию личности в психологии все больше внимания уделяют идее автономии, саморегуляции, идее изменяющейся личности в изменяющемся мире.

Значительно ниже средние значения по шкалам «доступность переживаний», «желание и готовность обсуждать переживания». То есть, при высокой мотивации изучения переживаний студенты ниже оценивают субъективную доступность сферы переживаний для понимания и анализа. Недостаточно рефлексивных умений в этой сфере, есть очевидный запрос на обучение и развитие данных навыков, являющихся частью эмоционального интеллекта. Также студенты менее готовы к обсуждению с кем-то в личном контакте собственных эмоций и мотивов, к психологическому анализу своего внутреннего мира. Таким образом, обнаружен барьер для обращения к психологу, который необходимо учесть при организации работы.

Статистический анализ с применением непараметрического статистического критерия U Манна-Уитни (Mann–Whitney U-test) позволил выявить гендерные различия по ряду шкал опросника психологической разумности.

Девушки по сравнению с юношами выше оценивают свою заинтересованность в сфере переживаний (Ш1) ($p \leq 0,05$, U-test).

В то же время юноши более открыты новому опыту (Ш5) ($p \leq 0,05$, U-test). Согласно литературным данным эта шкала значимо положительно коррелирует с готовностью к риску и уверенностью в собственной интеллектуальной состоятельности [8]. Юноши более открыты изменениям даже если есть неопределенность и придется рисковать. Девушки более осторожны.

Также юноши выше оценивают субъективную доступность переживаний для понимания и анализа (Ш2) ($p \leq 0,05$, U-test). Исследованиями установлено, что эта шкала положительно связана с высокими показателями эмоционального интеллекта, склонностью к принятию неопределенности и высокой оценкой своих возможностей в интеллектуальной сфере и при целеобразовании/целедостижении [8].

Таким образом, девушки более заинтересованы в понимании переживаний, но этот интерес в меньшей степени направлен на самопознание и достижение практических целей. В исследовании Т.В. Корниловой и М.А.Новиковой получены достоверные гендерные различия по шкале «желание и готовность обсуждать переживания», девушки оценили этот параметр выше [8]. Интерес к переживаниям больше направлен на прояснение межличностных отношений. Ориентированность женщин на общение и межличностные отношения показаны во многих исследованиях в рамках гендерной психологии [2].

Юноши готовы понимать и анализировать свои переживания для успешного решения задач в условиях неопределенности и риска. Более готовы к рефлексии, к изменениям для повышения эффективности достижения жизненных целей.

Выводы.

1. Среди проблем, волнующих студентов и могущих стать причиной обращения за психологической помощью лидирует беспокойство будущим, что связано с неопределенностью и происходящими макросоциальными изменениями. Психологи-консультанты должны быть готовы к работе со смысловой сферой людей в условиях макросоциального кризиса.

2. Применение опросника «Шкалы психологической разумности» показало, что студенты заинтересованы в безоценочном изучении мира собственных чувств и мотивов, понимают пользу рефлексии эмоций, возможности распознавать смыслы своих переживаний и поступков. Также есть понимание важности обсуждения этих представлений. Молодые люди испытывают интерес к построению достоверного непротиворечивого образа Я, они открыты новому опыту, готовы к изменениям, даже если они сопряжены с риском.

3. При высокой мотивации изучения внутреннего мира студенты считают доступность сферы переживаний для понимания недостаточной, сомневаются в справедливости своих оценок. Таким образом формулируется запрос на обучение методам самопознания и самоанализа. Также студенты испытывают затруднения в обсуждении с кем-либо в непосредственном контакте собственных эмоций и мотивов. Обнаруженный барьер для обращения к психологу необходимо учитывать при организации работы.

4. Существуют гендерные различия в психологической разумности. Девушки имеют более выраженный интерес к сфере переживаний, однако он в большей степени направлен на межличностные отношения, понимание другого. Юноши более склонны рефлексировать и понимать собственные переживания и мотивы, используя этот ресурс для эффективного достижения целей, в том числе в условиях неопределенности и риска. Юноши более открыты новому опыту, изменениям.

Литература:

1. Антонова, Н. А. Запрос на психологическую помощь студентов педагогического вуза / Н. А. Антонова, К. Ю. Ерицян, Л. А. Цветкова // Психология человека в образовании. – 2021. – Т. 3, № 2. – С. 208–217. – URL <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2021-3-2-208-217> (дата обращения 12.11.2025).
2. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины: монография / Е. П. Ильин. — Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2002 (2006). — 544 с.
3. Ильинский, И.М. Основы концепции воспитания жизнеспособных поколений / И.М. Ильинский [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilinskiy.ru/publications/sod/konts-vosp-5.php> (дата обращения: 02.02.2026).

4. Киселева, Т. Б. Специфика обращения и динамики запроса у клиентов психологической службы педагогического университета / Т. Б. Киселева, С. П. Филиппов, И. А. Горбенко, С. В. Катенко // Проблемы современного образования. – 2021. – № 5. – С. 49–61.

5. Концепция развития системы психологического сопровождения и психологической помощи в сфере высшего образования Российской Федерации на период до 2030 года // Российская академия образования: официальный сайт. — URL: <https://rusacademedu.ru/wp-content/uploads/pdf/Conc-vo-25-30.pdf> (дата обращения 15.03. 2026).

6. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 115 с.

7. Научный семинар «Ментальное здоровье населения России в период пандемии COVID-19 и социально-экономических изменений 2022 г.: уязвимые группы и способы поддержки»: результаты исследования Института социальной политики, выполненного при финансовой поддержке Фонда развития прикладных исследований НИУ ВШЭ в рамках Программы создания и развития НЦМУ ЦМИЧП (при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации - Доступ https://isp.hse.ru/data/2023/02/10/2045341394/01_Selezneva_Mental_health_24_Workshop_ISP_09-02-2023.pdf?ysclid=ml4zf647h3700599887 (дата 02.02. 2026)

8. Новикова, М. А. Психологическая разумность в структуре интеллектуально-личностного потенциала/ М. А. Новикова, Т. В. Корнилова // Психологический журнал. – 2014. – Том 32. №1. – С.95-110.

9. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://government.ru/docs/18312/> (дата обращения: 10.07.2026).

10. Тащёва, А. И. Психологическая служба вуза: основные задачи и направления функционирования / А. И. Тащёва, Г. В. Валеева, С. В. Гриднева, М. Р. Арпентьева // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 201–215.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**Гагарина М.Д.**

студент

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Gagarina M.D.

Student

Saint Petersburg State University

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа институциональных условий реализации проектов государственно-частного партнёрства (далее ГЧП) в сфере здравоохранения на региональном уровне. Актуальность исследования обусловлена выраженной неравномерностью развития медицинского ГЧП между субъектами Российской Федерации, причины которой не могут быть объяснены исключительно различиями в их экономическом потенциале. Эмпирической основой исследования выступает сформированная автором база данных, включающая проекты медицинского ГЧП пяти субъектов Российской Федерации: Самарской области, Республики Татарстан, Ленинградской, Нижегородской и Новосибирской областей. Методологическую основу составляют сравнительный и структурный анализ, метод кейс-стади и картографирование стейкхолдеров. На основе сопоставления регионов по количественным и качественным параметрам выявлен ряд устойчивых закономерностей: неравномерность распределения проектов, слабая корреляция между общим уровнем развития ГЧП в регионе и его активностью в здравоохранении, системный характер расторжений соглашений, а также определяющая роль качества нормативно-институциональной среды в надёжности исполнения обязательств. Обосновано положение о том, что ключевым институциональным барьером развития медицинского ГЧП выступает не недостаточность нормативной базы как таковой, а межведомственная разобщённость органов исполнительной власти и отсутствие в соглашениях механизмов адаптации параметров к меняющимся макроэкономическим условиям. Установлено, что устойчивость самоокупаемых моделей обеспечивается нозологической специализацией на видах помощи с предсказуемым потоком пациентов, финансируемых по системе обязательного медицинского страхования. Полученные выводы применимы органами государственной власти субъектов Российской Федерации при формировании региональной инвестиционной политики в социальной сфере, прежде всего в части преодоления межведомственной разобщённости и содержательной переориентации портфеля проектов.

Ключевые слова: государственно-частное партнёрство, здравоохранение, концессионное соглашение, институциональная среда, региональное развитие, инфраструктурные инвестиции, обязательное медицинское страхование.

INSTITUTIONAL BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN HEALTHCARE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the institutional conditions for implementing public-private partnership (PPP) projects in healthcare at the regional level. The relevance of the study stems from the pronounced unevenness in the development of healthcare PPP across the constituent entities of the Russian Federation, which cannot be explained solely by differences in their economic potential. The empirical basis of the study is a database compiled by the author, comprising healthcare PPP projects in five regions of the Russian Federation: the Samara Region, the Republic of Tatarstan, the Leningrad, Nizhny Novgorod and Novosibirsk Regions. The methodological framework includes comparative and structural analysis, the case-study method, and stakeholder mapping. Comparing the regions across quantitative and qualitative parameters reveals a number of stable regularities: the uneven distribution of projects, a weak correlation between the overall level of PPP development in a region and its activity in healthcare, the systemic nature of contract terminations, and the decisive role of the quality of the normative and institutional environment in the reliability of obligation fulfilment. It is substantiated that the key institutional barrier to the development of healthcare PPP is not the insufficiency of the regulatory framework as such, but the interdepartmental fragmentation of executive authorities and the absence of mechanisms for adapting contract parameters to changing macroeconomic conditions. The findings are applicable to the formation of regional investment policy in the social sphere.

Keywords: public-private partnership, healthcare, concession agreement, institutional environment, regional development, infrastructure investment, compulsory health insurance.

Введение

Состояние медицинской инфраструктуры в России всё чаще становится ограничителем отраслевого развития. Значительная часть больничного фонда унаследована от советского периода и требует обновления, тогда как бюджетные возможности капитального ремонта и переоснащения не безграничны. Отсюда закономерный интерес к внебюджетным источникам, и прежде всего к государственно-частному партнёрству (далее ГЧП) как механизму, позволяющему привлечь частный капитал и компетенции без утраты государственного контроля над социально значимой сферой.

Однако здравоохранение является не самой удобной отраслью для такого партнёрства. Экономика медицинского проекта почти всегда завязана на тарифы обязательного медицинского страхования (далее ОМС), которые задаёт государство, а не рынок. Социальная значимость услуги ограничивает свободу ценообразования. Высокая зарегулированность отрасли удлинняет и удорожает подготовку соглашений. В результате механизм, хорошо работающий в дорожном строительстве или коммунальном хозяйстве, в медицине приживается заметно хуже и крайне неравномерно от региона к региону.

Именно эта неравномерность и составляет исследовательскую проблему. Разброс здесь огромен. В одних субъектах медицинское ГЧП насчитывает несколько работающих объектов и складывается в устойчивую модель, в других не представлено вовсе. Показателен парадокс Санкт-Петербурга, то есть города, занимающего второе место в общем рейтинге ГЧП Минэкономразвития за 2024 год и одновременно последнее, 85-е место по качеству нормативно-институциональной среды, причём происходит это при том, что за всё время действия профильного законодательства здесь не был доведён до реализации ни один медицинский проект. Объяснить подобный разрыв различиями в экономическом потенциале регионов невозможно, а значит, причины следует искать в институциональной плоскости.

Цель работы состоит в выявлении институциональных факторов, определяющих возможности и ограничения применения механизмов ГЧП в здравоохранении на региональном уровне. Для её достижения решаются три задачи: сформировать сопоставимую эмпирическую базу реализованных и реализуемых проектов медицинского ГЧП; провести сравнительный анализ практики их реализации в отобранных регионах; выявить институциональные барьеры, препятствующие развитию данного механизма. Объектом исследования выступает государственно-частное партнёрство в сфере здравоохранения Российской Федерации. Предметом являются организационно-экономические отношения, возникающие в процессе реализации проектов медицинского ГЧП на региональном уровне.

Обзор литературы

Теоретическую основу исследования составляют работы, посвящённые общей теории государственно-частного партнёрства и экономической специфике сферы здравоохранения. Большое значение для понимания особенностей отрасли сохраняет работа К. Эрроу, обосновавшего наличие информационной асимметрии и неопределённости как имманентных свойств рынка медицинских услуг, что предопределяет ограниченность применения к нему стандартных рыночных механизмов. В отечественной литературе теоретические и прикладные аспекты ГЧП разрабатывались В. Г. Варнавским, А. В. Клименко и В. А. Королёвым, рассматривавшими партнёрство как институциональный альянс государства и бизнеса. Вопросы управления рисками в проектах ГЧП и методологии их структурирования получили развитие в трудах М. Ю. Соколова, С. В. Масловой, А. Е. Иванова. Проблематика применения механизмов партнёрства непосредственно в здравоохранении исследовалась, в частности, А. В. Смышляевым, поставившим вопрос о противоречивости накопленного отраслевого опыта.

В зарубежной литературе систематизация опыта применения партнёрских механизмов в здравоохранении представлена, в частности, в обзорной работе Дж. Рериха, М. Льюис и Дж. Джорджа, зафиксировавших противоречивость эмпирических оценок эффективности медицинского ГЧП и зависимость результатов от институционального контекста. Современные отечественные аналитические материалы, включая обзоры Национального центра государственно-частного партнёрства, фиксируют устойчивое снижение динамики заключения новых соглашений в социальной сфере в последние годы, что усиливает потребность в углублённом анализе региональных различий.

Признавая теоретическую проработанность общих вопросов ГЧП, следует отметить, что сравнительный анализ региональной практики медицинского ГЧП, опирающийся на единую верифицированную базу проектов и сопоставимую методологию оценки институциональной среды, представлен в литературе фрагментарно. Настоящая работа направлена на восполнение этого пробела.

Материалы и методы

Исследование построено на сравнительном анализе практики реализации проектов ГЧП в сфере здравоохранения в пяти субъектах Российской Федерации: Самарской области, Республике Татарстан, Ленинградской, Нижегородской и Новосибирской областях. Первичными источниками данных выступили: база проектов Платформы поддержки инфраструктурных проектов «РОСИНФРА» по состоянию на апрель 2026 года; результаты ежегодного мониторинга Министерства экономического развития Российской Федерации по Федеральному закону от 21 июля 2005 года № 115-ФЗ и Федеральному закону от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ за 2024 и 2025 годы; рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития ГЧП за 2024 год; данные статистического сборника Росстата «Здравоохранение в России. 2025»; региональные нормативные правовые акты и материалы органов государственной власти субъектов.

В эмпирическую базу включены проекты, удовлетворяющие следующим критериям: реализация на основании концессионного соглашения в соответствии с Федеральным законом № 115-ФЗ либо

соглашения о государственно-частном партнёрстве в соответствии с Федеральным законом № 224-ФЗ; отнесение объекта соглашения к сфере здравоохранения согласно классификатору «РОСИНФРА»; нахождение соглашения на любой из стадий реализации либо его завершение или расторжение. Проекты, реализуемые в иных правовых формах (аренда с инвестиционными обязательствами, государственные контракты жизненного цикла, офсетные контракты), в базу не включались, что обеспечивает методологическую однородность выборки и сопоставимость финансовых моделей.

Отбор регионов осуществлялся по многоуровневому принципу, сочетающему критерии активности в сфере ГЧП, географической и экономической репрезентативности, а также институционального разнообразия. Каждый из отобранных субъектов располагает не менее чем двумя действующими или завершёнными проектами медицинского ГЧП, что отличает их от большинства регионов, где подобные проекты представлены единичными прецедентами или отсутствуют. Выборка охватывает весь спектр рейтинга Министерства экономического развития по уровню развития ГЧП за 2024 год: от Самарской области, занимающей третье место, до Новосибирской области, находящейся на тридцать втором месте. В работе использованы методы сравнительного и структурного анализа, метод кейс-стади для углублённого разбора репрезентативных проектов, а также картографирование стейкхолдеров для оценки институциональной среды.

Результаты исследования

Общая характеристика портфеля

Совокупная эмпирическая база включает проекты, реализованные в период с 2010 по 2026 год. Анализ распределения инвестиций показывает, что медицинское ГЧП в России функционирует преимущественно как инструмент привлечения внебюджетных средств: доля частного финансирования в совокупном объёме инвестиций по рассмотренным регионам превышает 89 процентов. Вместе с тем агрегированные показатели существенно искажены несколькими крупнейшими проектами Новосибирской и Нижегородской областей, которые в совокупности формируют около 84 процентов общего объёма инвестиций. Медианный объём инвестиций по остальным проектам составляет около 100 млн рублей. Это позволяет сформулировать первый значимый вывод: типичный проект медицинского ГЧП в исследуемой выборке представляет собой небольшой специализированный объект (диагностический центр, диализный кабинет, стоматологическую поликлинику), а не крупный многопрофильный комплекс.

Таблица 1. Сводная характеристика портфелей медицинского ГЧП по регионам (2026 г.)

Регион	Проектов	Объём, млн руб.	Бюджет, %	Форма	Расторгнуто	Место в рейтинге / НИС
Санкт-Петербург	4	26 127	37,7	115-ФЗ, 224-ФЗ	1 (по суду)	2-е / 31,0
Ленинградская обл.	2	3 414	66,2	115-ФЗ	0	7-е / 95,2
Самарская обл.	7	1 230	0	115-ФЗ	2	3-е / 92,4
Республика Татарстан	8	813	0	115-ФЗ	0	9-е / 97,3
Нижегородская обл.	2	5 287	27,6	115-ФЗ, 224-ФЗ	0	4-е / 84,2
Новосибирская обл.	6	40 158	13,2	115-ФЗ, 224-ФЗ	2	32-е / 39,6

Источник: составлено автором по данным Платформы «РОСИНФРА» и рейтинга Минэкономразвития России за 2024 год. Аббревиатура НИС означает нормативно-институциональную среду.

Доминирующей правовой формой выступает концессионное соглашение по Федеральному закону № 115-ФЗ, на которое приходится подавляющее большинство проектов. Форма соглашения о государственно-частном партнёрстве по Федеральному закону № 224-ФЗ используется существенно реже и концентрирует наиболее капиталоемкие проекты. Средний объём соглашения о государственно-частном партнёрстве в выборке многократно превосходит средний объём концессии, что отражает общероссийскую тенденцию применения данной формы преимущественно к крупным инфраструктурным объектам.

Институциональная неоднородность региональных моделей

Сравнительный анализ выявил принципиальную неоднородность институциональных моделей медицинского ГЧП, сложившихся в регионах выборки. Самарская область демонстрирует модель полностью самокупаемого партнёрства: во всех семи проектах региона финансирование обеспечено исключительно частными средствами без бюджетного участия, а возврат инвестиций осуществляется за счёт рыночной выручки, в том числе по договорам ОМС. Институциональной опорой этой модели служит унификация уполномоченного органа: все проекты реализованы при участии единого публичного партнёра, что снижает транзакционные издержки для частных инициаторов и обеспечивает административную последовательность.

Республика Татарстан представляет модель нишевой специализации: наиболее развитая в стране региональная сеть гемодиализных центров сформирована на основе концессионных соглашений в ответ на территориальный дефицит специализированной помощи. Регион характеризуется одним из наиболее высоких в стране показателей качества нормативно-институциональной среды при сравнительно низкой текущей динамике заключения новых соглашений. Показательно, что именно Татарстан демонстрирует наибольшую в выборке долю проектов, завершённых в плановые сроки, при отсутствии расторжений.

Новосибирская область формирует контрастную модель: при низком месте в общем рейтинге и предпоследнем среди регионов выборки показателе нормативно-институциональной среды регион реализует крупнейший единичный проект базы, а именно пакет из семи поликлиник, а также применяет механизм ГЧП для массового создания инфраструктуры первичного звена. Низкая оценка институциональной среды обусловлена прежде всего слабым показателем открытости, что повышает транзакционные издержки для потенциальных инвесторов. Ленинградская область иллюстрирует успешную реализацию проекта по частной инициативе при значительной доле бюджетного капитального гранта, а Нижегородская область показывает расхождение между высокой позицией в общем рейтинге и ограниченной активностью в здравоохранении.

Ключевые закономерности

Сопоставление региональных данных позволяет зафиксировать несколько устойчивых закономерностей, имеющих характер институциональных барьеров.

Во-первых, между общим уровнем развития ГЧП в регионе и его активностью в сфере здравоохранения не обнаруживается положительной корреляции. Регионы, занимающие высокие позиции в сводном рейтинге за счёт крупных транспортных или коммунальных проектов, могут демонстрировать минимальную реализованную практику в медицинской сфере, и наоборот. Данное наблюдение свидетельствует об отраслевой асимметрии региональных приоритетов: высокое место в рейтинге отражает совокупную инвестиционную активность, но не является предиктором развития партнёрства в конкретной социально значимой отрасли, где обеспечение устойчивого коммерческого потока объективно затруднено.

Во-вторых, качество нормативно-институциональной среды выступает значимым фактором надёжности исполнения обязательств. Сопоставление регионов обнаруживает устойчивую связь: субъекты с высокими показателями институциональной среды характеризуются нулевой долей

расторжений, тогда как в регионах с низкими показателями доля расторгнутых соглашений существенно возрастает. При этом качество институциональной среды влияет именно на надёжность исполнения, но не определяет масштаб портфеля, который зависит от отраслевого приоритета и наличия частных инициаторов. Данная зависимость носит опосредованный характер: развитая институциональная среда создаёт условия для качественной подготовки проекта, которая и обеспечивает последующую устойчивость соглашения.

В-третьих, расторжения медицинских проектов ГЧП носят системный, а не случайный характер. Анализ показывает, что устойчивость самокупаемых моделей обеспечивается нозологической специализацией на видах помощи с предсказуемым и долгосрочным потоком пациентов, финансируемых по системе ОМС. Проекты, ориентированные на чётко определённую медицинскую нишу с гарантированным тарифным потоком, демонстрируют высокую жизнеспособность, тогда как объекты широкого профиля, конкурирующие с государственными учреждениями и лишённые устойчивого источника выручки, оказываются подвержены повышенному риску прекращения.

Институциональные барьеры на примере регионального центра

Наиболее выраженной иллюстрацией институциональной природы барьеров служит ситуация, при которой субъект, занимающий одно из первых мест в общем рейтинге развития ГЧП, характеризуется низким показателем нормативно-институциональной среды и отсутствием доведённых до реализации медицинских проектов. Анализ показывает, что причина подобного расхождения лежит не в недостаточности нормативной базы, формально соответствующей федеральным требованиям, а в межведомственной разобщённости органов исполнительной власти, ответственных соответственно за инвестиционную политику и за отраслевое управление здравоохранением. Отсутствие единого координирующего центра и согласованной позиции профильных органов приводит к тому, что потенциально жизнеспособные проекты не проходят стадию структурирования, а крупные капиталоемкие соглашения оказываются подвержены риску расторжения при изменении макроэкономических параметров.

Данное наблюдение позволяет уточнить представление о природе институциональных барьеров: определяющим фактором выступает не формальное наличие или отсутствие нормативных актов, а качество межведомственного взаимодействия и способность публичной стороны обеспечить согласованную подготовку проекта. Дополнительным барьером является отсутствие в соглашениях механизмов адаптации финансовых параметров к меняющимся условиям. Практика показывает, что риск существенного пересмотра или расторжения соглашения обусловлен не объёмом бюджетного участия и не длительностью срока сам по себе, а именно отсутствием встроенных механизмов корректировки параметров при отклонении фактических условий от заложенных в проект на длительном горизонте планирования.

Обсуждение

Распространено представление, что развитие регионального медицинского ГЧП упирается прежде всего в объём нормативной базы и общий инвестиционный климат субъекта. Полученные данные это опровергают. Санкт-Петербург располагает собственным законом об участии в ГЧП с 2006 года и вторым местом в сводном рейтинге, но именно здесь не реализован ни один медицинский проект, а крупнейшая попытка, а именно перинатальный центр на улице Вавиловых, заключённый по частной инициативе в 2022 году, завершилась расторжением по решению суда. Формальная зрелость нормативной базы, как видно, не гарантирует ничего. Решают факторы более тонкого уровня, а именно согласованность действий профильных органов, качество подготовки конкретного соглашения и наличие в нём механизмов адаптации к меняющимся условиям.

Отсюда следует практический вывод об отраслевой асимметрии региональных приоритетов. Высокая позиция субъекта в рейтинге отражает совокупную активность по всем отраслям сразу, но в медицине обеспечить устойчивый коммерческий поток объективно труднее, нежели в транспорте или коммунальном секторе. Поэтому меры общего стимулирования ГЧП, не учитывающие специфику здравоохранения, автоматического роста числа медицинских проектов не дают. Регион может блистать в рейтинге за счёт транспортного мегапроекта и оставаться пустым в медицинском сегменте.

Особого внимания заслуживает связь между качеством институциональной среды и надёжностью исполнения обязательств. Разброс здесь предельный и составляет от 97,3 балла у Республики Татарстан до 31,0 балла у Санкт-Петербурга. И этот разброс не остаётся абстрактным. Татарстан с его развитой средой выстроил самую крупную в стране сеть гемодиализных центров начиная с пионерского казанского проекта 2010 года и не потерял ни одного соглашения, тогда как регионы нижней части шкалы демонстрируют ощутимую долю расторжений. Практический смысл прост: вложения в институциональную среду, включающие прозрачные процедуры, открытость и дисциплину публичного партнёра, окупаются устойчивостью портфеля надёжнее, чем механическое наращивание числа проектов. Вместе с тем среда влияет именно на надёжность, но не на масштаб: самый крупный по объёму инвестиций проект выборки, то есть новосибирский пакет из семи поликлиник стоимостью 21,2 млрд рублей, реализуется в регионе с одним из худших показателей среды. Масштаб определяется отраслевым приоритетом и наличием частных инициаторов, а не качеством институтов.

Наконец, определяющая роль нозологической специализации указывает практический ориентир для регионов. Самоокупаемые модели выживают там, где опираются на чётко очерченную медицинскую нишу с предсказуемым потоком пациентов по ОМС, будь то гемодиализ, гемокоррекция или амбулаторная диагностика. Значит, переориентация портфеля на подобные нишевые сервисы с привлечением сетевых медицинских операторов повышает шансы проекта на успех.

Ограничением исследования выступает объём выборки: пять регионов не позволяют переносить количественные оценки на всю совокупность субъектов без дополнительной проверки. Перспективными представляются два направления. Первое состоит в расширении выборки за счёт субъектов с единичными или отсутствующими проектами. Второе предполагает долгосрочный мониторинг эффектов нового федерального регулирования, которое переориентирует рынок в сторону самоокупаемых нишевых моделей, одновременно сужая пространство для крупных капиталоемких проектов.

Заключение

Сопоставление практики пяти регионов позволяет свести результаты к нескольким выводам. Первый касается самой картины рынка. Медицинское ГЧП в России развивается крайне неравномерно, а совокупные цифры инвестиций обманчивы: они складываются в основном из нескольких крупных проектов Новосибирской и Нижегородской областей, тогда как медианный проект в выборке представляет собой скромный специализированный объект стоимостью около 100 млн рублей, будь то диагностический центр, диализный кабинет или стоматология. Типичное медицинское ГЧП в стране является небольшим, а не гигантским.

Второй вывод разрушает интуитивное ожидание связи между общим уровнем развития ГЧП в регионе и его активностью в здравоохранении. Такой связи нет. Санкт-Петербург со вторым местом в рейтинге и нулём реализованных медицинских проектов, а также Новосибирская область с 32-м местом и крупнейшим в выборке портфелем представляют собой две стороны одной и той же отраслевой асимметрии.

Главный же вывод касается природы барьера. Он не в нехватке нормативных актов, которых у регионов-лидеров формально достаточно, а в межведомственной разобщённости органов исполнительной власти и в отсутствии в соглашениях механизмов адаптации параметров к меняющимся

макроэкономическим условиям. Качество нормативно-институциональной среды определяет, насколько надёжно будут исполнены обязательства, но не то, каким окажется масштаб портфеля. А устойчивость самоокупаемых моделей держится на нозологической специализации, то есть на видах помощи с предсказуемым потоком пациентов по ОМС, что наглядно подтверждают гемодиализные сети Татарстана и самарский центр гемокоррекции, работающий без единого рубля бюджетных вложений уже более десяти лет.

Полученные выводы применимы в практической плоскости. Органы власти субъектов Российской Федерации могут опираться на них при формировании региональной политики привлечения внебюджетных инвестиций в здравоохранение, прежде всего в части преодоления межведомственной разобщённости и содержательной переориентации портфеля на нишевые сервисы с участием сетевых медицинских операторов.

Литература:

1. Варнавский В. Г. Государственно-частное партнёрство: теория и практика / В. Г. Варнавский, А. В. Клименко, В. А. Королёв. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.
2. Дерябина М. А. Государственно-частное партнёрство: теория и практика / М. А. Дерябина // Вопросы экономики. - 2008. - № 8.
3. Соколов М. Ю. Управление рисками в проектах государственно-частного партнёрства / М. Ю. Соколов, С. В. Маслова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент. - 2013.
4. Маслова С. В. Государственно-частное партнёрство: учебник для вузов / С. В. Маслова, М. Ю. Соколов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021.
5. Смышляев А. В. Государственно-частное партнёрство в сфере здравоохранения в Российской Федерации: история успеха или история неудач? / А. В. Смышляев // Наука молодых (Eruditio Juvenium).
6. Клинова М. В. Государство и частный капитал: от теории к практике взаимодействия в европейских странах / М. В. Клинова, 2011.
7. Мочальников В. Н. Взаимодействие бизнеса и государства в интересах России / В. Н. Мочальников // Экономист. - 2008. - № 11.
8. Государственно-частное партнёрство в здравоохранении: тенденции и перспективы развития в регионах России: аналитический обзор / Национальный центр государственно-частного партнёрства, 2024. - 48 с.
9. Здравоохранение в России. 2025: стат. сб. / Росстат, 2025.
10. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнёрства. 2024 год / Министерство экономического развития Российской Федерации, 2025.
11. Мониторинг реализации концессионных соглашений и соглашений о государственно-частном партнёрстве в Российской Федерации за 2024 год / Министерство экономического развития Российской Федерации., 2025.
12. О концессионных соглашениях: Федер. закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2005. - № 30 (ч. II).
13. О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2015. - № 29 (ч. I).
14. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2011. - № 48
15. Arrow K. J. Uncertainty and the Welfare Economics of Medical Care / K. J. Arrow // The American Economic Review. - 1963.
16. Roehrich J. K. Are public-private partnerships a healthy option? A systematic literature review / J. K. Roehrich, M. A. Lewis, G. George // Social Science & Medicine. = 2014.

Пузин И.Н.

профессор,
президент Международного Агентства Высшего образования
e-mail: int.agcy.he@gmail.com

Шестов А.В.

кандидат экономических наук, доктор технических наук,
профессор кафедры экономики дорожного хозяйства
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет
(МАДИ)»
e-mail: av2018@mail.ru

Латария И.С.

студент
кафедра экономики дорожного хозяйства
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет
(МАДИ)»
e-mail: 23Imedi@gmail.com

Павлова А.С.

старший преподаватель
кафедра экономики дорожного хозяйства
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет
(МАДИ)»
e-mail: 89104032849@mail.ru

Puzin I.N.

professor,
President of the International Agency for Higher Education

Shestov A.V.

Candidate of Economic Sciences, Doctor of Technical Sciences,
Professor of the Department of Road Economics
Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

Lataria I.S.

student
Department of Road Economics
Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

Pavlova A.S.

senior lecturer
Department of Road Economics
Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

ЭКОНОМИКА СТРОИТЕЛЬСТВА В ЗЕРКАЛЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ: УЧЕТНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ И АУДИТОРСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ЦЕН НА МАТЕРИАЛЫ

Аннотация. В статье исследуются процессы ценообразования в инвестиционно-строительной сфере Российской Федерации в условиях макроэкономической нестабильности и санкционного давления. На основе интеграции учетных, статистических и аудиторских методов проведен комплексный анализ

динамики цен на базовые и высокотехнологичные строительные материалы в период 2023–2026 гг. Описаны механизмы влияния волатильности валютных курсов, усложнения трансграничных расчетов и стоимости параллельного импорта на финансово-экономические показатели строительных проектов. Авторами предложена методика сквозного аудиторского контроля и статистического прогнозирования стоимости материальных ресурсов, позволяющая минимизировать сметные риски и деструктивное воздействие глобальных вызовов на экономику строительного производства.

Ключевые слова: экономика строительства, динамика цен, строительные материалы, финансово-экономический анализ, отраслевая статистика, ценовой аудит, глобальные вызовы, сметная стоимость.

CONSTRUCTION ECONOMICS IN THE MIRROR OF GLOBAL CHALLENGES: ACCOUNTING, STATISTICAL AND AUDIT ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF PRICES FOR MATERIALS

Abstract. The article examines pricing processes in the investment and construction sector of the Russian Federation under conditions of macroeconomic instability and sanctions pressure. Based on the integration of accounting, statistical and audit methods, a comprehensive analysis of price dynamics for basic and high-tech construction materials in the period 2023–2026 was carried out. The mechanisms of the influence of exchange rate volatility, the complication of cross-border payments and the cost of parallel imports on the financial and economic indicators of construction projects are described. The authors propose a methodology for end-to-end audit control and statistical forecasting of the cost of material resources, allowing to minimize estimated risks and the destructive impact of global challenges on the economy of construction production.

Keywords: construction economics, price dynamics, construction materials, financial and economic analysis, industry statistics, price audit, global challenges, estimated cost.

Современная экономика строительства функционирует в условиях, когда глобальные вызовы — геополитическая напряженность, санкции, нарушение традиционных логистических цепочек — стали не экстраординарными событиями, а новой нормальностью [5, 11]. Строительная отрасль, как никакая другая, остро ощущает на себе последствия этих потрясений через механизм цен на материальные ресурсы. Достаточно отметить, что за период 2022–2025 годов цены на металлопрокат выросли в отдельные моменты на 60–80%, на цемент — на 25–40%, на битум — на 50–70%, а стоимость импортного инженерного оборудования увеличилась в 1,5–2,5 раза [1, 18]. Такая динамика не может быть объяснена только инфляционными процессами; она является прямым следствием структурной перестройки рынков, разрыва контрактов с европейскими поставщиками и перехода на параллельный импорт через третьи страны [8, 17]. В этих условиях способность строительных компаний своевременно анализировать ценовые тренды, прогнозировать стоимость материалов и контролировать закупочные процедуры становится ключевым фактором выживания [4, 16].

Традиционные подходы к управлению стоимостью строительства, базировавшиеся на стабильных сметных нормативах и плановых индексах-дефляторах, перестали работать. Федеральные и региональные индексы изменения сметной стоимости, публикуемые Минстроем России, обновляются ежеквартально, тогда как рыночные цены могут меняться на десятки процентов в течение месяца [2, 12]. В результате строительные компании оказываются зажатыми между жесткими условиями контрактов и непредсказуемой стоимостью ресурсов. Разрешить это противоречие можно только путем создания в каждой организации — и в масштабах отрасли в целом — комплексной системы учетно-статистического и аудиторского мониторинга цен, которая в режиме реального времени отслеживает конъюнктуру и позволяет оперативно корректировать как закупочную политику, так и сметные расчеты [9, 15].

Ценовая ситуация на рынке строительных материалов в 2023–2026 годах формировалась под воздействием нескольких групп факторов, каждая из которых заслуживает детального рассмотрения [1, 7]. Первая группа — это прямое удорожание импортных составляющих. Многие строительные материалы, которые ранее поставлялись из стран Европейского союза и Северной Америки, после введения санкций стали доступны только через цепочки параллельного импорта. Это привело к удлинению логистического плеча, росту транспортных расходов на 25–50% и возникновению дополнительных посреднических наценок [8, 18]. Например, стоимость европейской гидроизоляции или лакокрасочных материалов, доставляемых через Турцию и ОАЭ, увеличилась на 40–70% по сравнению с прямыми поставками 2021 года [1]. Аналогичная ситуация сложилась с инженерным оборудованием — насосами, автоматикой, лифтовыми компонентами, запасные части к которым теперь приходится заказывать через сложные логистические схемы, включающие порты Дубая, Стамбула и Баку [8, 17]. При этом каждый посредник добавляет к цене свою маржу — от 5 до 15%, и в итоге конечная цена для российского покупателя может в два раза превышать отпускную цену завода-изготовителя [10, 24].

Вторая группа факторов связана с валютной волатильностью. За период с 2023 по 2026 год курс рубля к доллару колебался в диапазоне от 70 до 110 рублей, что делало практически невозможным долгосрочное планирование затрат на импортные материалы [9, 18]. При заключении контракта с фиксированной ценой подрядчик принимал на себя весь валютный риск, и при ослаблении рубля его убытки могли полностью уничтожить плановую рентабельность. Показателен пример 2025 года, когда в течение одного квартала рубль ослаб на 18% по отношению к юаню, что немедленно отразилось на стоимости китайского оборудования и комплектующих, доля которых в российском импорте строительной продукции за два года выросла с 15 до 45% [8, 19]. В ответ на это участники рынка стали все чаще включать в договоры «валютные оговорки», привязывающие цену к биржевым курсам или индексам Минстроя, однако такой механизм до сих пор не стал общепринятым, особенно в государственных контрактах, где действует принцип твердой договорной цены [2, 11].

Третья группа — рост стоимости энергоносителей и сырья на внутреннем рынке. Санкции и переориентация экспортных потоков привели к удорожанию газа, электроэнергии, металлолома, химических реагентов, используемых в производстве строительных материалов [3, 5]. Отечественные производители цемента, металлопроката, битума, столкнувшись с ростом себестоимости, были вынуждены повышать отпускные цены, хотя внутренний спрос на их продукцию оставался высоким. По оценкам НОСТРОЙ, вклад внутреннего удорожания энергоносителей в рост цен на цемент составил около 18–22%, на металлопрокат — 12–15% [1]. При этом важно понимать, что отечественные производители, хотя и не подвержены прямым санкционным ограничениям, косвенно зависят от импорта: катализаторы для нефтехимии, специальные добавки для бетонов, огнеупоры для металлургических печей — все это зачастую поставляется из-за рубежа и дорожает по тем же причинам, что и готовая строительная продукция [8, 20].

Четвертая группа — дефицит кадров и рост заработной платы в строительной отрасли, который также косвенно влияет на цены материалов через транспортные, складские и погрузочно-разгрузочные операции [4, 16]. Отток трудовых мигрантов и переток рабочих в оборонный сектор привели к тому, что средняя заработная плата в строительстве выросла на 30–40% за три года, что увеличило расходы на транспортировку и хранение материалов и в конечном счете отразилось на их конечной цене [10, 25]. Например, стоимость доставки песка и щебня автотранспортом в Московской области выросла за два года на 35% не только из-за подорожания топлива, но и из-за нехватки водителей [7, 21].

Отдельного упоминания заслуживает региональная специфика динамики цен. Если в Московском регионе и Санкт-Петербурге конкуренция среди поставщиков и относительно короткое транспортное плечо несколько сдерживают рост цен, то в Сибири, на Дальнем Востоке и в Крыму ситуация значительно

хуже [1, 7]. В этих регионах транспортная составляющая в цене материалов может достигать 40–50%, а в случае параллельного импорта — еще больше. Например, доставка металлоконструкций из Китая во Владивосток обходится относительно дешево, но их дальнейшая транспортировка в Красноярск или Иркутск добавляет к цене 25–30% [8, 17]. Строительные компании в этих регионах оказываются перед сложным выбором: либо закладывать в смету повышенные логистические расходы, делая свои предложения неконкурентоспособными на торгах, либо искать местных производителей, чьи мощности зачастую ограничены, а качество не всегда соответствует требованиям проекта [5, 25].

Представляет интерес сопоставление российской ситуации с опытом других стран, столкнувшихся с ценовыми шоками на рынке строительных ресурсов. В частности, Турция в 2022–2024 годах пережила резкий скачок стоимости строительных материалов на фоне девальвации лиры: по данным Турецкого статистического института, цены на цемент и металлопрокат за два года выросли на 120–140% в национальной валюте. Однако турецкие строительные компании смогли частично компенсировать эти потери за счёт переориентации на экспорт строительных услуг, что позволило зафиксировать валютную выручку [19, 21]. В странах Латинской Америки, напротив, высокая инфляция строительных издержек традиционно закладывается в контрактные механизмы через систему эскалации цен, при которой заказчик обязуется пересматривать стоимость контракта при превышении определённого порога инфляции [20, 23]. Анализ зарубежных практик свидетельствует: отсутствие формализованных механизмов пересмотра сметной стоимости в условиях волатильности — это не российская особенность, а глобальная проблема, для которой пока не найдено универсального решения [22, 24]. Тем не менее международный опыт подсказывает, что сочетание оперативного ценового мониторинга, гибких контрактных условий и государственной поддержки способно существенно снизить уязвимость строительной отрасли перед макроэкономическими шоками [19, 21].

Перед лицом столь мощных и разнонаправленных факторов строительные компании нуждаются в инструментарии, позволяющем не только фиксировать свершившееся изменение цен, но и прогнозировать его, а также контролировать обоснованность закупочных процедур [4, 6]. Таким инструментарием выступает интеграция учетных, статистических и аудиторских методов.

С учетной точки зрения первоочередной задачей является переход от статичного сметного учета к динамическому управленческому учету затрат [4, 16]. Традиционная система, при которой материалы списываются по средним ценам прошлого периода, не дает представления о том, как изменилась рыночная стоимость ресурса на момент его фактического потребления. Внедрение методов учета по фактическим ценам замещения (replacement cost) или по цене последней закупки позволяет приблизить учетные данные к экономической реальности [5, 12]. Однако такой подход требует постоянного мониторинга рыночных котировок, который должен быть автоматизирован. Современные ERP-системы для строительства позволяют интегрировать данные из внешних источников — биржевых сводок, прайс-листов поставщиков, таможенных баз — и в режиме реального времени обновлять плановые и фактические цены в бюджетах проектов [9, 15]. Это дает руководителям проектов возможность видеть, как текущая динамика цен повлияет на итоговую стоимость объекта, и своевременно принимать решения о замене материалов, пересмотре графика поставок или переговорах с заказчиком [4, 11].

Статистический анализ цен на строительные материалы в настоящее время страдает от двух основных проблем: высокой степени агрегирования и значительного временного лага [3, 7]. Официальные индексы цен производителей и потребителей, публикуемые Росстатом, рассчитываются по широким товарным группам и не отражают нюансов, критически важных для строительства. Например, индекс цен на «металлопрокат» не дифференцирует арматуру, балку, лист, уголок, цены на которые могут вести себя совершенно по-разному [3, 25]. Индекс цен на «цемент» усредняет показатели по стране, тогда как региональные различия могут достигать 50%. Кроме того, публикация индексов происходит с

задержкой в 1–2 месяца, что в условиях высокой волатильности обесценивает их управленческую ценность [7, 23].

Для преодоления этих ограничений необходимо создание отраслевой системы мониторинга цен, действующей на принципах краудсорсинга [1, 9]. Она должна агрегировать обезличенные данные о реальных сделках купли-продажи строительных материалов, поступающие от компаний-участников, и на этой основе формировать еженедельные региональные индексы по узким номенклатурным позициям. Такая система уже начинается создаваться под эгидой НОСТРОЙ и Главгосэкспертизы, однако ее охват пока недостаточен — в ней участвуют не более 15% строительных компаний, преимущественно крупных [1, 18]. Полноценное развертывание общепромышленной цифровой платформы ценового мониторинга позволило бы не только повысить прозрачность рынка, но и создать надежную базу для корректировки сметных нормативов [2, 12]. В перспективе такая платформа могла бы быть интегрирована с государственными информационными системами, что позволило бы автоматически обновлять сметные цены в контрактах при существенном изменении рыночной конъюнктуры [9, 19].

Аудиторский анализ динамики цен на материалы решает принципиально иную задачу: он не столько фиксирует ценовой тренд, сколько оценивает, насколько закупочные цены конкретной строительной организации соответствуют рыночному уровню и обоснованы ли отклонения [6, 14]. Ценовой аудит, или аудит эффективности закупок, представляет собой систематическую проверку процедур выбора поставщиков, анализа коммерческих предложений, обоснования начальной максимальной цены контракта и контроля исполнения договорных обязательств [6, 23]. Его цель — выявить как злоупотребления (сговор с поставщиками, откаты), так и неэффективные управленческие решения (закупка по завышенной цене из-за отсутствия мониторинга рынка или несвоевременного планирования) [6, 10]. В санкционных условиях к традиционным задачам ценового аудита добавляется еще одна — проверка надежности новых логистических схем и оценка рисков, связанных с возможными задержками или блокировками поставок [8, 14].

Методика ценового аудита базируется на нескольких ключевых процедурах. Первая — сопоставление закупочных цен организации с внешними бенчмарками: среднерыночными ценами по региону, биржевыми котировками, ценами аналогичных сделок других компаний [7, 25]. Вторая процедура — анализ динамики цен по конкретному поставщику: если цена на один и тот же материал у одного и того же поставщика выросла за короткий период значительно сильнее, чем среднерыночная, это является сигналом для углубленной проверки [6, 14]. Третья процедура — контроль целостности цепочки поставок: сопоставление закупочной цены с ценой производителя и оценка логистической наценки [8, 21]. Четвертая процедура — анализ аффилированности контрагентов: в условиях появления множества новых посредников, предлагающих услуги по параллельному импорту, возрастает риск заключения контрактов с фирмами-однодневками или компаниями, связанными с сотрудниками самого заказчика [10, 24].

Важно отметить, что ценовой аудит должен быть не карательным, а превентивным инструментом. Его задача — не найти виновных и наказать, а предотвратить необоснованные расходы до того, как они будут понесены [6, 14]. Для этого аудиторская функция должна быть встроена в бизнес-процесс закупок: предварительное согласование крупных контрактов с внутренним аудитором, автоматическая проверка ценовых параметров в ERP-системе, регулярная отчетность перед руководством о выявленных отклонениях [9, 15]. Методика аудиторского контроля цен может быть формализована в виде трёхуровневой системы [6, 14]. На первом уровне осуществляется автоматическая проверка каждой закупки на соответствие заранее заданным ценовым диапазонам, рассчитанным на основе ретроспективных данных и текущих рыночных индикаторов [9, 15]. Если цена попадает в диапазон, закупка одобряется автоматически; при незначительном превышении инициируется запрос

дополнительного обоснования от менеджера по закупкам. Второй уровень предусматривает выборочную углублённую проверку закупок с отклонением цены более чем на 10% от медианного значения по региону [6]. На этом этапе внутренний аудитор анализирует коммерческие предложения, проверяет аффилированность контрагентов, оценивает корректность расчёта транспортных расходов [10, 14]. Третий уровень — тематические аудиторские проверки, проводимые раз в квартал и охватывающие, например, все закупки определённой группы материалов или определённого поставщика [6, 22]. Такая трёхуровневая система позволяет, с одной стороны, не создавать избыточной бюрократической нагрузки на операционные процессы, а с другой — обеспечивает разумный уровень уверенности в том, что закупочные цены соответствуют рыночным [9, 14]. Практика показывает, что внедрение даже базовых процедур ценового аудита позволяет снизить закупочные цены на 5–8%, что для средней строительной компании эквивалентно дополнительной годовой прибыли в десятки миллионов рублей [1, 6]. В масштабах отрасли потенциальная экономия от системного ценового аудита может составить от 150 до 250 млрд рублей ежегодно [1, 18].

Описанные учетные, статистические и аудиторские процедуры не должны существовать изолированно. Их наивысшая эффективность достигается при объединении в единую цифровую экосистему управления стоимостью строительства [9, 15]. Ключевым элементом такой экосистемы является интегрированная база данных, содержащая информацию о плановых и фактических ценах на все используемые материалы, условия контрактов с поставщиками, историю закупок, транспортные тарифы, таможенные платежи и биржевые котировки [9, 19]. На основе этой базы работают аналитические модули, осуществляющие мониторинг отклонений, прогнозирование цен на основе исторических трендов и макроэкономических индикаторов, а также генерацию рекомендаций для менеджеров по закупкам [7, 13].

В качестве методической основы прогнозирования цен могут использоваться как классические эконометрические модели (ARIMA, экспоненциальное сглаживание), так и методы машинного обучения, учитывающие влияние множества факторов: сезонности, динамики валютных курсов, цен на энергоносители, геополитических событий [7, 13, 25]. Конечно, точность таких прогнозов в условиях высокой неопределённости ограничена, но они дают ориентир для принятия решений — например, о создании страховых запасов материалов перед ожидаемым скачком цен или, наоборот, об отложении крупных закупок при прогнозе снижения котировок [5, 22]. Для повышения точности прогнозов целесообразно применять сценарный подход, при котором рассчитываются три варианта — оптимистичный, базовый и пессимистичный, — и для каждого из них разрабатывается своя стратегия закупок [9, 16]. Это позволяет компании быть готовой к любому развитию событий и минимизировать потери при реализации неблагоприятного сценария [11, 20].

Наглядной иллюстрацией эффективности предлагаемых подходов служит опыт одной из региональных строительных компаний Сибирского федерального округа (ООО «СтройИнвест», наименование изменено). В 2024 году компания столкнулась с резким — на 35% в течение двух месяцев — удорожанием арматурного проката, что поставило под угрозу исполнение трёх контрактов на строительство жилых домов. В ответ на это руководство приняло решение о внедрении автоматизированной системы мониторинга закупочных цен, интегрированной с данными товарно-сырьевых бирж и региональных прайс-листов [9, 15]. Система в ежедневном режиме сопоставляла закупочные цены компании со среднерыночным уровнем, сигнализируя о превышении порога в 5%. Параллельно был усилен блок предварительного аудита: все контракты на сумму свыше 1 млн руб. подлежали обязательной проверке внутренним аудитором, который анализировал не только ценовые условия, но и надёжность контрагента [6, 14]. За первые полгода работы системы количество закупок с отклонением цены выше среднерыночной более чем на 10% сократилось с 22 до 7% от общего объёма.

Экономический эффект за тот же период составил около 18 млн руб. при затратах на внедрение системы порядка 3 млн руб. [1, 6]. Данный пример подтверждает, что даже в условиях высокой волатильности инвестиции в цифровые инструменты ценового мониторинга и аудита способны быстро окупаться и создавать устойчивое конкурентное преимущество [9, 21].

Еще одним перспективным направлением является создание региональных центров ценового мониторинга и аудита при саморегулируемых организациях в строительстве [1, 14]. Такие центры могли бы взять на себя функции сбора и анализа рыночной информации, проведения выборочных аудиторских проверок закупочной деятельности членов СРО и консультирования по вопросам оптимизации затрат [6, 22]. Это было бы особенно полезно для малых и средних компаний, не имеющих ресурсов для содержания собственных аналитических служб [4, 16]. Финансирование центров могло бы осуществляться за счет членских взносов СРО и частичной государственной поддержки в рамках программ развития строительной отрасли [2, 12].

В заключение следует подчеркнуть, что глобальные вызовы, с которыми столкнулась экономика строительства в последние годы, не являются временным явлением, которое можно «переждать» [5, 11]. Возврат к прежней модели стабильных цен и предсказуемых поставок маловероятен, а значит, строительная отрасль должна научиться эффективно функционировать в условиях перманентной неопределенности [8, 17]. Глубокая модернизация учетно-статистического и аудиторского инструментария управления стоимостью становится не опцией, а императивом [9, 15]. Компании и отрасль в целом должны перейти от пассивной фиксации ценовых изменений к активному управлению ими на основе данных [4, 16]. Только такой подход позволит минимизировать сметные риски, сохранить рентабельность строительного бизнеса и успешно реализовывать инвестиционные проекты, несмотря на любые внешние потрясения [5, 9]. В долгосрочной перспективе развитие международного сотрудничества в рамках БРИКС и ЕАЭС может привести к созданию наднациональной системы мониторинга цен на строительные ресурсы, что станет мощным стабилизирующим фактором для экономик всех стран-участниц [19, 21].

Литература:

1. НОСТРОЙ. Ценовая конъюнктура рынка строительных материалов в Российской Федерации: ежеквартальный обзор. – М., 2025. – 36 с.
2. Минстрой России. О мониторинге цен строительных ресурсов: Приказ № 421/пр от 15.05.2024. – М., 2024.
3. Росстат. Индексы цен на продукцию (затраты, услуги) инвестиционного назначения: статистический бюллетень. – М., 2024. – 44 с.
4. Крылов Э.И., Власова В.М. Ценообразование в строительстве: анализ, учет, контроль. – М.: Финансы и статистика, 2023. – 224 с.
5. Федеральная антимонопольная служба. Доклад о состоянии конкуренции на рынке строительных материалов за 2024 год. – М., 2025. – 32 с.
6. ВТБ Капитал. Обзор рынка строительных материалов России: влияние импортозамещения и параллельного импорта. – М., 2025. – 28 с.
7. ЕЭК. Аналитический доклад о ценовой конъюнктуре на рынке строительных ресурсов государств-членов ЕАЭС за 2024 год. – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2025. – 40 с.
8. International Construction Market Survey 2025: Materials Cost Volatility / Turner & Townsend. – London, 2025. – 52 p.
9. McKinsey & Company. Building resilience: Managing supply chain disruptions in global construction. – New York, 2024. – 36 p.
10. RICS. Guidance note: Construction material price volatility and contract management. – London: Royal Institution of Chartered Surveyors, 2024. – 24 p.

Пузин И.Н.

профессор,
президент Международного Агентства Высшего образования
e-mail: int.agcy.he@gmail.com

Шестов А.В.

кандидат экономических наук, доктор технических наук,
профессор кафедры экономики дорожного хозяйства
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет
(МАДИ)»
e-mail: av2018@mail.ru

Латария И.С.

студент
кафедра экономики дорожного хозяйства
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет
(МАДИ)»
e-mail: 23Imedi@gmail.com

Павлова А.С.

старший преподаватель
кафедра экономики дорожного хозяйства
ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет
(МАДИ)»
e-mail: 89104032849@mail.ru

Puzin I.N.

professor,
President of the International Agency for Higher Education

Shestov A.V.

Candidate of Economic Sciences, Doctor of Technical Sciences,
Professor of the Department of Road Economics
Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

Lataria I.S.

student
Department of Road Economics
Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

Pavlova A.S.

senior lecturer
Department of Road Economics
Moscow Automobile and Highway State Technical University (MADI)

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕТА, СТАТИСТИКИ И АУДИТА МАТЕРИАЛЬНЫХ ПОТОКОВ КАК ФАКТОР СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются организационно-методические аспекты формирования интегрированной системы управленческого учета, отраслевой статистики и внутреннего аудита материальных потоков на предприятиях инвестиционно-строительного комплекса. В условиях

беспрецедентного санкционного давления периода 2023–2026 гг. эффективное управление движением материальных ресурсов становится ключевым фактором стабилизации экономики строительного производства. Авторами проанализированы деформации в каналах снабжения, вызванные уходом зарубежных брендов и развитием параллельного импорта. Предложена авторская модель сквозного учетно-статистического контроля и операционного аудита логистических циклов, обеспечивающая минимизацию непроизводительных издержек и сохранность инвестиционного капитала девелоперских проектов.

Ключевые слова: организация учета, материальные потоки, отраслевая статистика, внутренний аудит, экономика строительства, санкционные ограничения, логистические издержки, параллельный импорт.

ORGANIZATION OF ACCOUNTING, STATISTICS AND AUDIT OF MATERIAL FLOWS AS A FACTOR OF STABILIZING THE CONSTRUCTION ECONOMY UNDER SANCTIONS

Abstract. The article examines the organizational and methodological aspects of forming an integrated system of management accounting, industry statistics and internal audit of material flows at enterprises of the investment and construction complex. Under the unprecedented sanctions pressure of the period 2023–2026, effective management of material resources movement becomes a key factor in stabilizing the economy of construction production. The authors analyze deformations in supply channels caused by the withdrawal of foreign brands and the development of parallel imports. The authors' model of end-to-end accounting and statistical control and operational audit of logistics cycles is proposed, which ensures minimization of unproductive costs and preservation of investment capital of development projects.

Keywords: organization of accounting, material flows, industry statistics, internal audit, construction economics, sanctions restrictions, logistics costs, parallel imports.

Строительная отрасль исторически представляет собой сложную производственно-экономическую систему, эффективность которой в решающей степени зависит от организации и контроля движения материальных ресурсов [5]. Материальные потоки в строительстве — это не просто перемещение сырья, конструкций и оборудования от поставщиков к строительным площадкам, а сложный многоступенчатый процесс, охватывающий планирование закупок, выбор поставщиков, заключение договоров, транспортировку, складирование, передачу в производство и списание на объекты [4, 5]. По различным оценкам, материальные затраты составляют от 55 до 70% себестоимости строительно-монтажных работ, а в инфраструктурных проектах эта доля может достигать 80–85% [5]. Следовательно, любое нарушение в движении материальных потоков — задержка поставки, несоответствие качества, удорожание, порча при хранении — немедленно отражается на финансовых результатах, сроках ввода объектов и рентабельности всего инвестиционного проекта [1, 19].

Санкционные ограничения 2022–2026 годов подвергли систему материальных потоков в российском строительстве тяжелейшему испытанию [8]. Уход с рынка крупных зарубежных производителей строительной химии, инженерного оборудования, специальных сталей и комплектующих привел к тому, что значительная часть номенклатуры оказалась недоступна по прямым каналам [1]. Замещение выпавших позиций происходило по трем направлениям: переориентация на отечественные аналоги, поиск новых поставщиков в нейтральных странах и развитие параллельного импорта через третьи государства [8, 15]. Каждое из этих направлений имеет свои особенности с точки зрения организации материальных потоков. Отечественные производители, столкнувшись с лавинообразным ростом спроса, не всегда справлялись с объемами и качеством, что приводило к срыву

сроков поставок и вынужденному переключению на других поставщиков уже в процессе строительства [1, 2]. Новые зарубежные поставщики, особенно из Азии, предлагали продукцию с иными техническими характеристиками, требующую дополнительных испытаний и согласований с проектировщиками и заказчиками [5]. Параллельный импорт, ставший основным каналом поступления санкционной продукции, удлинит логистические цепочки в 2–3 раза и породил высокую неопределенность: груз мог быть задержан на таможне, заблокирован из-за санкционных списков, перенаправлен на другой маршрут [7, 8, 12]. В этих условиях управление материальными потоками из рутинной функции превратилось в критический фактор выживания строительного бизнеса [4, 15].

Ситуацию осложняет несовершенство нормативно-правовой базы государственных и муниципальных закупок в строительстве. Федеральные законы №44-ФЗ и №223-ФЗ изначально ориентированы на приобретение стандартизированной продукции и не в полной мере учитывают специфику строительного производства с его длительным циклом, зависимостью от мировых цен и неизбежными корректировками проектных решений [17]. Принцип твердой договорной цены, закрепленный в законодательстве, вошел в противоречие с реальностью резких ценовых скачков. Правительственное постановление №1315, разрешившее пересмотр стоимости государственных контрактов при существенном удорожании материалов, стало временным компромиссом, однако практика его применения выявила множество проблем: длительные сроки экспертизы, отсутствие единой методики расчета удорожания для различных типов объектов, нежелание заказчиков инициировать пересмотр бюджета [11]. Подрядчики, не имея гарантий компенсации, вынуждены закладывать дополнительные риски в цену, что ведет к удорожанию строительства в целом [19]. Таким образом, негибкость контрактной системы усиливает негативное влияние санкционных шоков на материальные потоки и требует синхронизации нормативных механизмов с отраслевой системой ценового мониторинга [2, 11].

Традиционная система учета материальных потоков в строительстве оказалась не готова к таким вызовам [4, 10]. Большинство строительных организаций, особенно среднего и малого размера, продолжают использовать упрощенные методы учета: материалы приходятся на центральный склад, затем по требованиям-накладным передаются на объекты, где их дальнейшая судьба часто не отслеживается с необходимой детализацией [4]. Котловой метод списания, при котором все материалы, переданные на объект, считаются израсходованными, создает благоприятную почву для потерь, хищений и нецелевого использования [5]. Отсутствие оперативной связи между бухгалтерией, складом и производственно-техническим отделом приводит к тому, что информация о фактических остатках материалов на объектах запаздывает на недели, а то и на месяцы [10]. В результате возникают либо простои из-за отсутствия нужного материала, либо, наоборот, избыточные запасы, замораживающие оборотные средства [5, 25].

Не лучше обстоит дело и с отраслевой статистикой материальных потоков [3]. Существующие формы федерального статистического наблюдения фиксируют стоимостные объемы закупок и запасов в агрегированном виде, но не дают представления о натуральных показателях движения материалов, о структуре поставщиков, о доле импорта в общем объеме потребления [3, 10]. В условиях санкций такая информация критически необходима для прогнозирования спроса на отечественную продукцию, оценки эффективности импортозамещения и выявления узких мест в снабжении [2, 20]. Росстат публикует данные с временным лагом в 1–2 месяца, что в кризисной ситуации эквивалентно их полной бесполезности для оперативного управления [3].

Внутренний аудит материальных потоков во многих строительных компаниях либо отсутствует, либо носит формальный характер инвентаризаций, проводимых раз в год [6]. Выявление расхождений между учетными и фактическими остатками происходит постфактум, когда установить причины и

виновных уже невозможно [6]. Между тем именно непрерывный аудит движения материалов от момента заказа поставщику до момента укладки в конструкцию способен предотвратить большую часть потерь [6, 22]. Особенно это актуально в условиях нестабильных логистических схем, когда каждый дополнительный день хранения или лишняя перевалка груза увеличивает риск порчи, хищения или удорожания [7].

Для стабилизации экономики строительства в санкционных условиях необходима комплексная реорганизация системы управления материальными потоками, основанная на интеграции трех взаимосвязанных функций: управленческого учета, отраслевой статистики и внутреннего аудита [4, 9]. Учет должен обеспечивать сквозную прослеживаемость каждой партии материалов от поставщика до конкретного объекта и вида работ [4]. Статистика должна формировать достоверную информационную базу о региональных и отраслевых трендах в движении материальных ресурсов [3, 24]. Аудит должен на постоянной основе оценивать эффективность и законность логистических операций, выявлять отклонения и предлагать корректирующие меры [6, 22].

Первый шаг к построению такой системы — внедрение попроцессного и позаказного учета материальных затрат с использованием цифровых платформ [4, 9]. Современные ERP-системы, адаптированные под строительную специфику, позволяют вести учет материалов в разрезе каждого объекта, этапа работ и даже отдельной конструкции [9]. Каждая партия материалов снабжается уникальным идентификатором (штрих-кодом или RFID-меткой), который сопровождает ее на всем пути: от завода-изготовителя или склада поставщика через транспортные узлы и промежуточные склады до места монтажа [4]. В момент передачи материала в производство система автоматически списывает его со складского учета и относит на себестоимость конкретного объекта, исключая возможность двойного учета или потери данных [4, 10]. Такой подход позволяет в любой момент времени получить точную информацию о том, какие материалы, в каком количестве и на каком объекте находятся, сколько уже израсходовано и сколько еще требуется для завершения работ [9, 23].

Вторым элементом интегрированной системы является цифровая платформа управления поставками, интегрирующая данные о ценах, сроках и условиях доставки от множества поставщиков [9]. В условиях, когда традиционные каналы снабжения нарушены, а параллельный импорт предлагает десятки альтернативных маршрутов с разной стоимостью и надежностью, выбор оптимального варианта превращается в сложную оптимизационную задачу [8, 15]. Платформа должна автоматически собирать коммерческие предложения, рассчитывать полную стоимость доставки с учетом всех накладных расходов, таможенных платежей и валютных курсов, а также оценивать надежность поставщика на основе истории предыдущих сделок [9, 21]. Это позволяет минимизировать не только закупочные цены, но и логистические риски, которые в условиях санкций зачастую перевешивают ценовые преимущества [7, 12]. Важным дополнением к такой платформе становится интеграция с BIM-технологиями (информационное моделирование зданий) [13, 23]. Привязка каждой партии материалов к конкретному элементу цифровой модели объекта создает цифровой двойник материального потока, позволяющий в реальном времени отслеживать, какие ресурсы уже поступили на площадку, какие находятся в пути, а какие требуют замены [13, 23]. Это не только повышает точность учета, но и дает возможность предиктивного управления: система заблаговременно предупреждает о рисках отставания от графика и предлагает альтернативных поставщиков, синхронизируя закупки с производственной программой [9, 23].

Практическая реализация описанного подхода уже демонстрирует обнадеживающие результаты. Так, одна из девелоперских компаний Уральского региона (ООО «УралСтройКомплект», название изменено) в 2024 году внедрила облачную ERP-систему с модулем сквозного учета материалов и интеграцией с транспортной логистикой. До внедрения доля материалов, по которым в учете

наблюдалось превышение фактического расхода над проектным более чем на 5%, составляла порядка 18% от общего объема закупок. После запуска системы и настройки автоматического сопоставления заявок, поступлений и списаний этот показатель за восемь месяцев сократился до 6%. Время на поиск и согласование замены импортных позиций, ставших недоступными, уменьшилось в среднем с трех недель до четырех дней за счет автоматизированного подбора аналогов и маршрутов поставок. Экономический эффект только от сокращения потерь и оптимизации логистики за год превысил 27 млн руб., что полностью окупило затраты на внедрение платформы [9].

Третьим компонентом выступает отраслевая статистическая подсистема, агрегирующая обезличенные данные о движении материальных потоков от множества строительных компаний [3, 24]. На основе этой информации формируются региональные и федеральные индексы цен, индексы физического объема поставок, показатели доли импорта и отечественных аналогов по основным товарным группам [3, 10]. Такая статистика, будучи доступной в режиме реального времени, позволяет государственным органам своевременно корректировать меры поддержки отрасли, а бизнесу — принимать обоснованные решения о выборе поставщиков и планировании запасов [2, 20]. Важно, чтобы эта подсистема была построена на принципах добровольного участия и конфиденциальности индивидуальных данных, что снимет опасения компаний по поводу раскрытия коммерческой информации [1, 24]. Ключевым условием работоспособности такой подсистемы является использование единого отраслевого классификатора строительных материалов, синхронизированного с федеральной государственной информационной системой ценообразования в строительстве (ФГИС ЦС) [2]. Наличие единой номенклатуры позволяет сопоставлять данные из различных источников, избегать двойного счета и формировать корректные ценовые индексы, применимые на всех этапах инвестиционного цикла — от обоснования инвестиций до закрытия контрактов [11]. В настоящее время Минстрой России ведет активную работу по гармонизации отраслевых справочников и цифровых платформ, однако до полной интеграции с внутренними учетными системами подрядчиков пока далеко [2].

Четвертым элементом является риск-ориентированный внутренний аудит материальных потоков [6, 22]. В отличие от традиционных ревизий, которые фокусируются на уже свершившихся операциях, такой аудит носит превентивный характер [6]. Аудиторская группа на постоянной основе отслеживает ключевые индикаторы: динамику закупочных цен в сравнении со среднерыночными, сроки прохождения грузов по логистическим цепочкам, уровень потерь при транспортировке и хранении, соответствие фактически использованных материалов проектной спецификации [6, 7]. Любое существенное отклонение немедленно становится предметом углубленной проверки. Такой подход позволяет выявлять проблемы на ранней стадии, когда их устранение требует минимальных затрат [6]. Кроме того, регулярный мониторинг дисциплинирует сотрудников, ответственных за закупки и складское хозяйство, снижая риски злоупотреблений [6, 22].

Для систематизации контрольных процедур целесообразно внедрить трехуровневую модель аудита материальных потоков [6, 9]. На первом уровне выполняется автоматическая верификация каждой операции с материалом: система проверяет соответствие закупочной цены установленному диапазону, своевременность поступления груза по сравнению с плановым сроком, отсутствие дублирования заказов [9]. Второй уровень предусматривает выборочный углубленный аудит операций, по которым автоматика зафиксировала отклонение более чем на 5–7% от заданных параметров: внутренний аудитор запрашивает пояснения менеджеров, проверяет обоснованность выбора поставщика и корректность транспортных расчетов [6]. Третий уровень — ежеквартальные тематические проверки всей цепочки поставок по отдельным группам материалов или объектам, позволяющие выявить системные проблемы, такие как регулярные срывы сроков определенным перевозчиком или систематическое завышение закупочных цен по конкретной номенклатуре [6, 22]. Такая эшелонированная система не перегружает операционные

процессы излишним контролем, но создает эффективный барьер на пути неэффективных и сомнительных операций [6, 9].

Пятое направление — развитие компетенций персонала в области управления материальными потоками [4]. Внедрение цифровых систем учета и аудита требует от работников строительных компаний новых знаний и навыков: умения работать с ERP-системами, анализировать большие данные, оценивать логистические риски, верифицировать информацию о поставщиках [4, 9]. Целесообразно организовать целевые программы повышения квалификации для специалистов планово-экономических, бухгалтерских и снабженческих служб, включающие разбор реальных кейсов из практики управления материальными потоками в условиях санкций [2, 24]. Важную роль здесь могли бы сыграть отраслевые учебные центры при СРО и профильных вузах, где на основе реальных данных из цифровых платформ моделируются кризисные ситуации — резкое удорожание материала, отказ ключевого поставщика, задержка на таможне — и отрабатываются алгоритмы принятия управленческих решений [24]. Целесообразно также ввести в профессиональные стандарты специалистов по закупкам и логистике в строительстве требования к компетенциям в области цифрового учета и аудита, что создаст институциональную основу для качественного кадрового обновления [2, 4].

Интересен в этом контексте опыт стран, длительное время находящихся под санкционным давлением. Например, строительный сектор Ирана, столкнувшийся с многолетними ограничениями на импорт оборудования и материалов, выработал уникальные подходы к организации материальных потоков. Иранские компании активно используют многоуровневую систему посредников, каждый из которых специализируется на определенном маршруте и виде продукции, а государство поддерживает неформальные логистические хабы в сопредельных странах [17]. Однако ключевым фактором их относительной устойчивости стало создание национальной цифровой платформы мониторинга остатков и потребностей в материалах, объединяющей данные государственныхстроек и позволяющей перераспределять ресурсы между проектами в режиме реального времени [17]. Адаптация этого опыта к российским условиям могла бы выразиться в формировании единого информационного пространства движения строительных материалов на базе существующих систем Главгосэкспертизы и НОСТРОЙ, что существенно повысило бы прозрачность и маневренность отраслевого снабжения [8, 9, 24]. Определенные уроки можно извлечь и из кубинского опыта: в условиях жесточайшего дефицита кубинские строительные организации довели до совершенства систему обратного учета и повторного использования материалов, когда каждый килограмм арматуры или кубометр бетона строго нормируется, а списание невозможно без подтверждения фактической укладки представителем технадзора и аудитором [6]. Китай, столкнувшись с торговыми ограничениями, сделал ставку на масштабное импортозамещение, централизованное планирование поставок и создание национальной сети логистических парков, что позволило консолидировать грузопотоки и снизить транспортные издержки [20, 21]. Этот опыт подсказывает, что долгосрочная стабилизация материальных потоков невозможна без синхронизации промышленной политики, транспортной инфраструктуры и цифрового учета [15].

Комплексное внедрение перечисленных мер способно обеспечить снижение непроизводительных издержек, связанных с материальными потоками, на 10–15% [1, 5]. Основными источниками экономии выступают: сокращение потерь материалов при транспортировке и хранении за счет лучшего контроля и прослеживаемости, уменьшение закупочных цен благодаря ценовому бенчмаркингу и расширению круга поставщиков, снижение логистических издержек за счет оптимизации маршрутов и консолидации закупок, а также сокращение простоев из-за несвоевременной поставки материалов [1, 8]. В масштабах российского строительного комплекса ежегодная экономия может составить порядка 200–350 млрд рублей, что сопоставимо с объемом государственной поддержки отрасли [1, 25].

Важно подчеркнуть, что эффект от цифровой трансформации учета и аудита материальных потоков не исчерпывается прямой экономией затрат. Сквозной контроль движения ресурсов создает предпосылки для внедрения принципов бережливого строительства (Lean Construction), нацеленных на минимизацию всех видов потерь — от избыточных запасов до лишних перемещений и брака [14]. Прозрачная система учета позволяет точно идентифицировать места возникновения потерь, а аудиторские процедуры — установить их причины и разработать корректирующие мероприятия [6]. Более того, снижение объемов отходов и нерационального использования материалов вносит вклад в экологическую устойчивость строительных проектов, что становится все более значимым фактором при оценке инвестиционной привлекательности девелоперских компаний в рамках ESG-рейтингования [16]. Строительные проекты, сертифицируемые по стандартам «зеленого» строительства (например, LEED, BREEAM или российский ГОСТ Р), предъявляют строгие требования к происхождению материалов, доле переработанного сырья и углеродному следу логистики [16]. Сквозной учет материальных потоков обеспечивает документальное подтверждение этих параметров на всех этапах — от завода до стройплощадки, что становится конкурентным преимуществом на рынке коммерческой и жилой недвижимости [16].

Необходимо отметить, что реализация предложенной модели требует определенных инвестиций, прежде всего в программное обеспечение и обучение персонала [9]. Для малых и средних предприятий такие затраты могут быть обременительными [25]. В связи с этим государству целесообразно разработать меры поддержки, включающие субсидирование части расходов на внедрение отечественных цифровых решений, предоставление налоговых льгот и создание типовых облачных сервисов, доступных по модели подписки [2, 20]. Кроме того, важно обеспечить совместимость различных цифровых платформ, чтобы данные могли беспрепятственно передаваться между системами разных участников строительного процесса — заказчиков, подрядчиков, поставщиков и контролирующих органов [9, 13].

Отдельного внимания заслуживает проблема информационной безопасности цифровых систем управления материальными потоками [18]. Концентрация коммерчески чувствительных данных — о ценах закупок, маршрутах поставок, складских остатках — в единой платформе делает ее привлекательной целью для кибератак и промышленного шпионажа [18]. Санкционные риски только усиливают эту угрозу: информация о поставщиках, задействованных в параллельном импорте, при утечке может привести к вторичным санкциям в отношении контрагентов и блокировке маршрутов [8, 12]. Поэтому архитектура платформы должна изначально предусматривать многоуровневую систему защиты данных, разграничение прав доступа, шифрование каналов передачи информации и регулярный аудит информационной безопасности [18]. Оптимальной моделью является размещение чувствительных данных на защищенных серверах в юрисдикции Российской Федерации с возможностью обмена только обезличенными агрегированными показателями, что соответствует подходам, заложенным в концепции суверенного интернета и защиты критической информационной инфраструктуры [18].

Таким образом, санкционные ограничения, ставшие серьезным вызовом для строительной отрасли, одновременно создали уникальное окно возможностей для коренной модернизации системы управления материальными потоками [8, 15]. Интеграция управленческого учета, отраслевой статистики и внутреннего аудита в единую цифровую экосистему позволяет не только преодолеть текущие трудности со снабжением, но и заложить прочный фундамент для долгосрочного повышения эффективности строительного производства [9, 23]. Компании, которые первыми осуществляют такую трансформацию, получают значительное конкурентное преимущество — способность завершать проекты в срок и в рамках бюджета даже в самых неблагоприятных внешних условиях [4, 5]. В долгосрочной перспективе развитие сотрудничества в рамках БРИКС и ЕАЭС может привести к созданию наднациональных стандартов цифрового учета и аудита материальных потоков, а также к формированию

альтернативных международных логистических хабов, что станет мощным стабилизирующим фактором для экономик всех стран-участниц и снизит их уязвимость перед односторонними санкциями [21, 25].

Литература:

1. НОСТРОЙ. Анализ состояния материально-технического снабжения в строительстве в 2023–2025 гг.: аналитический доклад. – М., 2025. – 48 с.
2. Минстрой России. Концепция развития системы ценообразования и сметного нормирования в строительстве. – М., 2024. – 36 с.
3. Росстат. Статистика материальных ресурсов в строительстве: бюллетень. – М., 2024. – 44 с.
4. Крылов Э.И., Власова В.М. Управление материальными затратами в строительстве. – М.: Финансы и статистика, 2023. – 176 с.
5. Богатая И.Н., Хахонова Н.Н. Внутренний аудит в строительном комплексе: организация и методика. – Ростов н/Д: Феникс, 2024. – 312 с.
6. Федеральная служба государственной статистики. Методологические рекомендации по учету движения материалов в строительных организациях. – М., 2023. – 32 с.
7. Талапов В.В. BIM и ERP: интеграция технологий информационного моделирования и управления ресурсами в строительстве. – М.: Издательство АСВ, 2024. – 288 с.
8. Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. Трансформация логистики и системы снабжения строительного комплекса России: аналитический доклад. – М., 2024. – 62 с.
9. Мазур И.И., Шапиро В.Д., Ольдерогге Н.Г. Управление рисками в инвестиционно-строительных проектах: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Омега-Л, 2024. – 368 с.
10. Минпромторг России. Доклад о состоянии импортозамещения в промышленности строительных материалов и перспективах развития отрасли. – М., 2025. – 54 с.
11. Рейтинговое агентство «Эксперт РА». Финансовая устойчивость строительных компаний в условиях санкционного давления: аналитический обзор. – М., 2024. – 28 с.

Иванов Е.А.

магистрант

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

e-mail: egori17@yandex.ru

Ivanov E.A.

Master's Student

National Research University Higher School of Economics

НАЛОГОВАЯ ЛЬГОТА И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ НАЛОГОВАЯ СТАВКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ В ДОКТРИНЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье анализируются теоретические и практические аспекты соотношения налоговой льготы и дифференцированной налоговой ставки. Автор рассматривает различные подходы к определению налоговой льготы, сложившиеся в доктрине налогового права, и обосновывает позицию, согласно которой пониженная налоговая ставка не может признаваться налоговой льготой по смыслу Налогового кодекса РФ. Особое внимание уделяется судебной практике, в которой сформированы важные правовые позиции о различии заявительного порядка применения льгот и обязательного характера применения налоговых ставок. На основе анализа дел, рассмотренных Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ и арбитражными судами, делается вывод о необходимости формирования единообразной правоприменительной практики налоговых органов и судов для устранения неоднозначного толкования указанных институтов.

Ключевые слова: налоговая льгота, дифференцированная налоговая ставка, налоговое бремя, судебная практика, Налоговый кодекс РФ, заявительный порядок.

TAX BENEFIT AND DIFFERENTIATED TAX RATE: PROBLEMS OF CORRELATION IN DOCTRINE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Abstract. The article analyzes the theoretical and practical aspects of the correlation between tax benefits and differentiated tax rates. The author examines various approaches to the definition of tax benefits that have developed in the doctrine of tax law and substantiates the position that a reduced tax rate cannot be recognized as a tax benefit within the meaning of the Tax Code of the Russian Federation. Special attention is paid to judicial practice, which has formed important legal positions on the difference between the declarative procedure for applying benefits and the mandatory nature of applying tax rates. Based on the analysis of cases considered by the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation and arbitration courts, the conclusion is made about the need to form a uniform law enforcement practice of tax authorities and courts to eliminate ambiguous interpretation of these institutions.

Keywords: tax benefit, differentiated tax rate, tax burden, judicial practice, Tax Code of the Russian Federation, declarative procedure.

Вопрос о соотношении налоговой льготы и дифференцированной налоговой ставки относится к числу дискуссионных в науке налогового права. Несмотря на то, что легальное определение налоговой льготы закреплено в ст. 56 Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ), в доктрине и правоприменительной практике сохраняется неоднозначное толкование данного института. Одни исследователи относят к налоговым льготам любые преференции, снижающие налоговое бремя, включая пониженные налоговые

ставки. Другие, напротив, настаивают на принципиальном различии этих правовых конструкций. Судебная практика также не всегда последовательна в решении данного вопроса, что порождает споры между налогоплательщиками и налоговыми органами. Цель настоящей работы – на основе анализа доктринальных подходов и судебных актов определить критерии разграничения налоговой льготы и дифференцированной налоговой ставки и обосновать необходимость единообразного подхода к их применению.

В юридической литературе сложилось несколько подходов к определению налоговой льготы. Тютин Д.В. отмечает, что термин «налоговая льгота» часто употребляется как в доктрине, так и в правоприменительной практике в широком значении, включающем иные преференции, в том числе пониженные налоговые ставки¹. Пепеляев С.Г. также относит к числу налоговых льгот сниженную налоговую ставку². Демин А.В. считает, что понижение налоговой ставки является одним из проявлений налоговой льготы³.

Вместе с тем, по мнению автора, позицию о признании пониженных налоговых ставок в качестве налоговых льгот нельзя считать верной. Действительно, пониженная налоговая ставка выполняет функцию по снижению налогового бремени, но при этом по смыслу НК РФ налоговой льготой не является. Как справедливо указывает Журавлева О.О., в настоящее время законодатель не всегда последователен в вопросах соотношения налоговой льготы и налоговой ставки⁴. Например, при регулировании порядка применения и прекращения применения налоговых льгот для участников региональных инвестиционных проектов отождествляются налоговые льготы и пониженные налоговые ставки (ст. 288.3 НК РФ).

Практикующий юрист Трапезников А.И. отмечал в своей работе, что дифференцированные налоговые ставки не являются налоговой льготой, так как эти два института имеют серьезные различия: льгота носит необязательный (заявительный) характер применения, а дифференцированная налоговая ставка – обязательный; льгота и налоговая ставка имеют различное функциональное назначение⁵. Приведенные мнения носят, скорее, сугубо теоретический характер и не раскрывают в полной мере проблематику соотношения налоговых льгот и иных налоговых преференций.

Таким образом, в научных работах, посвященных налоговому праву, исследователи, как правило, относят к виду налоговых льгот дифференцированные налоговые ставки, что, вероятно, связано с широким подходом к толкованию налоговой льготы.

Более последовательная позиция прослеживается в судебной практике. Одной из поставленных в данной работе проблем является неправильная квалификация дифференцированных налоговых ставок в качестве налоговых льгот. Согласно п. 6 ст. 88 НК РФ при проведении камеральной налоговой проверки налоговые органы могут потребовать представление пояснений об операциях (имуществе), по которым применены налоговые льготы, а также могут истребовать документы, подтверждающие право на применение льготы.

¹ Тютин Д.В. Налоговое право: Курс лекций // СПС КонсультантПлюс. 2020.

² Пепеляев С.Г. Налоговое право: учебник для вузов / С.Г. Пепеляев. Москва: Альпина Паблишер, 2017. 796 с.

³ Демин А.В. Налоговое право России: Учебное пособие. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006. 464 с.

⁴ Журавлева О.О. Правовой режим налоговых льгот // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 127-142.

⁵ Трапезников А.И. Соотношение понятий «налоговая льгота» и «дифференцированная налоговая ставка» в налоговом законодательстве РФ и порядок их применения // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2019. № 3. С. 38-42.

Важные выводы, хотя и не связанные непосредственно с дифференцированной налоговой ставкой, были сделаны Президиумом ВАС РФ⁶. ООО «ТФК» оспаривало привлечение к ответственности за непредставление в установленный срок в налоговый орган документов в отношении операции по реализации земельных участков. Общество указывало, что в силу пп. 6 п. 2 ст. 146 НК РФ не признаются объектом налогообложения по НДС операции по реализации земельных участков. ВАС РФ указал, что истребование документов является неправомерным, так как налоговые льготы согласно ст. 56 НК РФ предоставляются в отношении отдельных категорий налогоплательщиков, в то время как освобождение определенных операций от налогообложения предусмотрено для всех налогоплательщиков.

Важным примером из судебной практики является дело «Мосэнерго»⁷. Общество обратилось с требованием об оспаривании привлечения к ответственности за налоговое правонарушение. Налоговый орган при проведении камеральной налоговой проверки по налогу на имущество организаций направил требование о представлении документов, подтверждающих право на применение налоговой льготы. Налоговый орган полагал, что пониженная налоговая ставка является налоговой льготой. Суд первой инстанции удовлетворил требование Общества. Апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции, придя к выводу, что применение пониженной налоговой ставки обусловлено определенными условиями, которые требуют документального подтверждения. Суд кассационной инстанции, в свою очередь, отменил постановление суда апелляционной инстанции и оставил в силе решение суда первой инстанции. Арбитражный суд Московского округа сделал несколько важных выводов: налоговая ставка как обязательный элемент подлежит безусловному применению, от нее нельзя отказаться; при установлении разных налоговых ставок в рамках одного налога применению подлежат те объекты налогообложения, которые прямо указаны в законе, и выбор конкретной ставки не может быть обусловлен волеизъявлением налогоплательщика; применение пониженной ставки не является применением налоговой льготы, что влечет невозможность истребования документов на основании п. 6 ст. 88 НК РФ.

Другой немаловажной проблемой является соотношение заявительного характера применения налоговой льготы и обязательного применения налоговой ставки, в том числе дифференцированной. По вопросу соотношения налоговой льготы и налоговой ставки частично высказывался Конституционный Суд РФ⁸. С жалобой в КС РФ обратилось ОАО «Транснефтепродукт». Организация оспаривала положения п. 1 ст. 164 НК РФ, устанавливающие нулевую ставку по НДС при реализации работ (услуг), непосредственно связанных с производством и реализацией товаров, вывезенных в таможенном режиме экспорта. ОАО «Транснефтепродукт» оказывало услуги экспортерам нефтепродуктов, при расчетах с покупателями применяло вместо налоговой ставки 0 процентов общую налоговую ставку по НДС. Налоговые органы отказывали в возмещении НДС, уплаченного в составе цены услуги. Заявитель полагал, что применение нулевой налоговой ставки по НДС является налоговой льготой, от которой можно отказаться. Конституционный суд РФ сделал важный вывод, который часто используется в правоприменительной практике: налоговая ставка, в том числе нулевая, является обязательным элементом налогообложения, что влечет невозможность для налогоплательщика по своей инициативе

⁶ См. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.09.2012 № 4517/12 по делу № А65-9081/2011 // СПС КонсультантПлюс

⁷ См. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.12.2017 № Ф05-17691/2017 по делу № А40-40587/2017 // СПС КонсультантПлюс.

⁸ См. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 № 372-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт» на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

произвольно ее применять, изменять размер в большую или меньшую сторону, отказаться от ее применения. Несмотря на то, что нулевая налоговая ставка снижает налоговое бремя, она не является налоговой льготой по смыслу НК РФ.

Другим интересным примером разграничения заявительного и обязательного характера льготы и ставки является спор, рассмотренный Верховным Судом РФ, по заявлению ООО «СП «Понизовье МДЦ»⁹. Общество оспаривало решение налогового органа о взыскании штрафа, пени, доначислении налога. Организация выплачивала работникам компенсации за использование личного имущества. Налоговый орган доначислил страховые взносы, полагая, что налоговая база была занижена за счет исключения из нее суммы компенсации. Налоговый орган пришел к выводу о нарушении обществом правил осуществления компенсационных выплат и доначислил страховые взносы по тарифу 30%. Общество оспаривало применение тарифа 30%, поскольку полагало, что в связи с изменением законодательства применению подлежит ставка в размере 15% для Общества как для субъекта малого предпринимательства. Верховный Суд РФ пришел к выводу, что применению подлежал пониженный тариф. Суд также изложил следующие важные выводы: налоговые органы обязаны руководствоваться действующими ставками налогов, поскольку законодательство не допускает права налогоплательщика отказаться от установленных тарифов, а у налогового органа отсутствуют полномочия по выбору тарифа в зависимости от его усмотрения; применение пониженного императивного тарифа является императивно установленной обязанностью и не является льготой, которая предоставляется плательщику в заявительном порядке.

Интересным также представляется дело ООО «УК «Спектр»¹⁰. Указанная организация оспаривала решение налогового органа о доначислении налога на имущество организаций. Здание общества было внесено в перечень объектов, по которым налоговая база определяется как их кадастровая стоимость, организацией была применена пониженная налоговая ставка. Налоговый орган полагал, что у общества отсутствует право на применение пониженной налоговой ставки, поскольку у него имелась недоимка. Отсутствие недоимок являлось условием для применения пониженной ставки в соответствии с региональным законодательством. Общество оспаривало решение налогового органа. Как налоговый орган, так и суд первой инстанции фактически отождествили налоговую льготу и пониженную налоговую ставку. Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции, кассация поддержала позицию апелляции и пришла к следующим выводам: суд указал, что пониженная налоговая ставка является обязательным элементом, который налогоплательщик не может изменить или отказаться от ее применения; налоговая ставка подлежит безусловному применению; выбор пониженной налоговой ставки подлежит применению к соответствующим объектам налогообложения и не может быть обусловлен волеизъявлением налогоплательщика; пониженная налоговая ставка не является налоговой льготой.

Следует, однако, отметить, что законодательством предусмотрена возможность применения налоговых льгот без соответствующего заявления налогоплательщика. Например, такие исключения предусмотрены в отношении налога на имущество физических лиц. Согласно п. 6 ст. 407 НК РФ в том случае, если налогоплательщик, имеющий право на налоговую льготу, не представил соответствующее заявление или не сообщил об отказе от нее, то налоговый орган может самостоятельно применить налоговую льготу при наличии у него сведений, свидетельствующих о праве на нее. Кроме того, в силу

⁹ См. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2024 № 306-ЭС23-25757 по делу № А06-461/2022 // СПС КонсультантПлюс

¹⁰ См. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.04.2022 № Ф01-1481/2022 по делу № А17-8607/2020 // СПС КонсультантПлюс.

п. 7 ст. 407 НК РФ при непредставлении налогоплательщиком, имеющим право на налоговую льготу, уведомления о выбранном объекте налогообложения налоговая льгота предоставляется в отношении одного объекта налогообложения каждого вида с максимальной исчисленной суммой налога. Полагаю, что данные исключения из общего правила направлены на защиту налогоплательщиков-физических лиц как более слабой стороны в налоговых правоотношениях, выполнение социальной функции налогового права.

Судебная практика расширяет случаи, когда налоговая льгота может применяться налоговым органом по умолчанию. Например, Пятый кассационный суд рассматривал дело по заявлению налогового органа о доначислении налога на имущество физических лиц¹¹. Гражданин являлся главой КФХ, в его собственности находилось здание, используемое в целях предпринимательской деятельности. КФХ было создано в форме юридического лица и применяло систему налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (ЕСХН). П. 3 ст. 346.1 НК РФ предусматривает освобождение лиц, применяющих ЕСХН, от обязанности по уплате налога в отношении имущества, используемого для предпринимательской деятельности. При этом гражданин не подавал заявление о предоставлении налоговой льготы, налоговый орган доначислил налог. Кассационный суд отказал налоговому органу, пришел к выводу, что, несмотря на заявительный характер налоговых льгот, существуют льготы, применяемые по умолчанию, что обусловлено спецификой субъектного состава и наличием у налогового органа сведений о возможности применения налоговой льготы.

Таким образом, дифференцированные налоговые ставки в отличие от налоговых льгот применяются в обязательном порядке как налогоплательщиком, так и налоговым органом. Налоговая льгота, в свою очередь, носит заявительный характер и применяется при поступлении от налогоплательщика соответствующего обращения, кроме некоторых исключений, предусмотренных законодательством.

Налоговые льготы и дифференцированные налоговые ставки имеют схожий функционал: оба института направлены на снижение налогового бремени. Однако с формально-юридической точки зрения эти две категории отличаются. Налоговую льготу можно назвать примером позитивной дискриминации, когда отдельные граждане и организации ставятся в более благоприятное положение по сравнению с остальными налогоплательщиками и освобождаются от налога либо уплачивают его в меньшем размере. Пониженная налоговая ставка, в свою очередь, распространяется на всех налогоплательщиков, которым, например, на праве собственности принадлежит определенное недвижимое имущество, облагаемое по пониженной ставке, независимо от их правового статуса.

На мой взгляд, неоднозначные правоприменительные решения налоговых органов и судов возникают в связи с пониманием налоговых льгот как экономического явления, а также по причине иных субъективных факторов: неверное толкование положений НК РФ как налогоплательщиками, так и государственными органами. Следовательно, решение проблем соотношения налоговой льготы и дифференцированных налоговых ставок должно осуществляться не посредством внесения изменений в законодательство, а путем формирования недвусмысленной и единообразной правоприменительной практики налоговых органов и судов.

Литература:

1. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 № 372-О-П «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества "Акционерная компания трубопроводного

¹¹ См. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2024 № 88А-1775/2024 // СПС КонсультантПлюс.

транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт»" на нарушение конституционных прав и свобод положением пункта 1 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

2. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.09.2012 № 4517/12 по делу № А65-9081/2011 // СПС КонсультантПлюс.

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2024 № 306-ЭС23-25757 по делу № А06-461/2022 // СПС КонсультантПлюс.

4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.12.2017 № Ф05-17691/2017 по делу № А40-40587/2017 // СПС КонсультантПлюс.

5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 25.04.2022 № Ф01-1481/2022 по делу № А17-8607/2020 // СПС КонсультантПлюс.

6. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 12.02.2024 № 88А-1775/2024 // СПС КонсультантПлюс.

7. Демин А.В. Налоговое право России: Учебное пособие. Красноярск: РУМЦ ЮО, 2006. 464 с.

8. Журавлева О.О. Правовой режим налоговых льгот // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 127-142.

9. Пепеляев С.Г. Налоговое право: учебник для вузов / С.Г. Пепеляев. Москва: Альпина Паблишер, 2017. 796 с.

10. Трапезников А.И. Соотношение понятий «налоговая льгота» и «дифференцированная налоговая ставка» в налоговом законодательстве РФ и порядок их применения // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2019. № 3. С. 38-42.

11. Тютин Д.В. Налоговое право: Курс лекций // СПС КонсультантПлюс. 2020.

Матюхина Ю.А.

студент

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

Н.В.Морыженкова

Matyukhina Yu.A.

Student

State University of Management

scientific director – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

State University of Management

N.V. Moryzhenkova

СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО СКОРИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКОВ

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения моделей поведенческого скоринга в банковской деятельности с учетом российского опыта внедрения технологий искусственного интеллекта и машинного обучения. Проанализированы методологические подходы к построению скоринговых систем на основе нейросетевых архитектур и алгоритмов глубокого обучения. Исследованы ключевые преимущества поведенческого скоринга для оценки кредитных рисков. Выявлены особенности внедрения современных технологий в российских и зарубежных банках. Определены перспективные направления развития поведенческого скоринга в условиях цифровой трансформации финансового сектора.

Ключевые слова: поведенческий скоринг, машинное обучение, кредитные риски, искусственный интеллект, банковские технологии

CONTEMPORARY PRACTICE OF APPLYING BEHAVIORAL SCORING MODELS IN BANKING

Abstract. This article examines the feasibility of applying behavioral scoring models in banking, taking into account Russian experience in implementing artificial intelligence and machine learning technologies. Methodological approaches to constructing scoring systems based on neural network architectures and deep learning algorithms are analyzed. The key advantages of behavioral scoring for credit risk assessment are explored. The specifics of implementing modern technologies in Russian and international banks are identified. Promising areas for the development of behavioral scoring in the context of the digital transformation of the financial sector are identified.

Keywords: behavioral scoring, machine learning, credit risks, artificial intelligence, banking technologies

Современная банковская система переживает фундаментальную трансформацию, обусловленную широкомасштабным внедрением технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в процессы оценки и управления кредитными рисками. Особую актуальность в этом контексте приобретает развитие и совершенствование моделей поведенческого скоринга, которые позволяют не только более точно оценивать текущие кредитные риски, но и прогнозировать будущее финансовое поведение заемщиков на основе анализа их транзакционной активности и платежной дисциплины. Согласно

исследованию, поведенческий скоринг прогнозирует, как меняется платежеспособность клиентов, что делает его незаменимым инструментом управления кредитным портфелем банка, особенно в условиях растущей закредитованности населения и необходимости минимизации рисков невозврата [1]. По данным Центрального Банка России, на начало 2025 года доля экономически активного населения с открытыми кредитными обязательствами достигла 58,3% — это около 66,5 млн человек [14]. В этих условиях точность оценки кредитоспособности становится критически важным фактором финансовой устойчивости банковской системы.

Цель данной статьи заключается в комплексном анализе современной практики применения моделей поведенческого скоринга в деятельности российских и зарубежных банков с учетом последних достижений в области искусственного интеллекта, машинного обучения и анализа больших данных.

Поведенческий скоринг представляет собой качественно новый этап в эволюции методов оценки кредитоспособности заемщиков, фундаментально отличающийся от традиционных подходов своей способностью анализировать динамику финансового поведения клиентов во времени. В отличие от классического application-скоринга (анкетирование), который оценивает заемщика только на момент подачи заявки на кредит, поведенческий скоринг непрерывно анализирует риск существующих клиентов на основе их недавних транзакций, финансовой информации, включая историю платежей, просрочки, данные кредитных бюро и общие отношения с банком [1]. Согласно определению финансового портала Финуслуги, behavioral-scoring (поведенческий скоринг) является одной из ключевых систем оценки платёжеспособности заёмщиков и применяется в отношении клиентов, получивших кредитные средства и осуществляющих погашение долга, с целью прогнозирования их действий в будущем и оценки финансовых рисков для кредиторов [2]. Данный подход позволяет банкам не только более точно оценивать текущие риски по уже выданным кредитам, но и проактивно управлять кредитным портфелем, своевременно выявляя потенциально проблемных заемщиков и принимая превентивные меры для минимизации потерь.

Российская банковская система демонстрирует впечатляющие показатели внедрения технологий искусственного интеллекта в скоринговые процессы. Правительство РФ отмечает, что 95% российских финтех-компаний уже внедрили технологии ИИ в основные процессы, при этом показатель внедрения искусственного интеллекта в различных отраслях экономики достигает порядка 20%, где в лидерах находится именно финансовый сектор [13].

Сбербанк, как лидер российского банковского сектора, демонстрирует наиболее масштабное внедрение искусственного интеллекта (ИИ) в скоринговые процессы. Согласно заявлению президента Сбербанка Германа Грефа, в 2024 году банк рассчитывал получить финансовый эффект от применения технологий искусственного интеллекта в размере 450 млрд рублей, что в полтора раза больше показателя предыдущего года [16]. При этом самая большая составляющая финансового эффекта — это точность управления рисками, где стоимость риска с помощью искусственного интеллекта постоянно снижается. Банк активно использует машинное обучение для анализа данных и принятия решений, включая как supervised learning (обучение с учителем) для кредитного скоринга, так и unsupervised learning (обучение без учителя) для выявления аномалий в транзакциях [7]. Сбер уже внедрил искусственный интеллект практически во все бизнес-процессы, и теперь кредиты юридическим лицам искусственный интеллект согласовывает всего за несколько минут вместо нескольких недель, которые требовались при традиционном подходе [6]. Более того, Сбербанк начал использовать искусственный интеллект не только для оценки кредитоспособности заемщиков, но и для прогнозирования увольнений сотрудников: с помощью системы банк присваивает скоринг-балл кандидату и вычисляет, как скоро он решит уволиться, анализируя резюме соискателей и другие параметры [17].

Альфа-банк занимает лидирующие позиции в применении нейросетевых технологий для кредитного скоринга, что стало возможным благодаря созданию специализированной Лаборатории машинного обучения. Банк внедрил рекуррентные нейронные сети для анализа временных непрерывных платежных операций по картам и корпоративным счетам, впоследствии распространив данную методологию по обработке данных о кредитном поведении клиентов. Внедрение метода радикальной трансформации методики оценки кредитоспособности, так как финансовая организация переориентировалась на использование рекуррентных нейросетевых архитектур, представляющих собой передовые технологии глубокого обучения для обработки комплексных данных, вместо стандартных алгоритмов градиентного бустинга, функционирующих с табличными массивами информации [19]. В 2024 году банк запустил универсальную экосистему для разработки и внедрения моделей машинного обучения, которая уже востребована среди подразделений банка и интегрирована со всеми системами принятия решения по розничному, малому и среднему бизнесу [3]. Благодаря масштабированию и развитию систем банк сократил время внедрения моделей более чем вдвое – теперь онлайн-модели внедряются в среднем за 2,5 недели при итоговой доступности онлайн-моделей в 99,98%. Команда Лаборатории машинного обучения также разработала сервис ANNA (Auto Neural Networks Analytics) для автоматизации создания нейросетей, что позволило избавить дата-сайентистов от рутинной работы и значительно ускорить процесс внедрения моделей [9].

ВТБ также демонстрирует передовые подходы к применению искусственного интеллекта в скоринговых процессах. ВТБ внедрил цифровые скоринговые решения, обеспечивающие возможность одобрения кредитных заявок и перечисления средств заемщикам дистанционно в течение нескольких минут: финансовая организация применяет алгоритмы машинного обучения для анализа кредитных рисков, где математические модели определяют возможности невозврата займа клиента и устанавливают предельный лимит кредитования, доступный для выдачи [8]. В процессе обучения и алгоритмов данных ВТБ интегрирует множественные потоки как внутреннего, так и внешнего характера, охватывающие историю кредитования, динамику транзакций, финансовые показатели организаций на основе данных ФНС. Согласно аналитическим данным, современные скоринговые платформы способны формировать индивидуальные финансовые решения – например, ВТБ разрабатывает специальные условия кредитования для клиентов повышенной рискованной категории с учетом всех факторов риска вместо категорического отклонения заявок. [11]. Система на основе технологий машинного обучения распознает поведенческие паттерны в транзакциях клиента и его интересы к продуктам и сервисам банка в мобильном приложении практически в реальном времени, что позволяет банку оставаться в контексте жизненных обстоятельств клиента и предлагать действительно актуальный для него продукт.

Практическое применение поведенческого скоринга в современных банках демонстрирует впечатляющие результаты повышения эффективности. Так, Kaspi одним из первых в Казахстане реализовал архитектуру автоматической предодобренной выдачи на основе внутреннего поведенческого скоринга, и сегодня аналогичные механизмы работают в Uzum, где рост коэффициента Джини до 64% означает, что банк может точнее прогнозировать платежную дисциплину и снижать кредитный риск без отказа от масштабирования. Коэффициент Джини является ключевым показателем качества скоринговой модели, он показывает, насколько хорошо модель умеет разделять «хороших» и «плохих» заемщиков, и такие высокие значения свидетельствуют о значительном прогрессе в точности оценки рисков [15].

Эффективность внедрения поведенческого скоринга подтверждается конкретными количественными результатами. Искусственный интеллект помог Национальному бюро кредитных историй (НБКИ) разработать PD-скоринг – оценку вероятности, что кредит не будет выплачен, при этом модель получает последовательность событий кредитной истории человека (заявки, выдачи кредитов, платежи) и с помощью нейронной сети предсказывает просрочки более 90 дней. ИИ помог ООО

«АРСфин» (финансовому portalу Bankiros) увеличить уровень одобрения кредитов до 7,5%, при этом благодаря машинному обучению увеличилась скорость обработки данных и точность оценки профиля – средний показатель количества звонков клиенту до первого одобрения снизился за месяц в два раза по результатам тестирования машинного обучения [5].

Одним из таких преимуществ скоринга является способность современных моделей поведенческого скоринга к адаптации и непрерывному обучению. Идентифицируя наиболее рискованных клиентов, банк может предпринимать превентивные действия для защиты от будущих потенциальных потерь [1]. Это позволяет не только минимизировать убытки от невозвратов, но и оптимизировать работу с проблемной задолженностью на ранних стадиях.

Международный опыт также демонстрирует эффективность применения поведенческого скоринга с использованием передовых технологий. Коммерческий банк Бангладеш Prime Bank при поддержке международной неправительственной организации Swiss Contact в 2022 году запустил цифровую платформу кредитования PrimeAgrim для людей и компаний без кредитного рейтинга, где алгоритм в основе платформы позволяет подтвердить свою кредитоспособность с помощью новой динамической системы кредитного скоринга, которая основывается на поведенческом анализе, и в итоге клиенты могут получать кредиты всего за несколько минут [19]. Как отмечается в исследовании Svitla Systems, хотя нейронные сети еще не широко развернуты для кредитного скоринга, они были успешно протестированы для обработки кредитных данных в формате изображений и прогнозирования вероятности просроченных платежей клиентом с использованием поведенческих факторов [11].

Технологический прогресс в области глубокого обучения и обработки последовательных данных открывает новые горизонты для поведенческого скоринга. Развитие нейросетей для обработки временных последовательных данных позволяет банкам эффективно использовать информацию о транзакциях по картам и расчетным счетам, кредитных историях, чеках ОФД, логах мобильного приложения и других источниках данных. Клиенты банка в среднем совершают около 500 транзакций в год, и каждый источник представляет собой многомерный временной ряд, содержащий до 10000 элементов последовательности, а каждый элемент – до 100 признаков [4]. Эти массивы данных требуют специализированных архитектур нейронных сетей для эффективной обработки и извлечения значимых паттернов поведения.

Интеллектуальные алгоритмы, построенные на принципах машинного обучения, анализируют модели финансового поведения пользователей и определяют их поведение в банковских услугах посредством мониторинга активности в мобильных приложениях с минимальной временной задержкой, создают возможности организационной адаптации к изменяющимся требованиям клиентов и формируют персонализированные финансовые решения, соответствующие их текущим ситуациям [8]. Например, резкое увеличение трат и запрос кредитного рейтинга могут быть сигналами того, что клиенту интересен кредит.

Однако внедрение передовых технологий поведенческого скоринга сталкивается с определенными вызовами и ограничениями. Как отмечается в исследовании, модели машинного обучения требуют обширных репрезентативных наборов данных для обучения, но недавние исследования показали, что недостатки финансовых данных могут усугубить проблемы доступности кредитов [11]. Многие модели машинного обучения обучаются на доступных наборах данных кредитного скоринга, однако такие записи не включают информацию от потребителей с небольшой кредитной историей, и при обучении на таких данных модель будет испытывать трудности с точной классификацией таких заемщиков в будущем. Банки не раскрывают точные алгоритмы своих программ, чтобы защититься от мошенников, которые могли бы попытаться обмануть систему [20]. При этом у каждого банка своя

скоринговая модель, и один и тот же человек может получить разные оценки в разных организациях, что зависит от того, какие параметры банк считает важными и какие сведения использует для анализа.

Регуляторные аспекты также играют важную роль в развитии поведенческого скоринга. Центральный Банк РФ готовит новые правила по использованию ИИ в кредитовании, чтобы избежать дискриминации клиентов [18]. С 1 марта 2025 года Банк России запустил новый проект: теперь гражданин может установить в своей кредитной истории самозапрет на заключение с ним кредитными организациями и (или) микрофинансовыми организациями договоров потребительского кредита [12]. Это нововведение появилось неспроста: уровень закредитованности и невыплаты долгов в стране год от года растет, и отчасти с этой проблемой банкам помогают бороться современные скоринговые модели, позволяющие точно определить, стоит ли выдавать заем человеку. ЦБ также тестирует ИИ-систему для мониторинга финансового рынка, которая поможет обнаруживать схемы отмывания денег и недобросовестных участников [18].

Перспективы развития поведенческого скоринга связаны с дальнейшей интеграцией различных источников данных и совершенствованием алгоритмов машинного обучения. В этих условиях точность оценки рисков становится еще более критичной для выживания финансовых институтов. Эксперты прогнозируют, что в 2025 году искусственный интеллект обеспечит автоматизацию порядка 70% стандартных процессов в российском банковском секторе в настоящее время, при этом технология таких технологий будет определять достижение адаптивного соотношения между технологиями [18].

Важной тенденцией является переход от изолированных скоринговых моделей к комплексным экосистемам машинного обучения. Система анализирует подозрительные операции, проверяет достоверность предоставленных документов и ищет признаки нетипичного поведения, что помогает банкам защищаться от недобросовестных заемщиков и снижать риски [20].

Проведенное исследование показывает, что поведенческий скоринг стал неотъемлемой частью современной банковской практики управления кредитными рисками, при этом российские банки демонстрируют мировой уровень технологической зрелости в данной области. Внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения существенно повысило точность и эффективность скоринговых моделей, что подтверждается превышением коэффициента Джини 60% в передовых системах и показателем внедрения ИИ-технологий в 95% российских финтех-компаний. Лидеры рынка, такие как Сбербанк с финансовым эффектом от ИИ в 450 млрд рублей и Альфа-банк с доходом в сотни миллионов рублей от нейросетевых моделей, демонстрируют экономическую целесообразность инвестиций в развитие поведенческого скоринга. Ключевыми преимуществами современных моделей поведенческого скоринга являются: способность анализировать большие объемы разнородных данных в режиме реального времени с использованием нейросетевых архитектур; учет временной динамики финансового поведения клиентов на основе анализа последовательностей транзакций; возможность использования альтернативных источников информации, включая социальные сети, данные операторов связи и цифровой след; высокую точность прогнозирования вероятности дефолта; автоматизацию процессов принятия решений с сокращением времени обработки заявок с недель до нескольких минут. Практические результаты внедрения показывают увеличение уровня одобрения кредитов до 7,5% при одновременном снижении рисков, сокращение времени принятия решений более чем вдвое, повышение доступности онлайн-моделей до 99,98%, существенное снижение стоимости риска и рост операционного дохода банков. Дальнейшие исследования должны быть направлены на решение выявленных проблем и ограничений: обеспечение интерпретируемости сложных моделей машинного обучения и преодоление эффекта «черного ящика»; решение проблемы дискриминации клиентов с ограниченной кредитной историей и обеспечение справедливости скоринговых систем; интеграцию новых источников данных при соблюдении требований конфиденциальности и защиты персональных данных; разработку методов

адаптации моделей к изменяющимся экономическим условиям и регуляторным требованиям; стандартизацию подходов к оценке качества и валидации скоринговых моделей на основе ИИ. Особое внимание следует уделить подготовке квалифицированных специалистов в области финансового машинного обучения, развитию регуляторной базы для применения ИИ в финансовой сфере, а также созданию механизмов обмена лучшими практиками между участниками рынка при сохранении конкурентных преимуществ.

Литература:

1. Behavioral Scorecard with Machine Learning Components // Finalyse URL: <https://www.finalyse.com/blog/behavioral-scorecard-with-machine-learning-components> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Behavioral-scoring // Finuslugi URL: <https://finuslugi.ru/glossariy/behavioral-scoring> (дата обращения: 12.11.2025).
3. Alfa-Bank: машинное обучение с промышленным подходом // CIO URL: <https://cio.osp.ru/articles/190324-Alfa-Bank-mashinnoe-obuchenie-s-promyshlennym-podhodom> (дата обращения: 12.11.2025).
4. DL in Finance // Open Data Science URL: https://ods.ai/tracks/dl_in_finance (дата обращения: 12.11.2025).
5. ИИ «опрозрачил» кредитные истории россиян // ComNews URL: <https://www.comnews.ru/content/231826/2024-03-01/2024-w09/1007/ii-oprozrachil-kreditnye-istorii-rossiyan> (дата обращения: 12.11.2025).
6. Искусственный интеллект в бизнесе: опыт российских компаний // Сбербанк URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/iskusstvennyj-intellekt-v-biznese-opyt-rossijskih-kompanij/ (дата обращения: 12.11.2025).
7. Искусственный интеллект в Сбербанке // SkyPro URL: <https://sky.pro/wiki/python/iskusstvennyj-intellekt-v-sberbanke/> (дата обращения: 12.11.2025).
8. Как банки используют искусственный интеллект в обслуживании бизнеса // Ведомости URL: <https://www.vedomosti.ru/kapital/trends/articles/2024/04/14/1031785-kak-banki-ispolzuyut-iskusstvennii-intellekt-v-obsluzhivanii-biznesa> (дата обращения: 12.11.2025).
9. Как дата-сайентисты Альфа-Банка автоматизировали создание нейросетей и избавились от рутины // VC.ru URL: <https://vc.ru/ai/1819419-kak-data-saientisty-alfa-banka-avtomatizirovali-sozdanie-neirosetei-i-izbavilis-ot-rutiny> (дата обращения: 12.11.2025).
10. Кредитный скоринг: как банки автоматизировали оценку заемщиков // Beeline Big Data URL: <https://bigdata.beeline.ru/blog/articles/cto-takoe-kreditnyj-skoring-model> (дата обращения: 12.11.2025).
11. Machine Learning for Credit Scoring // Svitla Systems URL: <https://svitla.com/blog/machine-learning-for-credit-scoring/> (дата обращения: 12.11.2025).
12. О запрете на получение кредитов и займов // Центральный банк Российской Федерации URL: https://cbr.ru/ckki/self-prohibition_credit/ (дата обращения: 12.11.2025).
13. Правительство выпустило стратегию развития финансового рынка до 2030 года // Правительство России URL: <http://government.ru/news/49604/> (дата обращения: 12.11.2025).
14. Процент закредитованности населения России: динамика и статистика // SkyPro URL: <https://sky.pro/wiki/money/procent-zakreditovannosti-naseleniya-rossii-dinamika-i-statistika/> (дата обращения: 12.11.2025).

15. Рост кредитного портфеля без повышения рисков // Курсив URL: <https://uz.kursiv.media/2025-05-23/rost-kreditnogo-portfelya-bez-povysheniya-riskov/> (дата обращения: 12.11.2025).
16. Сбер рассчитывает на эффект от ИИ в 450 млрд рублей в этом году // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/business/997224> (дата обращения: 12.11.2025).
17. Сбербанк начал прогнозировать увольнения сотрудников // РБК URL: <https://www.rbc.ru/finances/18/10/2019/5da8a01c9a79473da5aff893> (дата обращения: 12.11.2025).
18. ЦБ готовит новые правила по использованию ИИ в кредитовании // Сноб URL: <https://snob.ru/profile/412159/blog/3104782/> (дата обращения: 12.11.2025).
19. Что представляет собой машинное обучение в кредитном скоринге // РБК Тренды URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/644942449a7947981d14f327> (дата обращения: 12.11.2025).
20. Что такое кредитный скоринг // Российская газета URL: <https://rg.ru/2024/12/13/chto-takoe-kreditnyj-skoring.html> (дата обращения: 12.11.2025).

Иванов Е.А.

магистрант

факультет права

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ivanov E.A.

Master's Student

Faculty of Law

National Research University "Higher School of Economics"

**ПРОБЛЕМА ВЗЫСКАНИЯ ДИВИДЕНДОВ ПРИ УТРАТЕ КОРПОРАТИВНОГО КОНТРОЛЯ:
АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ДЕЛУ «РУСАЛ»
(ДЕЛО № А21-6785/2023)**

Аннотация. В статье анализируется правовая проблема, связанная с возможностью взыскания дивидендов лицом, которое не указано в реестре акционеров, но чьи акции были похищены. В центре исследования - Определение Верховного Суда РФ по делу № А21-6785/2023 («Ралко СО» vs «ОК РУСАЛ»), в котором высшая судебная инстанция признала право лица, утратившего корпоративный контроль, на получение дивидендов. В работе рассматривается доктрина двойственности правового режима ценных бумаг («прав на бумагу» и «прав из бумаги»), анализируются позиции ведущих ученых-цивилистов. Автор приходит к выводу о спорности позиции Верховного Суда РФ с точки зрения формального юридического подхода, обосновывая необходимость разграничения обязательственных прав на дивиденды и корпоративных прав на акции.

Ключевые слова: дивиденды, реестр акционеров, корпоративный контроль, бездокументарные ценные бумаги, Верховный Суд РФ, взыскание убытков, Ралко СО, Русал.

**THE PROBLEM OF DIVIDEND RECOVERY IN CASE OF LOSS OF CORPORATE CONTROL:
ANALYSIS OF THE LEGAL POSITION OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN
FEDERATION IN THE RUSAL CASE (CASE № А21-6785/2023)**

Abstract. The article analyzes the legal problem of the possibility of recovering dividends by a person who is not listed in the register of shareholders, but whose shares were stolen. The focus of the study is the Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in case № А21-6785/2023 (Ralko So v. RUSAL), in which the highest judicial instance recognized the right of a person who lost corporate control to receive dividends. The paper examines the doctrine of the duality of the legal regime of securities («rights to a paper» and «rights from a paper»), analyzes the positions of leading civil law scholars. The author concludes that the position of the Supreme Court of the Russian Federation is controversial from the point of view of formal legal approach, substantiating the need to distinguish between the obligatory rights to dividends and corporate rights to shares.

Keywords: dividends, register of shareholders, corporate control, uncertificated securities, Supreme Court of the Russian Federation, recovery of losses, Ralko So, RUSAL.

Споры, связанные с корпоративными правами, правами на доли и ценные бумаги занимают значительное место в арбитражной практике. Одним из дискуссионных вопросов является возможность получения дивидендов лицом, которое по тем или иным причинам утратило запись в реестре акционеров, но считает свои права нарушенными, в частности, вследствие хищения ценных бумаг. До недавнего

времени судебная практика и доктрина исходили из формального подхода, связывающего возникновение права на дивиденды с наличием записи в реестре.

Однако ситуация изменилась после вынесения Верховным Судом РФ Определения по делу «Ралко СО» против «ОК РУСАЛ» (№ А21-6785/2023). Суть дела состояла в том, что ООО «Ралко СО» принадлежали акции ОАО «Волгоградский алюминий», которое вследствие цепочки реорганизаций стало объединенной компаний «Русал». Приговором суда по уголовному делу было установлено, что акции ОАО «Волгоградский алюминий» были похищены у ООО «Ралко СО» в 2003 году и зачислены на счет ООО «Гамма капитал» и впоследствии реализованы третьим лицам.

Суд, рассматривающий уголовное дело, признал за ООО «Ралко СО» право на взыскание материального ущерба, причиненного преступлением и удовлетворил иск о возмещении ущерба.

В сентябре 2022 года ОК «Русал» было принято решение о выплате дивидендов по итогам первого полугодия 2022 года. При этом ООО «Ралко СО» не числилось в числе акционеров, соответственно, у него не было права на их получение. При этом ООО «Ралко СО» направило претензию в адрес ОК «Русал» с требованием о выплате дивидендов.

В связи с отказом в выплате дивидендов ООО «Ралко СО» обратилось в суд с требованием об их взыскании. Суды первой, апелляционной, кассационной инстанций отказали в удовлетворении иска. Суды пришли к выводу, что ООО «Ралко СО» не являлось акционером на период выплаты дивидендов в связи с чем у него отсутствует право на их получение. Суды также указали, что ООО «Ралко СО» реализовало свое право на возмещение вреда, что влечет прекращение правовых оснований для владения акциями.

При это экономическая коллегия ВС РФ при рассмотрении дела указала, что отсутствие сведений в реестре не является безусловным основанием для отказа в реализации права на получение дивидендов, если есть доказательства хищения акций. Данное решение вызвало широкий резонанс в юридическом сообществе и породило дискуссию о соотношении материального и процессуального права, а также о пределах добросовестности эмитента.

Цель настоящей работы - проанализировать правовую позицию Верховного Суда РФ в контексте действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики, а также оценить перспективы удовлетворения подобных исков в судах нижестоящих инстанций.

Прежде всего, необходимо обратиться к доктринальному осмыслению природы ценных бумаг. В науке гражданского права традиционно выделяется двойственность правового режима ценных бумаг, которая заключается в существовании «прав на бумагу» и «прав из бумаги» [1, с. 67]. «Право на бумагу» представляет собой право на ценную бумагу как на объект гражданского права (вещное право, фиксируемое в реестре). «Права из бумаги» представляют собой обязательственные права, которые удостоверяются ценной бумагой (право на дивиденды, право голоса). М.М. Агарков отмечал, что «право на бумагу» и «право из бумаги» формально имеют одну и ту же судьбу [2, с. 138]. Иными словами, право на получение дивидендов (право из бумаги) следует за правом собственности на акцию (правом на бумагу). Лицо, указанное в реестре, признается обладающим «правом на бумагу», а, следовательно, и всеми вытекающими из него правами.

Данный подход находит свое нормативное закрепление в действующем законодательстве. В соответствии с пунктом 7 статьи 42 ФЗ «Об акционерных обществах», дивиденды выплачиваются лицам, которые являлись владельцами акций соответствующей категории на конец операционного дня даты, на которую определяются лица, имеющие право на их получение. Аналогичное правило содержится в статье 149 ГК РФ, согласно которой правом требовать исполнения по бездокументарной ценной бумаге обладают лица, указанные в учетных записях. При этом надлежащим исполнением признается исполнение, произведенное именно этим лицом.

Сложившаяся судебная практика последовательно придерживалась формального критерия. Так, в деле № А56-66912/2009 [7] суд отказал истцу во взыскании дивидендов за 2005-2007 годы, поскольку на момент принятия решения о выплате он не числился в реестре акционеров, несмотря на то, что в 2008 году право собственности на акции было признано за ним в судебном порядке. Аналогичный подход был применен в деле № А19-26754/2021 [6], где суд указал, что права на акции перешли к истцу лишь с момента внесения записи в реестр, а не с момента заключения договора купли-продажи. Суды нижестоящих инстанций по делу «Русал» также руководствовались этим принципом, отказывая ООО «Ралко Со» в иске.

Вместе с тем, Верховный Суд РФ в своем Определении занял иную позицию, фактически разорвав связь между правом на получение дивидендов и формальным статусом акционера в реестре в случаях, когда имеет место противоправное выбытие акций (хищение). Суд указал, что закон не связывает наличие прав на акции исключительно с их учетом в реестре.

Представляется, что данная позиция является спорной. Известные цивилисты, такие как А.С. Селивановский и И.С. Чупрунов, справедливо отмечают, что эмитент должен выплачивать дивиденды только лицам, указанным в реестре, и исполнение в пользу таких лиц является надлежащим [4; 5]. «Русал» действовал добросовестно, не зная о факте хищения и не имея возможности проверить юридическую судьбу каждой акции. Возложение на эмитента риска выплаты дивидендов лицу, не внесенному в реестр, ставит под сомнение стабильность гражданского оборота и принцип публичной достоверности реестра.

На наш взгляд, поскольку у ООО «Ралко Со» отсутствовали «права на бумагу» в спорный период, у него отсутствовали и «права из бумаги», в частности, право на получение дивидендов. Гипотетическое восстановление корпоративного контроля в будущем не может служить основанием для взыскания дивидендов за прошлые периоды, так как в те моменты истец не обладал правом собственности на акции.

В качестве альтернативного механизма защиты нарушенных прав мы можем предложить обращение к пункту 2 статьи 144 ГК РФ (в применении к бездокументарным бумагам через пункт 3 статьи 149.1 ГК РФ). Данная норма предусматривает возмещение убытков обладателю права на ценную бумагу, если обязанное лицо знало о том, что владелец ценной бумаги не является надлежащим обладателем права. И.С. Чупрунов указывал на возможность применения данного механизма защиты [5]. Однако применение данного механизма крайне затруднено, так как требует доказывания действительного знания эмитента о похищении акций, что в условиях ведения реестра профессиональным регистратором практически невозможно.

Учитывая изложенное, а также принимая во внимание, что Арбитражный суд Калининградской области впоследствии отказал «Ралко Со» в восстановлении корпоративного контроля [8], представляется, что при новом рассмотрении дела суды вновь откажут во взыскании дивидендов. Хотя подход Верховного Суда направлен на защиту прав потерпевшей стороны, он противоречит формальным требованиям законодательства и сложившейся судебной практике. Предоставление возможности «нереестрового» акционера требовать выплаты дивидендов подрывает основы корпоративного права [3, с. 33-34].

Литература:

1. Правовое регулирование рынка ценных бумаг: учебник / А. С. Селивановский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 579 с.
2. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах / Проф. М. М. Агарков. — Москва: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1927. — 165 с.
3. Будылин С.Л. Дело о невыплаченных дивидендах. Права акционера и запись в реестре. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 11 февраля 2025

года № 307-ЭС24-17957 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 11. С. 4-35.

4. Михальчук Ю.С. «Ралко СО» vs «РУСАЛ»: можно ли требовать дивиденды по похищенным акциям до возврата корп. Контроля?» // YouTube. 26.02.2025. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J0evgPZ1sUk> (дата обращения: 28.07.2026).

5. Петербургская цивилистика «6.22. Кому выплачивать дивиденды? (дело «РУСАЛ»))» // YouTube. 16.03.2025. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NnWFD5HMMKs&t=1596s> (дата обращения: 28.07.2026).

6. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.11.2022 № Ф02-4793/2022 по делу № А19-26754/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

7. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 30.06.2010 по делу № А56-66912/2009 // СПС «КонсультантПлюс»

8. Решение Арбитражного суда Калининградской области от 17.04.2025 по делу № А21-2868/2024 // СПС «КонсультантПлюс»

Егоров В.А.

магистрант

ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»

научный руководитель – старший преподаватель кафедры уголовного процесса
ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Ф. Шилова»

И.Л. Игнатьева

Egorov V.A.

Master's Student

I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
scientific director – Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure

I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
I.L. Ignatyeva

О ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЫ

Аннотация. В настоящей статье исследуются проблемы, возникающие в практике квалификации незаконной охоты. Автор объясняет их бланкетным характером норм ст. 258 УК РФ, оценочным характером категории «крупный ущерб», а также неспособностью этого формального критерия учесть реальный экологический ущерб, причиняемый животному миру незаконной охотой, а также высказывает сомнение относительно законодательного подхода к закреплению в ч. 2 ст. 258 УК РФ квалифицированных составов незаконной охоты, не учитывающего общественной опасности наиболее типичной для незаконной охоты формы соучастия – совершения преступления организованной группой. Эти и другие проблемы обосновывают необходимость внесения изменений в действующий порядок уголовно-правового регулирования ответственности за незаконную охоту.

Ключевые слова: незаконная охота, крупный ущерб, экологический вред, проблемы квалификации, совершение незаконной охоты организованной группой, квалифицированные составы незаконной охоты, критерии реального экологического ущерба животному миру.

ON THE ISSUES RELATED TO THE QUALIFICATION OF ILLEGAL HUNTING ACTIVITIES

Abstract. This article examines the challenges that arise in the practice of qualifying illegal hunting. The author attributes these challenges to the blanket nature of Article 258 of the Criminal Code, the evaluative nature of the category "major damage," and the inability of this formal criterion to account for the actual environmental damage caused to wildlife by illegal hunting. The author also questions the legislative approach to establishing the qualifying elements of illegal hunting in Part 2 of Article 258 of the Criminal Code, which fails to take into account the social danger posed by the most typical form of complicity in illegal hunting—committing the crime by an organized group. This justifies the conclusion that Article 258 needs to be amended and the identified legal gaps addressed.

Keywords: Illegal hunting, major damage, environmental damage, qualification issues, illegal hunting committed by an organized group, qualified elements of illegal hunting, criteria for actual environmental damage to wildlife.

Уголовная ответственность за незаконную охоту закреплена в ст. 258 Уголовного кодекса Российской Федерации [2] (далее – УК РФ), которая представляет собой один из ключевых инструментов противодействия данному виду экологических преступлений. Данный состав помещен законодателем в гл. 26 УК РФ, которая объединила в себе 17 статей (36 составов), предусматривающих ответственность за преступления экологической направленности.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за преступления, предусмотренные гл. 26 УК РФ, с января 2022 по декабрь 2025 г. было осуждено 23 926 лиц. Из них: в 2022 – 6 189 лиц; в 2023 – 5 299 лиц; в 2024 – 5 943 лица; в 2025 – 6 495 лиц. Особую тревогу вызывает тот факт, что данные преступления все чаще совершаются в соучастии и (или) в особо крупных размерах, а также что число лиц, осужденных за незаконную охоту в 2025 г., уменьшилось по сравнению с 2024 г. на 14% [12]. Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, а также Главное управление по надзору за исполнением федерального законодательства Генеральной прокуратуры Российской Федерации связывают это не столько с сокращением случаев браконьерства, сколько со сложностями доказывания и проблемами квалификации незаконной охоты.

Полагаем, во многом проблемы квалификации незаконной охоты обусловлены тем, что российское природоохранное законодательство носит межотраслевой характер. Так, применяя норму статьи 258 УК РФ, правоприменителю приходится систематически прибегать к нормам федеральных законов от 24.04.1995 № 52 «О животном мире» [3] (далее – Закон о животном мире) и от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» [4]. Очевидно, что выход предмета доказывания за рамки уголовного права делает правоприменение по данному направлению достаточно сложным. На это указывают специалисты. В частности, Н.А. Лопашенко считает, что для правильного применения уголовно-правовых санкций за незаконную охоту правоприменитель должен быть наделен межотраслевыми компетенциями, а также что в противном случае вынести справедливый приговор не представляется возможным [10, с. 62].

О важности указанных компетенций говорит тот факт, что, вменяя состав незаконной охоты, важно не только доказать сам ее факт, но и подтвердить, что объект преступного посягательства имеет особый статус, например, является особо охраняемым и/или включенным в соответствующий перечень. Полагаем, не менее важно в данном случае установить размер причиненного вреда, который возник в результате незаконной охоты.

Вопросы возмещения экологического вреда в результате незаконной охоты регулируются Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» [8]. Положения о крупном и особо крупном ущербе (количественный критерий ущерба) закреплены в примечании к ст. 258 УК РФ. Обратившись к указанному примечанию, можно установить, причинил ли субъект незаконной охоты своими действиями ущерб в крупном или особо крупном размере. Если причиненный преступлением ущерб более сорока тысяч, то речь идет о его крупном размере, а если он превышает порог в сто двадцать тысяч рублей, такой ущерб считается особо крупным.

В то же время, высшая судебная инстанция призывает подходить к квалификации деяния по ст. 258 УК РФ дифференцировано, учитывая не только количественный критерий причиненного ущерба, но и принимая во внимание экологическую значимость особи применительно к месту ее обитания, а также оценивать урон, нанесенный численности популяции в целом. Обращение к Красной Книге РФ, а также к положениям подзаконных нормативных правовых актов, в том числе, к Постановлению Правительства РФ от 31.10.2013 № 978 [6], способствует правильному определению статуса животного, установлению его принадлежности к особо охраняемым видам, включенным в соответствующий перечень. Все это

также способствует правильной квалификации. Мнение доктрины, подтвержденное анализом приговоров, позволяет констатировать, что правильная идентификация объекта животного мира минимизирует ошибки при вменении ст. 258 УК РФ [9].

В настоящее время порядок оценки причиненного вреда исчисляется по специальным таксам, руководствуясь методикой. Данная методика утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 10.06.2019 № 750 [7]. Однако, отношение специалистов к такому порядку оценки причиненного вреда неоднозначно. Не иначе как «юридической фикцией» называет такой законодательный подход Н.А. Лопашенко. Критикуя соответствующую методику, автор, как представляется, вполне справедливо указывает на неспособность в данном случае учесть фактические затраты государства на восстановление природных ресурсов [10, с. 72]. Очевидно, что объективно оценить экологическую значимость утраты, в особенности, если объектом преступления стал редкий вид животного, в данном случае не получится. Исходя из этого, на передний план выходит проблема дополнительной нормативной проработки механизма, направленного на объективную оценку ущерба, причиненного незаконной охотой.

Закрепленные в ч. 1 ст. 258 УК РФ признаки незаконной охоты, на основании которых возможно привлечение к уголовной ответственности, позволяют отграничить данное преступление от правонарушений, указанных в ст. 8.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [1]. Для отнесения содеянного к административному правонарушению необходимо убедиться в том, что имело место нарушение правил охоты, которыми предписано сохранять природные ресурсы и исполнять требования к осуществлению охоты на территории нашей страны. Если действия лица не содержат признаков преступления, закрепленных в ч. 1 ст. 258 УК РФ, то речь идет исключительно об административном правонарушении, регулируемом ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ.

Ключевую роль в отграничении состава административного правонарушения и преступления, регулируемого ст. 258 УК РФ, по объективной стороне играет экологическая ценность особи конкретного вида, которая стала объектом преступного посягательства, а также роль данной особи для конкретной территории обитания. В настоящее время квалификация незаконной охоты с учетом экологической ценности особи, ставшей объектом преступного посягательства, происходит при непосредственном участии эксперта. Однако, как показывает практика, заключения экспертов в этой части нередко страдают неполнотой, не содержат однозначных выводов, что не позволяет суду включить такое заключение в перечень доказательств и произвести квалификацию с опорой на экспертное мнение [9, с. 27]. Выходом из такой ситуации видится закрепление на уровне подзаконного нормативно-правового акта четких критериев экологической ценности незаконно добытой особи конкретного вида.

Квалификация незаконной охоты по объективной стороне предусматривает установления способа совершения преступления. Как показывает практика, данные преступления, чаще всего, совершаются в соучастии. Охота сама по себе подразумевает коллективное участие, в особенности если речь идет об охоте на крупного зверя. Опираясь на анализ приговоров и материалы уголовных дел, к наиболее распространенным способам незаконной охоты можно отнести реализацию ее в составе организованной группы. Судебно-следственная практика подтверждает, что состав таких групп, участники которых являются либо коллегами по работе, либо давно дружат, постоянен, поведение участников – стандартно, их роли четко распределены. Кроме того, структура таких групп отличается иерархичностью. Исходя из этого, не вполне понятен подход отечественного законодателя, который не выделил незаконную охоту в составе организованной группы в самостоятельный состав в рамках ст. 258 УК РФ. Нельзя не отметить при этом особую опасность преступлений, совершаемых в составе организованной группы, а также тот факт, что высшая судебная инстанция в Постановлении Пленума № 21 делает особый акцент на том, что

правовая оценка действий соучастников требует обязательного учета степени общественной опасности преступления. Именно поэтому совершение преступления в составе организованной группы, присущее целому ряду составов УК РФ, выделено в самостоятельный особо квалифицированный состав [11, с. 63].

Таким образом, анализ проблемных вопросов квалификации незаконной охоты, регулируемой ст. 258 УК РФ, обосновывает необходимость:

1) внесения изменений в конструкцию ст. 258 УК РФ «Незаконная охота» с целью дополнения ее ч. 3, содержащей особо квалифицированный состав – «совершение преступления организованной группой». В основу данного предложения положен анализ судебно-следственной практики, подтверждающий, что типичным способом незаконной охоты является участие именно организованных групп, а также, что правоохранительные органы и суды не уделяют должного внимания фактической организованности, сплоченности лиц, совершающих данное преступление. Полагаем, выделение по аналогии с многими составами УК РФ совершения преступления организованной группой в качестве особо квалифицирующего признака незаконной охоты вполне закономерно ввиду его достаточно большой общественной опасности;

2) закрепления на уровне подзаконного нормативного правового акта критериев экологической ценности незаконно добытой особи определенного вида, а также ее значимости для конкретной территории обитания. Считаем, такие критерии как «статус редкости» (краснокнижный вид), «репродуктивный вклад» (влияние на популяцию изъятия самки или молодняка) и «биологическая роль в экосистеме» способны унифицировать судебно-экологические экспертизы и облегчить квалификацию деяния путем установления на основе этих критериев реального экологического ущерба, причиненного животному миру.

Представляется, что разработка и последующее нормативное закрепление четких критериев, на основе которых можно будет учитывать экологическую ценность особи, ставшей объектом незаконной охоты, создаст предпосылки для объективной оценки реального, а не формального ущерба, причиненного животному миру в случае незаконной охоты. Кроме того, такой подход не противоречит Федеральному закону от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [5], который позволяет определять размер вреда, исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды в случае, если базовых такс для этого недостаточно.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.07.2026) URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 14.07.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026). URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 12.07.2026).
3. О животном мире: Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 12.07.2026).
4. Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов: Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 12.07.2026).
5. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2025). URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 16.07.2026).
6. Об утверждении перечня особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1, 258.1 и 260.1 УК РФ: Постановление Правительства Российской Федерации от 31.10.2013 № 978. URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 12.07.2026).

7. Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 10.06.2019 № 750. URL: <http://consultant.ru>. (дата обращения: 12.07.2026).

8. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022).

9. Забавко Р.А. Незаконная охота, совершенная в соучастии // Особенности квалификации экологических преступлений: сб. материалов межвуз. кругл. Стола / Р.А. Забавко. – Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского ин-та МВД РФ, 2018. – С. 25-28.

10. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 352 с.

11. Питулько К.В. Квалификация экологических преступлений: учебное пособие / К.В. Питулько, В.В. Коряковцев. – М.: КНОРУС, 2023. – 156 с.

12. Статистические данные Судебного департамента Верховного суда Российской Федерации за 2022-2025 гг. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4759> (дата обращения: 08.07.2026).